

БОГДАН ЧЕРНЕНКО

СДЕЛКА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН
В
РАССЕКРЕЧЕННЫХ
ДОКУМЕНТАХ

18+

Богдан Черненко

СДЕЛКА

исторический роман в рассекреченных документах

Пятидесятилетие полёта

"Аполлона 8" ощущается

Документ 001

Предисловие, написанное
генералом И. Д. Лисицыным,
30 ноября 2018 года

Разрешите представиться. Меня зовут Иван Дмитриевич Лисицын, мне семьдесят два года, в прошлом я лётчик-истребитель. В запас ушел в звании генерал-майора.

Несколько дней назад со мной неожиданно вышли на связь сотрудники издательства, в котором уже год валяется без движения рукопись моих мемуаров. Но позвонили не обрадовать или огорчить автора, а с просьбой дать свой комментарий на имеющий хождение в

сети Интернет некий сборник рассекреченных документов под общим названием "Сделка", в котором часто упоминается моё имя и описываются обстоятельства моей службы. А правда ли, что вы стреляли в упор и чуть не убили президента Никсона? Вас действительно приняли в члены Бильдербергского клуба? Это что же, в Политбюро вообще все были предатели, один Косыгин -- красавчег? Можете прокомментировать? Вот лишь некоторые вопросы, которые озвучил по телефону милый девичий голосок. Да нет, пожалуй, ответил я девчужке из издательства, и взял на себя обязательства разобраться и перезвонить. Внук распечатал мне сборник "Сделка". Я знал, что ты крут, дед, сказал мне внук, но после этого ты вообще супер герой! Спасибо тебе, внучок, но твой дед не супер и не герой, а, по-чесноку, уставший и многоопытный неудачник. Фигня, дед, но не комменть им ничего, срач будет, не опускайся до их уровня. Напиши лучше предисловие к этому сборнику, и я его по новой залью в Сеть. А мой знакомый гениальный программист, помнишь, по клинтоноидам который работал, хакнет скрипты Яндекса и Гугла, и в поиске будет выдаваться сборник только с твоим текстом вначале, типо так и было. Окейна? А в предисловии напиши, что сам считаешь нужным.

Хороший совет, внук. Пишу. Галилей, значит, в этот день составил первую карту Луны, а я про ту Луну предисловие пишу.

О чём этот сборник, о чём Сделка? Да, без кавычек и с большой буквы. О "лунной гонке" между СССР и США? О смертельной битве недоразвитого социализма и гнилого капитализма? О предательстве и конце света? И обо всём этом тоже. Именно Сделка оказалась нет, не причиной, погубившей Советский Союз, но большим, блестящим, хромированным "Made in USA" черпаком особо вонючего говна в бочке мёда не наступившего коммунизма. Простите меня, люди. Я был активным участником этой Сделки, а в сборнике "Сделка" числюсь одним из двух главных героев. Ну как -- участником? То есть, не стороной Сделки, а вроде агента. Менеджером проекта, внук подсказывает. Да. Надо же, хрень какая! Я был одним из менеджеров проекта по прекращению научно-технического прогресса человечества. Вторым, с американской стороны, был Роберт Скуллз, хотя, отставить

был - есть. Я знаю, ты жив, Бобби, тебе подскажут, и ты обязательно это прочитаешь. Не привет тебе, Боб! Помню, ты всегда считал себя патриотом, а значит, сейчас пребываешь в печали. Я не разделяю с тобой твою горечь за Америку, катящуюся в преисподнюю. Вы получили то, к чему стремились. А что получили мы, русские, в результате Сделки? Бочка осталась, да, пустая валяется, гремит, если пнуть, но хоть что-то по сравнению с неисчерпаемым океаном вырожденной материи, в котором американцы целеустремленно тонут. Кто же из нас раньше склеит ласты? Ну да ладно.

Предварять сборник "Сделка" мне особо нечем, сами всё прочтаете, так что, как заведено, буду краток.

На вопрос: "Всё-таки, американцы на Луну летали или всех обманули?" я отвечу чётко и по-военному -- летали, ибо имею соответствующий, никем не отмененный приказ Председателя Правительства СССР товарища Косыгина Алексея Николаевича говорить именно так, отвечая на вопрос "Летали ли...", и так далее. Вольно! Со своей стороны замечу, что нельзя сначала стать непревзойденным чемпионом мира по шахматам, а потом даже правила игры забыть, задолго до пенсии и без подлянок от старины Альцгеймера! Совершенно не представляю себе, а воображение у меня есть, как наши американские партнёры из этой своей глубокой западни будут выбираться. То есть, прошу прощения, партнёрами их уже не называют. Американские пиндосы, так, да? Каким образом они туда летали, сколько и чем заплатили Советскому Союзу за возможность попрыгать по Луне перед объективами камер, откуда у них такая застарелая зависть к русским лузерам, проигравшим космическую гонку, и почему они до сих пор мелко мстят нам за свою победу -- сборник "Сделка" это прояснит, надеюсь. Меня и Боба Скуллза приняли на работу на весь срок действия секретного соглашения между СССР и США, на пятьдесят лет. С момента заключения Сделки прошел пятьдесят один год. Никто ничего не продлевал, бабки не подбиты, акты сдачи-приёмки не подписаны, обе стороны остались недовольны результатами, а одна из сторон пребывает в непреходящем страхе, ожидая разоблачения, отчего дёргается сразу во все стороны, совершает тупые ошибки,

неизобретательно хамит и смешно угрожает.

А вы думали, дорогие читатели, откуда вдруг взялась Вторая холодная война?

; -))

Этот знак внук поставил.

Чем же всё это закончится? Кто победит в этой битве? Много десятков лет назад, во времена Первой холодной войны, я задал такой же вопрос товарищу Косыгину. Я не оптимист, Ваня, с чего бы вдруг, я в Ленинграде работал во время Великой Отечественной, отвечал Алексей Николаевич, но и не пессимист, по той же причине. Я блокадник. Мы всегда будем слабее Запада в интригах, подлянках, хитрожопии, короче, в международных политике и экономике. Друзей у нас всегда будет мало, а вассалов не будет вообще. Не наше это. Но у нас есть один могущественный и проверенный союзник, которого, по недоразумению, Запад считает своим слугой и орудием. Это время. Для нас оно доктор и лечит. Для них -- деньги и крутится. Время управляет Вселенной, миллиарды лет, триллионы километров. Я думаю, для времени обидно быть циферками на счету уголовного с Волл Стрит или чемоданами бумажек в сейфе купленного политика. Быть врачом для времени несравнимо большее достоинство. Так что на твой вопрос, Иван, я отвечу со всем блокадным оптимизмом. В долгую мы всё равно выиграем.

Документ 010

Офицеру-куратору

от агента "Грек",

Ницца, яхта "Кристина О.",

27 декабря 1960 года,

полночь

Верный человек с берега сообщил -- меня разоблачили и меньше чем через час они будут здесь. Да я и сам шестым чувством понял, что раскрыт. Скорее всего, сработали крепкие ребята из их новой спецслужбы ЦРУ, прибывшие с избранным президентом США. Так что, пан майор, это моё вам самое последнее донесение. И я этому безмерно рад, как ни странно. Может быть потому, что это шедевр работы разведчика, лучшего я уже не добыю никогда!

Микрофоны я демонтировал, магнитофон утопил, пленку с записью переговоров господина Черчилля и избранного президента США сжёг, но сперва расшифровал в печатный текст. Допишу это сообщение, спрячу его в ту же бутылку, что и расшифровку, и приму яд. Ничто не сможет указать, герр полковник, на страну или партию, которой я служил. В смерти начальника службы безопасности греческого миллиардера будут искать следы конкурентов, а не Второго Коминтерна. Ничто не укажет также на причину моей смерти, просто сердце остановилось, яд я приму английский, очень редкий, добытый из печени беременной самки морского ктулху. Он быстро и полностью разлагается на неорганические составные части.

Служил... Я уже пишу о себе в прошедшем времени. Это должно было когда-то случиться. Я готов! Передайте товарищу генералу, что я верю -- он позаботится о моей семье.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Запись беседы

Уинстона Черчилля

и избранного президента США

Джона Кеннеди

25 декабря 1960 года

-- И что, вы тут уже несколько месяцев живёте? На яхте. Мистер Черчилль, сэр?

-- Называй меня Уинстон, Джон. Хорошо, Джон? Итак, Джон, довели до тебя мнение Старших, в чем твоя главная мистическая задача на каденцию?

-- На что?

-- Не важно. Так объяснили тебе задачу?

-- Я и сам понял. Моя задача -- сбрить Кастро бороду и засунуть ему сигару в...

-- Нет! Джон, всё предельно серьёзно, не до шуток. Твоя задача -- уничтожить Россию. Любым или всеми сразу доступными тебе, президент Джон, средствами. Так чтобы духу коммунизма на этой планете не осталось! У тебя на это есть наше доверие и восемь лет. К шестидесят восьмому, максимум к шестидесят девятому году Советы должны быть уничтожены. Это можешь и должен сделать ты. Времени у свободного мира не осталось совсем. Восемь, девять лет, даже не десять!

-- Ну что ж. Всё, как мне и обещали. И вы, Уинстон, не растеряли своей легендарной хватки, и сигары у вас замечательные, и коньяк. А ещё обещали, что вы мне всё растолкуете. Растолкните, Уинстон, что за спешка?

-- Окей, как говорила моя мам. Джон, я консультирую Эм Ай Шесть по вопросам стратегии, а разведчики, в свою очередь, делятся со мной свежими новостями из-за железного занавеса. Так вот, русские готовят по нам удар. Быстрый, обезоруживающий, ядерный, конечно.

-- Страшно, Уинстон. Мне уже очень. Где тут ближайшее бомбоубежище?

-- Не бойся, Джон. Это будет не сегодня. Это будет в следующем году.

-- Уинстон! Это вы о словах Хрущёва, что русские делают ракеты, как хот-доги?

-- Русские не делают хот-доги, Джон. Хрущёв говорил о сосисках-гриль. Нет, я не об этом. По данным нашей разведки, русские уже запустили на околоземную орбиту не менее трёх космических пилотов. Возможно даже пятерых. По очереди, по одному пока. Для тренировки. Разведчики очень тщательно процеживают информацию и, если нет окончательной уверенности, говорят -- возможно. Так вот, про трёх они уверены полностью. Есть даже имя первого орбитанта -- Иван Иванович. И радиопозывной - "Манекен". Поначалу агенты предполагали, что русские не заявляют свой приоритет, потому что запускают в космос смертников и политзаключённых, но потом прояснился их коварный план.

-- Так, так, так! Момент, пожалуйста, Уинстон, я плесну себе, чтобы не отвлекаться. Ага, я весь превращаюсь в одно большое ухо!

-- Эволюционируй сразу до мозга, Джон. Я ведь не сказки рассказываю внуку, а делюсь агентурными данными, собранными лучшей в мире разведкой. Так вот, эти русские взлетают на орбиту в специальных бронированных капсулах, состоящих из двух частей. Внутри первой, шарообразной части сидит пилот, а вторая часть имеет форму конуса! Понимаешь, о чём я? К капсуле прикреплена конусообразная, стальная, максимальным диаметром восемь футов, то есть огромная ядерная боеголовка!

-- Джизас! Э-э. А зачем?

-- Капсула с бомбой летит на высоте сто пятьдесят миль со скоростью пять миль в секунду. Её не засекает ни один радар. Ровно над Лондоном или Нью-Йорком пилот тормозит капсулу ракетными импульсами, отстёгивает бомбу, и она в свободном падении летит вниз, чтобы отправить нас всех в Ад! Это бомба, Джон! Не Фау Один, не самолёт. Её не сбить зениткой. Через четыре минуты после отстёгивания, со скоростью больше мили в секунду термоядерная

бомба врезается в Букингемский дворец или в Эмпайр Стейтс Здание! По одной бомбе на город будет достаточно, Джон! Очень русский, подлый и экономный план.

-- А пилот?

-- Что -- пилот?

-- Ну, пилот, в капсуле который? Он вслед за бомбой вниз падает? Он же затормозил над Лондоном.

-- Я не строю из себя большего мудреца, Джон, чем я есть, но думаю, что нет. Пилот вниз не падает. Это же русские. Нищая страна. Опытные пилоты им нужны. Возможно, в капсуле есть выдвижные пропеллеры, которыми пилот, в соответствии с планом его миссии, подруливает, чтобы приземлиться не в зоне поражения, а в Восточной Европе или, в вашем случае, на Кубе.

-- Да. Оу, да. Плесну-ка я ещё коньяку. Что я могу добавить к сказанному? Наша новая разведка, ЦРУ тоже напряжённо работает на русском космическом направлении и, готов на пари, наши парни не хуже ваших, в конце концов, многие из них раньше служили в Абвере и Гестапо. Неделю назад вице-президент Дик Никсон передавал оперативное управление НАСА моему вице, Джонсону. Я присутствовал. Мне интересно! Никсон показывал тайно снятые фотографии русской космической капсулы. Это не бомба, Уинстон, прикреплена к капсуле. Это её двигательный отсек. Я без понятия насчёт выдвижных пропеллеров, но знаю точно, что в цехах, где русские собирают капсулы, нет никаких противорадиационных мер защиты. И ещё. Дик рассказал и про Ивана Ивановича, первого пилота капсулы. "Манекен", Уинстон, это не радиопозывной. Как бы сказать, это, собственно, манекен. А Иван Иванович - его имя, это такая русская шутка. Они, должно быть, над ней смеются.

-- Это вот что за дерьмо я сейчас выслушал?

-- Что -- что? Мне повторить?

-- Дешёвый такой, на серой послевоенной бумаге напечатанный

приключенческий роман я сейчас читаю. В первой же главе убелённый сединами мудрый генерал показывает выскочке-капралу диспозицию войск, а выскочка, этот ирландский недоносок, пьёт стаканами неразбавленный виски в присутствии генерала и плюет жёванным табаком на секретные карты. Во всех смыслах дешёвое чтиво. Уверен, через пару абзацев, стоит перевернуть страничку, генерал всадит пяток пуль из верного "Бульдога" недоноску-выскочке в его тупую... *(лакуна в записи. Возможно, кто-то из охраны президента США тоже подслушивал разговор и, после слов Черчилля, включил, с перепугу, радиосигнал тревоги, заглушивший микрофоны)*

-- ... в конце концов, враг у нас общий. Ну что, мир, Джон?

-- Мир, мир. Конечно, мир, папаша. А насчет их планов? Помню их планы. Всемирная пролетарская революция. Лет сорок уже этим планам.

-- Поумнели они. Никакой больше революции, Джон. Вот почему, объясни, русские с таким бешенством, с таким нечеловеческим остервенением разрушали в апреле сорок пятого здание Имперской канцелярии в Берлине? А? Прекрасное, огромное, новое здание! Пригодилось бы для штаб-квартиры германского отделения НКВД! Зачем?

-- Ну. Там же Гитлер сидел в подвале, нет?

-- Ха, ха! Ты ещё скажи, русские варвары таким образом добывали мрамор для строительства московской подземки! Нет, Джон! Близкий друг Гитлера, Рудольф Гесс, бежавший в Британию в мае сорок первого, открыл мне много страшных нацистских тайн. Пытался, хитрец, таким образом втереться в доверие к премьер-министру Его Величества, то есть не врал. И вот одна из этих тайн: в несущих стенах и в фундаменте здания Имперской канцелярии при строительстве были предусмотрены специальные ниши для хранения и демонстрации немногим посвященным сакральных символов, редчайших реликвий и аномальных артефактов покорённых Рейхом стран и цивилизаций! Понимаешь?

-- Нет, Уинстон, уж больно коньяк хорош, я отвлёкся на середине предложения. Ещё раз и попроще можно?

-- Скрижали Завета. Миска Будды. Череп Жака Молле. Посох Лао Цзы. Камень из пращи Давида. Карфагенский уроборос. Фартук Джорджа Вашингтона. Перо Кетцалькоатля. И, само собой, Священный Грааль, Копьё Судьбы и Отбойный молоток Мастера Хирама. Для Вечного Жида, когда поймают, была предусмотрена камера с удобствами на самом нижнем уровне здания, рядом с уменьшенной копией мавзолея Ленина. Все эти сокровища нацисты планировали до конца времен запереть в подвалах и нишах стен Имперской канцелярии и закрыть бронированным стеклом.

-- И чо?

-- Так это только половина страшного ужаса, Джон. Слушай дальше. С весны тридцать восьмого года Гитлер стал покорять страну за страной. Покорять, это я вежливо сказал, уничтожать. А уничтожить страну значит сожрать, поглотить, забрать себе самое главное из ее культурного наследия -- архивы, актуальные документы и собственность тайных Братств и закрытых Обществ, сердце, так сказать, покорённой страны. Год за годом, с тридцать восьмого по сорок четвёртый подвалы рейхсканцелярии забивались книгами, сборниками древних заклинаний, свитками, пергаменатами и клинописными табличками, содержащими самые жуткие тайны человеческой истории и ответы на предельные вопросы, которые люди себе ещё даже не задают. Тупица Геринг загромождал свои виллы картинами и скульптурами, а умница Гиммлер заполнял свои закрома знаниями. Именно ради этих архивов в первую очередь и разрушали русские рейхсканцелярию в апреле сорок пятого. Они торопились, генерал Паттон был поблизости и мог отнять Берлин у русских, им повезло, они успели, а он просто не захотел. Все эти архивы теперь в Москве, все современные документы, где имена, явки, связи, ступени иерархий и подчинения, долгосрочные планы действий "А", "Бэ" и "Цэ", ну и доверенности на имущество и пароли к банковским счетам на предъявителя, всё это отныне хранится в подвалах Кремля. И не мёртвым грузом, русские изучают их, сверяют данные с текущей политической действительностью и, конечно,

встраивают новую информацию в свои злокозненные планы. В свой самый главный подлый план, даже скажу!

-- Скажите же, Уинстон. Какой такой план? А почему вы не пьете? Отличный коньяк, рекомендую. А, ну да, это же ваш коньяк.

-- Стоит мне только зажмуриться на минутку, перед глазами во всех подробностях проявляется картина нашей гибели! Последних дней свободного мира! Я расскажу тебе, президент Джон, как это будет происходить. Я вижу весь ужас в мельчайших деталях, я нюхаю этот смрад отчаяния, я слышу все звуки, даже все мысли участников драмы конца! Вот мерзкий очкарик, старший майор КГБ вздрагивает и отбрасывает от себя древний манускрипт. Ему страшно, он только что узнал тысячелетнюю тайну. Пламя свечи дрожит, отражаясь в стеклах его пенсне. Но он не простой читатель, он не зря старший майор. Тонкие его губы растягиваются в гнусную улыбку, спина распрямляется. Он подбирает манускрипт и спешит к начальству, прочь из подвала, наверх, в Спасскую башню. А там уже очередь в приёмной, капитаны, полковники, один генерал. Все что-то узнали в архивах и спешат доложить. Но чу! Секретарша разводит руками, она сама в недоумении, начальство не принимает никого! Стихают разговоры в приёмной, только холодный сквознячок шевелит редкие волосы немолодых офицеров, толпящихся в полукруглом мрачном помещении. И вдруг резкий порыв ветра врывается в приемную через не застеклённые бойницы Спасской башни, дверь в кабинет распахнута, к собравшимся выходит Маршал НКВД СССР, высокий худой старик с острыми ушами и порочным лицом. Что это? К мундиру старика прилип принесённый ветром лист бумаги. Маршал дальнозорко щурится в текст. Что за?! Расшифровка тайнописи судового журнала "Санта-Мари"? Во времена Колумба пирамиды затопленной Атлантиды ещё торчали из под воды у берегов Кубы? Организовать военную экспедицию на Остров Свободы? Старик комкает листок и швыряет мусором в секретаршу. Та привычно уворачивается. "Товарищи офицеры, - говорит старик. - Сворачиваем дронить в дальний ящик! Слова побоку, нас нет-нет, но и заждались великие дела! Инопланетяне, Атлантида, Гоморра, всё потом будет. Всё после победы, которая близка. Будем заканчивать с этим Западом.

Теперь уже совсем, ибо хватит позволять себе терпеть их ещё. Всем получить конверты с приказами, переодеть то, что сейчас в полевую форму и искрой на аэродром"! А на аэродромах батальоны, полки, дивизии самолетов, десантные, ракетные, с бомбами, тюремные, половина стартует на запад, в Европу, другая на север, через Арктику к вам, Джон, в Америку. Только один -- в Китай, маленький, быстрый, уведомить. Стаи, легионы, тучи красно-коричневые пересекают границы России с Восточной Европой, огромная тень накрывает Северный полюс. Операция "Я покажу тебе свободу!" началась. Сотни истребителей, тысячи пилотируемых крылатых ракет, реактивные вертолеты, это конец. А что же западные лидеры? А ничего! Во Франции де Голль, в Италии криптокоммунист, в Австрии никто, в Германии вообще Аденауэр! Диктатор Испании по радио говорит, что он всегда был за рабочий класс, и напоминает соотечественникам, что им, испанцам, никогда не нравились эти варвары по ту сторону Атлантики, и что мы, испанцы, всегда этих мразей кололи, резали и жарили всеми доступными способами. А что же Америка, спросишь ты, Джонни? А в Америке президент Эйзенхауэр, он на мавзолее Ленина стоял, он парад русских войск приветствовал, он до донышка испуган с тех пор. А сенатор Маккарти мёртв, Комиссия по борьбе с антиамериканцами закрыта, некому защитить Запад,дохлые все. Или на пенсии. И это красные орды ещё не пересекли западные границы Польши и Богемии! Ещё десять-тридцать минут и первые самолеты начнут садиться прямо на Елисейские Поля, на Курфюрстендамм, на Площадь Святого Петра и на Даунинг стрит. Ещё пара часов и уродливые бомбардировщики с красными звездами на крыльях, кроша своими шасси желтые такси и черные лимузины, один за другим приземлятся на Бродвей и Пенсильвания-авеню. Наш мерзкий старший майор на особом счету у маршала, и поэтому ему достался самый ответственный участок всей операции, Лондон. А в чем суть операции? Вот прилетели они, десант высадили, сопротивления не встретили, что теперь? Поднимать бунт в доках Нью Ёрка и Лондона? Возбуждать монахов Рима и проституток Парижа? Вести на Капитолий негров Вашингтона? Я упоминал, что план их коварен? Упоминаю. Больше никаких запечатанных вагонов, штурмов дворцов и гражданских войн. Новая война это битва символов и знаков, не ядерная, конечно. А вот такая. Старший майор рассылает

десантуру во все концы Британии, полупьяные солдаты хватают в офисах Сити владельцев крупнейших компаний, в особняках Белгравии вытаскивают из тёплых кроваток директоров и заместителей директоров важнейших банков, поджигают шотландские замки и отлавливают разбегающихся глав и наследников древнейших аристократических фамилий. Захватчики знали всё до деталей, места жительства, расписания работы, тайные страсти сильных мира сего. Я вижу всё это, рыдания сжимают мое горло, внутри меня что-то обливается чем-то. Всех пойманных, всю элиту собирают в толпы и огораживают колючей проволокой на центральных площадях. Женщин отдельно, их, бедняжек, со связанными руками, рассаживают вдоль витрин дорогих универмагов, а в самих витринах устанавливают самые большие телевизоры. На главных улицах крупнейших городов Запада, не только столиц, растягивают проекционные экраны, всех телевизионщиков Европы и Америки арестовывают и доходчиво объясняют им, на кого они теперь работают. День ещё не закончился. С начала атаки прошло всего несколько часов! А толпы за колючей проволокой, надо признать, не тысячные, там только лучшие люди своих стран. В Лондоне, на Трафальгарской площади это человек триста. Уже совсем пьяная десантура оттесняет пленённых от центра к периметру площади, к колючей проволоке. Колонну Нельсона велят бульдозером, оттаскивают тягачами и топят в Темзе. Вот-вот наступит вечер! На место колонны, по приказу нового начальства, лондонские уголовники в компании с предателями-лейбористами притаскивают маты из соседних спорт-клубов. Вспыхивают прожекторы, операторы суетятся у камер, репортёры проверяют звук. Зачем всё это? Русские очень быстро учатся, я предупреждал! А мне что ответил Трумен на мои предложения? Немыслимо?! Тупая скотина. На чем я? Ах, да. Под свет софитов, в прицелы телекамер, с микрофоном в руках выходит старший майор, тот самый, мерзкий. Но это мы с тобой про него знаем, а остальным зрителям он нравится. Сейчас он не в военной форме, а в шортах и спортивной курточке легкомысленного цвета. На ногах у него сандалии, на голове красная панاما. И улыбается, как портье из Майами, натренировался, ублюдох, долгими ночами у себя в подвале в перерывах между допросами! Он подносит микрофон ко рту и на

исторический центр Лондона опускается звенящая тишина. Неожиданно майор приветствует собравшихся кличем амазонских индейцев! Йоу, друзья мои, орёт майор! Сегодня мы с вами отпразднуем конец капитализма, мои новые товарищи! Вы всё уже поняли, умный передовой угнетаемый класс, ваши бывшие хозяева вас не ценили. Мы это исправим. И мы отомстим за вас этим лордам и пэрам, этим вырожденцам, начинающим день, похмеляясь шампанским, и заканчивающим свою бессмысленную жизнь раком, и показывает пальцем на собравших за колючкой! Английский у майора, надо сказать, безупречный, с лёгким нью-гемпширским акцентом, видимо, произношение таким, как он ставили пленные американские лётчики. Йоу-йоу, продолжает майор. Мсть наша, однако, будет не жестокая, а весёлая, запоминающаяся навсегда, вы, товарищи, о ней внукам рассказывать будете, обещает майор. Новый свободный западный класс, орёт майор в микрофон. Вау, радуется он, как аборигены Манхеттена. Ваши бывшие господа сейчас будут вас развлекать своей неподдельной жуткой болью, будут брызгать в вашу сторону не бутафорской кровью и подохнут для вашего удовольствия не по написанному сценарию, а до смерти! Я представляю вашему вниманию непобедимого русского воина Емельяна Федоренко! В круг света выходит огромный монстр, с уродливой мускулатурой, чей бицепс толще моей ноги. На нём только плавки и посреди широченной груди на верёвочке болтается какой-то языческий талисман, даже обуви на нём нет. Боец этот, кстати, совсем не молод, к пятидесяти. Я понимаю ваш ваусторг, товарищи, орёт майор, и обещаю, вас ждёт ещё немало сюрпризов сегодня! Разрешите мне представить вам первого бойца сегодняшних поединков -- глава английского банкирского Дома Ротшильдов, Дэвид Йошка Ротшильд Средний, товарищи! О, ужас! На импровизированный ринг вытаскивают полуодетого старика с трясущейся головой. Он щурится от яркого света, трёт глаза, видит в двух шагах от себя голого русского монстра, хватается за сердце и падает на маты. Мёртв. Первый поединок закончен? И не начинался. Ха, ха, ха, смеётся старший майор, а у нас ещё есть банкиры! На маты выталкивают не старого мужчину в грязном костюме с добрым и мудрым лицом. Это заместитель и близкий родственник только что погибшего старика, Эй Джей Пи Морган Восьмой. Он смотрит в упор на

русского Емельяна, он готов биться, он будет мстить. Ах, Джонни, Джонни, подлость русских не знает ни второго дна, ни третьего! И ещё один участник нашего первого поединка сегодня, кричит в микрофон майор, встречайте, принц Филипп, герцог Эдинбургский, муж королевы Елизаветы, товарищи! До смерти биться будете, уродцы, смеётся он несчастным в лицо. Голый русский монстр, оказывается, не боец, а судья поединка! Это не талисман у него на верёвке, а футбольный свисток. Судья берёт откуда-то из темноты оружие и кидает под ноги участникам. Принцу Филиппу достаётся древняя боевая реликвия, только что украденный из запасников Британского музея здоровенный Рог Золотого Тельца, а Моргану Восьмому -- огромный Серп из нержавеющей стали с позолоченным кровостоком во всю длину кривого лезвия. Какой цинизм! Какое ехидство! Бейтесь, гады! Кто не будет биться, того я пристрелю, обещает судья. Где-то в Хэрродсе, сидя на мраморном полу, плачет Королева, смотрит в телевизор на своего мужа и не может утереть слёз, руки скованы за спиной русским железом. Если бы каким-то фантастическим способом, зрители в Вашингтоне или Риме смогли подсмотреть лондонскую трансляцию с Трафальгарской площади, они бы завывали от возмущения. Там, на Национальной аллее у Капитолия, на площади Святого Петра, около Эйфелевой башни и так далее происходят точно такие же события! Везде похожий старший майор в панамке и шлёпанцах комментатором поединков, такие же монстроподобные русские судьи с обнаженным торсом и избитые, в разорванных одеждах, но держащиеся с достоинством лучшие граждане своих стран -- бойцы на ринге. Что? Что за "хр-р-р", Джон? Джон!

-- А!? Ну да, ну да. Монстроподобно. Ужасно, когда русский с обнаженным торсом. Это я понял. Я заснул? Нет, что вы, Уинстон, это нам с вами показалось. Я думал. Я много думал.

-- Не обижай меня, Джон. Я всё вижу. Всё! Вот вижу - Папа Римский дубасит Иерихонской Трубой вяло отбивающегося Последнего из Габсбургов! Ещё бы не вяло, он отмахивается Пролетарской Рваной Цепью, а она тяжеленная.

-- Уинстон, оу! Или как там модно, йоу, Уинстон!

-- А вот Правнучка Рокфеллера, молодая юркая девчонка, двухфутовой Золотой Звездой Героя Труда с зазубренными гранями крошит в бефстроганов писательницу Айн Рэнд, которой для защиты подлые русские дали только Проданную Верёвку Капитализма!

-- Брейк, Уинстон! Тайм аут! Стоп, папаша! Выдыхайте, спокойнее, легче. Скушайте эту дольку лимона. Отлично! Я проникся этим мрачным, как его, символизмом. Я всё понял, Уинстон, и запишу про ощущения конца себе в политическую программу. Я о другом хочу спросить. Эта ваша Эм Ай Шесть рассказала, что случилось у русских два месяца назад?

-- Эм Ай? Планы русских провидела сильнейший медиум Лондона, Джейн Вульф, а не разведка. Нет. И что же случилось у русских?

-- Аллес, Уинстон, капут у них случился, зиг фак, как говорит один мой приятель-штурмбанфюрер. Чего и следовало ожидать. У них ракета взорвалась на стартовой площадке. Пол космодрома разнесло к чертям. Десять маршалов погибло, куча инженеров. Политбюро теперь долго-долго будет махать красным флагом, разгоняя поднявшуюся до небес вонь, а нищим кочевникам придется весь следующий год вокруг бывшего космодрома металлолом собирать. Иван Иванычи же, в свою очередь, перестанут вводить в заблуждения и всякие мысли английских джентльменов и на долгие годы займутся пуганием крыс в складских бараках. Закончилась, короче, русские, ваша космическая программа, толком не начавшись. Научитесь сначала холодильники делать.

-- Не спеши, Джон. Споткнулся, упал, даже лицо в кровь и нос сломан, ещё не значит тяжело болен и сейчас умрет. Вспомни, что ваши великие умы говорили в конце сороковых. Русским, говорили они, восстанавливать свой довоенный потенциал лет пятьдесят. А мы с тобой сейчас их космическую программу обсуждаем.

-- Уинстон, вы смертельно устали. И потому тупите. Окончательно. То есть, уже не отдохнёте, чтобы с новыми силами и всё такое. Э-э. Я имею ввиду, конечно, вы, европейцы, мистер Черчилль, сэра. Ну, то есть, ну, вы поняли. Первая Мировая, Вторая Мировая, кто их замутил, а? Сто пятьдесят миллионов трупов, Уинни, две жуткие войны, вы их начали, а

мы, Америка, закончили. Вы не доделали, не справились, не проббили стену действительности, не добежали, не доползли даже до финиша. Не прошли краш-тест. Отсюда этот ваш символизм, голубка этого вашего Пикассо, летает теперь над Европой и срёт миром и дружбой лузерам на головы. Аллес! Брысь с ринга истории! И, ха-ха, колонну Нельсона прихватите с собой.

-- Россия -- не Европа, Джон!

-- Европа, Уинстон, мне карту показывали. Вон Спутник их первый, смешно, нравится, запоминается, друзьям рассказать, сперматозоид такой, мутировавший от радиации. Или другие спутники, с отправленными космосу Лайками. Русские тоже теперь воют символами. Но рулят дела, а не жесты. Первым орбитантом во Вселенной будет американец, у ребят из НАСА всё готово, а весь русский символизм растает, как выхлопной дым в зеркале заднего вида. И пусть тает, а мне пора к жене, нельзя её одну надолго оставлять. Наш гостеприимный хозяин, я видел, подмигивал ей сразу всеми своими хитрыми глазками, гадёныш греческий. А у него, у хозяина, миллиард самых настоящих, не символических долларов есть, так что вы понимаете мою спешку, Уинстон.

-- Одумайся, парень! Русские не верят ни в Завет, ни в кредит! Ни запретов для них нет, ни предписанных действий. А значит они самый опасный народ за всю историю этой планеты!

-- Очень уж вы давно тут, на яхте, Уинни. Какой завет, какой кредит? XX съезд у них был, слышали? Римскими цифрами, Экс Экс. Они сами себе два креста могильных поставили на прошлое своё и, похоже, на будущее, потому что настоящее у них пока есть, в их настоящем, ночью, под светом тусклых прожекторов и примитивную музыку азиатской балалайки, на разрушенном космодроме бывшие сталинские зэки смывают с бетона сажу, оставшуюся от бывших сталинских маршалов. Вау, как я умею! Жди меня, Голливуд, но не раньше тысяча девятьсот шестьдесят девятого года!

Документы 020, 021 и 022

Вице-президенту США

Линдону Джонсону,

12 апреля 1961 года,

телефонограмма

Линдон! Алкаш недолеченный! Что опять творится в НАСА? Почему русские снова нас поимели?!

Мне нужен немедленный ответный ход для восстановления нашего престижа. И мне нужен чёткий план того, как нам обогнать русских раз и навсегда. Мне насрать, что это будет -- полёт на Луну, Марс или Солнце, но если эти онанисты из НАСА предложат послать в космос очередную обезьяну, я отправлю их на Кубу, воевать с Кастро. А ты, Линдон, поведёшь их в атаку.

Искренне твой,

президент США

Джон Ф. Кеннеди

Директору НАСА

Джеймсу Уэббу,

12 апреля 1961 года,

устно

Дорогой Джеймс!

У тебя есть три недели на подготовку и осуществление ответа русским.

Я в курсе всех проблем НАСА -- с космическими капсулами, с мощными ракетносителями и всё такое. И знаешь что? Я имел оральный секс в извращённой форме с твоими проблемами, дорогой Джеймс. Найди какого-нибудь психа с парой рук и ног, но без шерсти по всему телу, залей ему в глотку бутылку бурбона, посади в ракету и запусти в космос, хотя бы на 15 минут.

И взбодри своих нацистов!

Если они не составят через три недели план, как нам победить русских в космосе, я прикажу напаять на них форму СС и отправить первым же рейсом в Москву.

Ну, я тебя обнимаю,

вице-президент США

Линдон Джонсон

Директору

космических полётов НАСА

профессору фон Брауну,

12 апреля 1961 года,

служебная записка

Милый Вернер!

Наверху все в панике. Обзываются нацистами и пугают русскими. Догадайся почему. До конца апреля предоставь подробный план пилотируемого полёта на Луну. С цифрами. Реальный план, Вернер! Я тебе доверяю.

P. S. Господи Иисусе! Куда я попал?! Мы с Гитлером тебе доверяем, и один из нас уже пустил себе пулю в рот!

Храни тебя хоть кто-нибудь,
директор НАСА
Д. Уэбб

Документ 030

Тому, кого это касается,

01 мая 1961 года.

Сопроводительная записка к

"Плану пилотируемого полёта на Луну"

Мои господа!

Великий арийский философ Майстер Экхарт писал: "Задача науки и техники измерить в Природе всё, что поддаётся измерению. А то, что измерению сопротивляется, измеряемым сделать и измерить уже два раза. И три раза, если отказывается подчиниться, и четыре". Сказано сотни лет назад, сказано гениально. Майстер, уточню, это не имя, а почетное звание в тогдашнем Берлине. После таких гениальных слов великому Майстеру пришлось навсегда бежать в Америку, спасая свою

свободу от инквизиции. Эмиграция в Америку - это судьба, это удел всех выдающихся немцев во все времена.

Я, возможно, шучу.

И теперь, когда я привлек ваше внимание своим юмором, я перехожу к основным идеям моего настоящего послания.

Покорение Луны - это покорение реальности! Это первый выстрел в войне со Вселенной, решительный шаг солдата человеческой расы на территорию врага. Первая победа нового Колумба на пути утверждения нашего господства над Миром. Прежде, чем приступить к этой исторической операции, нужно создать для неё Генеральный штаб из истинных ученых, готовых посвятить себя делу НАСы и лично преданных вице-президенту США. Я в этом штабе буду отвечать за стратегию, тактику и успешность всей пилотируемой астронавтики, а подробную карту с планом нашего триумфа вы сейчас держите в руках!

Природа, после Второй Мировой известная под именем реальности, как заметил геноссе Экхарт, сопротивляется, когда её хотят измерить. Остроумно, но не верно. Горькая правда в том, что реальность смотрит на нас, как на шайзэ. Я, я. Именно это неприятно пахнущее, которое столетиями преследовало европейских учёных-алхимиков в их затемнённых лабораториях. Эти средневековые Прометеи первыми отважились подчинить саму Природу, все её стихии своей воле. Романтики! Подчинить стихию себе значит получить власть над самим её бытием, над рождением её и смертью, над причинами её и целями. Добыть из мочи девственницы пятый элемент, а из детского поноса -- золото! Сварить жемчуг из предсмертных выделений еретиков, а из их мозгового вещества выпарить философский камень! Дерзкие вызовы, отважные герои, юные сердца! У них не получилось. Природа не сопротивляется и не сотрудничает, какими бы хитроумными механизмами пыливый ум ученого не пытался её вскрыть, какие бы мощнейшие опыты экспериментатор с действительностью не проводил. Любая рана затянется. В Хиросиме и Нагасаки уже опять живут, я проверял. Реальности на нас наплевать. Сколько бы дивизий исследователей по ней не промаршировало, она не изменится, не

подчинится, не будет в нашей власти. Ученый, следовательно, выглядит одиноким идиотом во тьме, сжимающим в руке бесполезный штангенциркуль.

Это тезис. Удар врага. На карте красная стрелка с Востока. Платили бы вы, мои господа, бесполезному идиоту, грозящему небу измерительным инструментом, эту тысячу долларов в неделю?

Нет. Но вы платите. А, значит, есть и антитезис.

И я его, этот антитезис, неоднократно и лично наблюдал на нашей подземной ракетной фабрике в Нордхаузене с сорок третьего по сорок пятый год.

Я видел, как быстро растёт молодой учёный-гауптман, с ещё не обсохшим на губах эрзац-молоком. Как юношеский задор его очей сменяется стальным мужским блеском, как фальцет превращается в баритон, и лагерные овчарки начинают выполнять его команды. Как пропитывается кровью и машинным маслом его новенький мундир, как мокнет от пота его аусвайс, как изнашивается шпицрутен и свежий трупный смрад въедается в подошвы его берц. Одновременно с этим я наблюдал результат его действий. Как рабочий ресурс с Востока теряет свою партизанскую подлость и начинает служить делу прогресса, как тухнет надежда в глазах азиатской массы, и даже как предсмертные проклятия сменяются жалкими мольбами о пощаде, стоит только надавить каблуком в правильное место.

Великий предок нынешних американцев, сэр Ньютон, сказал, что действие равно противодействию. Это равенство есть закон реальности! Так всегда. Любое действие исследователя даёт двойное изменение. Меняется и объект, и субъект опыта! Один меткий удар шпицрутеном, всего один! И юный гауптман превращается в мудрого пытателя, а быдло с Востока изъясляет свою подлую суть! Одно действие даёт двойной результат! И это наш антитезис.

А как же тезис? Как же реальность, смеющаяся над тыкающим в неё скальпелем испытателем? Как же Вселенная, которая дефекирует на препарирующего её учёного? Тезис уничтожен, спросите вы?

О, да, тотально уничтожен! Но и антitezис тоже, ха-ха-ха! Это шутка.

Чувствуете, мои господа?

В ваших ладонях сейчас бьется и брызгается капельками влажное сердце немецкой диалектики! И будь я ферфлюхтен, но начинаем синтез!

Наши инструменты покорения реальности -- микроскоп и спицрутен, штангенциркуль и каблук суть техника, продолжающая, усиливающая органы тела. Так зачем себе врать? Отважимся. Делаем то, что должно быть сделано, с чем в душе согласны другие западные мыслители, но боятся вслух признаться.

Укрепляем. Усиливаем. Продолжаем.

Наша невообразимо быстрая и очень-очень огромная, во много раз больше русской ракета, стартующая из Флориды к Луне, уже ко второй минуте полёта сплющит каждого астронавта в кровавый блин, ингредиентами для которого послужат пот, сукровица, лимфа, моча и так далее спинномозговая жидкость героя. Если ракета будет больше ещё в пять, нет в семь раз и стартовать медленнее, к третьей минуте кости героев, их позвонки и черепные коробки разлетятся в крошку от запредельной вибрации. Вместе с ракетой. Решение? Усиливаем и укрепляем!

За год, а лучше за два до старта к Луне кладём всех астронавтов в военный госпиталь. За два года уж точно заживет то, что с нашими парнями сделают лучшие хирурги Запада. Аорты, вены, эти позвонки и доли черепа -- всё суть подлежащие замене, как морально устаревшие, изобретения равнодушной Природы! Да, первым астронавтам поначалу будет очень тяжело! Но потом они согласятся, что гораздо приятнее иметь вместо кровеносных сосудов гибкие гофрированные алюминиевые трубки, поймут, насколько удобнее кости из титана, а позвонки из вольфрамовых пружин с пластиковым покрытием. Они оценят, что новая черепная коробка из танковой брони и тазовая кость, заменённая на станину из обеднённого урана гораздо функциональнее тех хрупких органов, которые подсунула им при рождении Природа.

Если же в команде астронавтов окажутся чувствительные романтики, которые станут горевать об утраченных внутренностях, то этим ребятам наши специалисты изготовят утешительные призы, например, сварят мыло из их удалённых костей. Думаю, любой романтик будет счастлив порадовать на День независимости своих жену и детей необычным сувениром - бруском мыла, родного, душистого, с запахом мужа и отца и эмблемой НАСА.

В Хьюстоне очень изобретательные врачи и экспериментаторы, я знаком со многими, мы вместе покинули кошмарную Европу в сорок пятом году. Сейчас они, под руководством генерала Вальтера Дорнбергера, испытывают кислородоносную жидкость, которой можно будет заменить кровь астронавта, и насыщенный нейронами кисель, который мы зальем в новый позвоночник нашим героям вместо старомодного спинного мозга. Это необходимо для безопасного туда-сюда преодоления пояса радиации на лунном маршруте. А на этом маршруте отважных американских парней ждёт ещё много смертельных опасностей!

Например.

На пути к Луне и обратно с нашими астронавтами будут происходить физиологические случаи, один крупный и до десяти мелких случаев каждый день. Я не могу себе представить репортаж из космоса, где в одном предложении содержались бы слова: триумф Америки, Аполлон, поспать, поссать, скорость семь миль в секунду, космическая очередь в туалет. Мое эстетическое чувство сформировано классическим европейским образованием, простите мне этот недостаток, мои господа. Но, конечно, не из-за моих недостатков, а ради прогресса в том же госпитале астронавтам надо будет заменить отходоыводящие каналы на двухслойные, тонкую и потолще, стальные трубки с нагревательными контурами по периметру, рационально превращающие мочу в пар, а кал в пыль. Это также позволит астронавтам сутками находиться вне модуля на поверхности Луны, подробнее смотри "План...", раздел 14.88, сразу после слов "и гасить, как бы не дергался, не отрывая, пока не начнёт плавиться фильтр".

Мои господа! Я уже пять лет как гражданин США, а, значит, предельно честен с вами. Годы потребуются, чтобы убедить астронавтов при жизни пожертвовать свои кости, черепа, сосуды и мочеполовую систему американской науке. Десятилетия нужны на разработку и испытания ракеты, космической капсулы, лунного модуля и нагревательных двухслойных трубок. Мы, Америка, вступаем в гонку с позиции догоняющего. Обидно! И мы останемся в этой самой позиции, пока не обгоним. Всё это время, ближайшие двадцать, даже тридцать лет, вплоть до триумфа нашей воли, гордая реальность будет смотреть на нас, как на гавно. Через плечо так, одним глазком, уже сделав пару шагов прочь. И снова обидно. Что же делать?! Этот вопрос я задал своему главному начальнику, вице-президенту США господину Джонсону.

-- Как?! Как стереть, мой вице-президент, презрительную ухмылку с факинг рожи реальности? - спросил его я.

-- Слышь, Браун, ты не тупи, - посоветовал мне этот выдающийся американец. - Вспоминай, давай. Эти твои, европейцы которые, как раньше справлялись с похожими вызовами? Как покоряли реальность?

-- Стискивали зубы с силой в тысячи ньютонов, зажимали яйца в кулак и шли напролом, сэр, господин вице-президент, сэр, - отвечал я.

-- И что с ними сейчас, с этими несчастными?

-- Разруха кругом, пустота в душе, нет зубов и жидкое стекает сквозь синие пальцы, сэр!

-- А вот это вот что, Браун?

-- стакан с виски, герр Джонсон, сэр!

-- Нет, ниггер, вот это что?

-- Ваша белозубая улыбка ровных ярких зубов, мой вице-президент, сэр!

-- Так мы кто, европейцы?

-- Никак нет, сэр, мы американцы!

-- Точняк, ниггер. А наша счастливая улыбка и есть достаточный ответ на все такие вопросы. Это же не у нас вся морда в припудренных синяках и потухший взгляд. Зачем нам воевать с реальностью? Давай её купим.

Документ 050

Запись беседы

Первого секретаря ЦК КПСС

Н. С. Хрущёва с

Генеральным конструктором

С. П. Королёвым,

Москва, Кремль,

22 ноября 1963 года

(лакуна в записи)

-- Времена суровые наступают, Сергей Палыч. Война, понимаешь, холодная идет. Что это вообще за такое, холодная война? Это как? Снежинки из пушки? Матюки вместо выстрелов? Что это они на Западе выдумали? Штык из сосульки? Они гомосеки что ли все? И что будет значить -- победить в такой войне? Я недавно, в августе общался с Рокфеллером, говорю ему, что вы за педерасты такие, не вслух конечно, что это вы придумали? Зачем назначили фашистского генерала, Адольфа этого, автора плана "Барбаросса" начальником военного комитета НАТО? В апреле же шестьдесят первого назначили, пронюхали заранее, бляди, про полёт Гагарина и, значит, так нам ответили. Позор

же, нет? Ты знаешь, что такое конвергенция, Сергей Палыч?

-- Наверно, сближение, если с латыни, Никита Сергеич.

-- Ага, капитализма и социализма сближение. Они с нас берут пример, начинают уважать рабочий класс, ну и нас зовут, мол, тоже сближайтесь. Давайте учить друг друга. Что скажешь? Для начала, говорят, нужен этот, как его, символический факт.

-- Акт, Никита Сергеич. А нам оно надо? Вы же сами только что всё объяснили. Зачем нам с гомосеками факт, даже символический?

-- Так-то оно да. Но просто времена, Сергей Палыч, времена суровые наступили. Лучшие парни всей Земли требуют от нас ясности и отчётливости. Никита, говорят, ботинком об стол в ООН уже не возбуждает массы, Гагарин улыбкой больше не радуется! Трудящимся нужна победа над капитализмом, полная и окончательная. Прошлогодня суета в Карибском море, что это вообще было? Почему Нью-Йорк есть, спрашивают, почему Вашингтон? Почему не застеклённая пустыня там, почему не ветры радиоактивные гуляют? Если не бомбите, то хотя бы сияйте, просят. Что мне им ответить? Терпи, брат Фидель, как брат Лумумба терпел, земля ему пухом? А мы мирные люди, капитализм сам сдохнет, ждите восьмидесятого года, коммунизм засияет. Этот фашист, мне докладывали, который обещал американцев на Луну первыми доставить, фон Шварц, который, фон Негр, как его? Что думаешь, Сергей Палыч, не соврал он? Доставит?

-- Думаю, что фон Браун не туда бредёт, не той дорогой, Никита Сергеич. И если не передумает -- не доставит.

-- Как это? Объясни мне, академик - крестьянскому сыну, по-простому, как ты умеешь.

-- В Белоруссии скоро начнут выпускать карьерный самосвал грузоподъёмностью тридцать тонн. В его двигателе двенадцать цилиндров. У гоночных машин тоже двенадцать и больше цилиндров в моторах. Фон Браун же хочет вывести на орбиту и к Луне несколько тысяч тонн всего пятью-шестью огромными двигателями. В огромных камерах или цилиндрах топливо горит неравномерно, не даёт

мощности, солярка зря жжётся и бьёт мотор вибрациями. Ошибается фон Браун, не сгодится такая ракета для Луны. Для лунной ракеты нужно много малых двигателей, над чем мы сейчас и работаем.

-- Работаем, говоришь. Да, бывали дни суровые у нас, не то, что сейчас. Прочитал я твой доклад академикам, Сергей Палыч. Вон он на столе лежит. Что могу сказать? Лучше б я его и не видел ни разу. И никто. Совсем недавно, при товарище Сталине тебя за такие речи из партии попёрли бы прямиком на Колыму, а при товарище Троцком расстреляли бы самым жестоким образом. Слава КПСС, мы не при товарище Сталине живём, а мне - спасибо. Я ведь чего тебя позвал сегодня вечером? Две новости у меня для тебя, плохая и плохая. С какой начать?

-- Ну, начните с плохой, Никита Сергеич.

-- Уволить я тебя хотел. Не советские у тебя мысли, Сергей Палыч. Мда... Получил я на днях по секретным каналам от одного товарища письмо, дай-ка я тебе из него зачитаю. Так. Тут про Берлин, тут про масонов... Ага. Линдон Джонсон -- лживый, не просыхающий синяк, фон Браун -- фагот! Что это такое - не перевели, наверно, ругательство. Я окружён пидарасами, Никита! Во! Дошло, наконец! Дальше пишет, ко мне приходят парни из ЦРУ и рапортуют, что первый пилотируемый полёт на Луну возможен минимум через двадцать лет с вероятностью успеха пятьдесят на пятьдесят. Я им -- что это за испражнения крупного рогатого скота вы мне тут катаете? Какого скунса вам до Луны? Вы уже с Кастро разобрались? А они ржут мне в лицо, Никита, можешь себе представить? Я уже из себя вышел, ору -- где этот музыкальный инструмент фон Браун, где этот рваный нацик? Почему ослиные дыры из ЦРУ мне про космос докладывают? Короче, прогнал их всех. Сел писать это письмо. Господин Первый секретарь Никита! Сэр! Мы, США, передовая техническая держава во всех областях. Например, наш сверхскоростной самолет "Ха Пятнадцать" этим летом впервые допрыгнул до орбиты. Но в ракетной технике Советский Союз гораздо более нулёвый прохладный, чем мы. Предлагаю нам и вам совместно и пилотируемо лететь на Луну. Я даже согласен, чтобы советский пилот первым ступил на Луну, при условии, что подошва ботинка скафандра на нём будет американская. Кратко: с вас лунная ракета и всё такое, с

нас -- деньги. Я сейчас лечу в командировку, в Техас, через несколько дней вернусь и предлагаю уже в начале декабря нам встретиться в Вене и обсудить все детали. Вот такое письмо, Сергей Палыч. Денег предлагает товарищ Кеннеди.

-- Просто предложить им больше нечего, Никита Сергеич.

-- То есть ты не изменил своего мнения, ты против конвергенции?

-- Конвергенция, контрибуция, консумация -- зачем весь этот наукообразный словесный шлак? Сотрудничество с ними бесполезно для нас и даже для них. Вселенная это первая, это вторая и третья космические скорости. Мы в космосе работаем, мы по орбите летаем, они туда подпрыгивают. Мы женщину любим, а они подглядывают. Что у нас общего может быть? Как я это смогу нашим людям объяснить? Взять у них деньги и отдать им свою любимую, свою цель, к которой шёл годами? И кто ж мы будем после этого? И как мы посмотрим после этого на свою любовь?

-- Романтик ты, Сергей Палыч, Магадан тебя не исправил. Иди, работай.

-- А людям что сказать?

-- Что, что? Отменяется консумация пока. Не вернулся товарищ Кеннеди из командировки, убили его час назад. Во как. Теперь у них главным -- лживый синяк. Это вторая плохая новость. А чтобы ясно и отчетливо: дорогой Сергей Павлович! Товарищ Королёв! Приказываю, Луну американцам не отдавать!

Документ 040

Доклад Главного конструктора
академика Королёва С. П.

Комиссии по внеземным делам

Академии наук СССР,

07 ноября 1963 года.

"Смысл Луны"

Братья академики!

На днях мне позвонили из ЦК КПСС и попросили сделать праздничный доклад о достижениях советской космонавтики. Докладываю: мы достигли. Доклад окончен. Можно праздновать.

Но сначала поговорим.

Вспомним лозунг. Догоним и перегоним. По большинству видов гражданской промышленности нам надо догнать сытый Запад. Кроме космической. Почему так? Получись иначе, Запад объяснил бы свою победу культурным или цивилизационным превосходством над нами. Расовое превосходство подразумевалось бы, но втихую, чтобы советский солдат не услышал. А как нам самим себе объяснить наш Космос и то, что космос - наш?

Начну от истоков.

Вот, казалось бы, мы с капитализмом живём в одной и той же реальности, и их неприличные тайны раскрыли и наш строй описали одни и те же Маркс, Энгельс и Миклухо-Маклай, казалось бы. Не кажется. Вспомним то знаменитое место из "Капитала" Маркса: "Господь, которого нет! Сделай так, чтобы пролетарская революция победила где угодно, только не в стране русских. Пойми, Господь, я никого больше об этом попросить не могу, а тебя как раз и нет". И так далее, в том числе и нецензурно. Он не зря боялся, Маркс, и он напрасно молился.

Мы не капиталисты, мы можем сами себе не врать. Наша революция победила не по Марксу. Наш строй - это новый русский космизм, так мы с соратниками его называем. Мы позволили себе развитие идей, не

согласованных с немецким генштабом, мы давно уже мысленно потопили корабль с Троцким и долларами, а логичный для Запада, и единственно возможный там социализм мы уничтожили восемнадцать лет назад. Пролетарская революция должна была победить в стране завистливого, капризного, европеоидного рабочего класса, а победила в империи воинов. Мы сейчас движемся по совершенно неизведанной земле, по никому не известному лесу, по горам, которые никто даже издали не видел. Мы прокладываем человечеству путь к счастью сквозь окончательную, исчерпывающую, истинную реальность, сквозь пространства, которые ни в экстазе, ни в кошмарах, не являлись, не мерещились, ни святым, ни мудрецам. Вот какие мы замечательные, по каким заповедникам без спросу шлемся. Но это ни разу не ответ на вопрос про наш космос и почему.

Здесь и далее я буду говорить о пилотируемых космических полётах.

Что же наши неудачливые коллеги из-за "лужи"? Почему третий год мелко копошатся, на сто километров с трудом подпрыгивая на своих ракетках? Почему не летают, как людям предназначено, по орбите? Может быть, они ущербны от рождения? Конечно, нет! Мы, слава Богу, не европейцы, людей по параметру происхождения в шеренги не строим. Люди на Западе точно такие же, как и мы. За исключением того, что мы строим коммунизм, а они, несчастные, выживают при капитализме, то есть в обществе, где правят паразиты.

Почему так? Люди мы одинаковые, Энгельс и Миклухо-Маклай у нас общие, но они ползают, а мы летаем. В чём причина?

Пару десятилетий назад я провёл некоторое время в командировке в Магаданском крае и там, в тишине и душевном покое, под бескрайним северным небом у меня было много времени для спокойных размышлений и поиска философских обоснований нового русского космизма. И библиотека в тех местах была замечательная и собеседники исключительно образованные. Долгими вечерами, под палящим космическим холодом Луной на пляжах Охотского моря мы читали друг другу лекции обо всём.

Поделюсь выводами.

Давно не заглядывал в отчётность, но десять лет назад треть научных публикаций в мире была на русском языке. Пятьдесят лет назад -- не более трёх процентов.

Давно не смотрел статистики, но десять лет назад наше народное хозяйство росло на двадцать процентов в год. Капитализм таких темпов никогда не увидит.

В этом ли ответ? В науке и экономике?

В былые времена освоение нового и неизведанного людьми происходило в уже привычной среде, где огонь горит, колесо катится, ветер надувает паруса. Покорение космоса человеком - это переход в активно враждебную среду, это бег с барьерами на 400 километров по минному полю, под обстрелом и на одной загипсованной ноге, переход в среду невозможную не только для человека, но и вообще для любой сложно организованной материи. Космическая техника это сложно организованная материя, почти как человеческий мозг. Для такой материи Космос никогда не станет привычным, никогда не будет нашим домом, но всегда враждебным местом.

Давайте коротко проследим за работой советского главного конструктора по фамилии, скажем, Князев, который руководит группой, проектирующей пилотируемый аппарат. Какие проблемы решают инженеры?

Космический корабль принципиально отличается от всех других видов транспорта: автомобилей и самолетов, подводных лодок и воздушных шаров, шлюпок и авианосцев, велосипедов и колесниц с четвёркой лошадей. Космический корабль, покинув атмосферу, летит в бесконечно чуждом человеку пространстве: перепады температур от абсолютного нуля до десятков миллионов градусов, жуткой силы гравитационные поля, бешеные скорости, убийственная радиация, невысказанные расстояния.

Например. На низких орбитах не нужна защита корабля от опасных космических лучей. Но уже для лунного пилотируемого аппарата такая защита необходима, иначе космонавты быстро и в мучениях помрут при

прохождении окружающего Землю пояса радиации, начинающегося с орбиты высотой в тысячу километров. Для защиты экипажа из двух человек, по проведённым расчётам, требуется внешний свинцовый корпус массой в двадцать тонн. Возможные решения проблемы -- в два-три раза более мощный ракетоноситель. Или два пуска обычной сверхтяжёлой ракеты, на одной -- корабль, на второй -- свинцовая защита. Или, оптимально, старт корабля к Луне через полярную область, где можно обойти радиационные пояса, но вернуться на Землю надо будет тем же путем. Первые два варианта утяжелят корабль в два-три раза, отчего потребуются сократить обитаемое пространство, ужать систему жизнеобеспечения космонавтов, сократить число научных приборов. Третий вариант потребует настоящего инженерного прорыва -- создания новейшей системы управления кораблем, нужной для свободного маневрирования по орбитам и передовых двигателей с возможностью многократного включения, то есть именно того, для чего мы все здесь сегодня собрались -- научно-технического прогресса. В отдаленном же будущем защиту экипажа от радиации надо будет производить собственным магнитным полем корабля, питающимся от ядерного или термоядерного реактора, что опять требует инженерных подвигов. Прогресса человеческого требует.

Космос предельно опасен для человека и всегда таким будет. Но задачу-то по освоению Вселенной выполнять надо уже сейчас!

А потому необходим компромисс между пространственными, временными и функциональными характеристиками пилотируемого космического аппарата.

Пространственные - это массогабаритные свойства аппарата, к ним самые строгие требования. Не нынешние, а ещё только перспективные ракеты поднимут на орбиту всего сто тонн. Временные характеристики - это про надежность и срок службы аппарата. Функциональные - это набор приборов для управления самим кораблем, жизнедеятельностью экипажа, системы для изучения Вселенной.

Требования для этих трёх наборов характеристик через раз взаимно исключают! В маленький аппарат надо втиснуть системы защиты,

управления кораблём, жизнеобеспечения экипажа, научные и технические приборы. Каждый грамм на вес платины!

Отсюда жёсткий компромисс между противоположными требованиями, к которому группа инженера Князева приходит после долгой тяжёлой работы.

Этот жёсткий компромисс и есть готовые к полёту ракетоноситель и космический корабль!

А теперь давайте взглянем на заокеанскую группу инженеров под руководством конструктора, скажем, фон Шварца, занятую такой же работой.

Никакой разницы!

Вычисления группа фон Шварца делает ровно той же математикой, материалы для корабля использует те же самые, космонавты их дышат воздухом, как и мы, ускорение свободного падения, да, во Флориде поменьше, но Космос на равном нашему расстоянии от Земли!

Задачи конструкторские у нас одинаковые, и ответы на них совпадают до третьей цифры после запятой!

Да!

Ещё у них полно толковых инженеров, не убитых на фронте, а, наоборот, выросших в тепличных условиях дома или сбежавших из горячей Европы в более прохладное место.

В чем, сука, дело?!

Почему эти сытые гении пресмыкаются под облаками, а мы, нищие партизаны, летаем во Вселенную!?

Хотите ответ? А вот он!

Вообразим на минутку, что ребята фон Шварца работают так же, как наша группа конструкторов. Инженеры достигли жёсткого компромисса, то есть создали какой-никакой, но кораблик для космоса. Назвали его именем бога торговли Меркурия. Все системы испытаны, космонавты

обучены, перед отправкой корабля на космодром можно открывать шампанское, не покидая сборочный цех.

Стоп, стоп, стоп, раздаётся вдруг громкое от входа. Погодите-ка праздновать, парни! В цех пришел большой начальник из НАСА, главный менеджер, как у них говорят, отвечающий за финансы.

Вот это вот что, тыкает менеджер жирным пальцем в обшивку кораблика.

Э-э, это абляционная защита поверхности капсулы, мистер, отвечают ему. Она сгорает слой за слоем при прохождении плотных зон атмосферы, тем самым защищая корабль и экипаж от огня. При спуске температура поверхности до пяти тысяч градусов может подниматься. По Цельсию, мистер.

Я покажу тебе, мистер, ты увидишь у меня Цельсия, орет менеджер. Здесь вам не Европа, Гансы! Ну-ка, заменили эту дрянь на высокотехнологичный корпус из бериллия! Такие корпуса может изготовить давнишний партнер НАСА, замечательная компания "Генерал Материалз"! Выполнять! Так. Это что за глупость? Почему стенки капсулы такие толстые?

Так это для того, чтобы давление в одну атмосферу внутри капсулы выдерживать, мистер, то есть, сэр.

Это я сейчас не выдержу, Ганс, и тебя на перепроверку в ФБР отправлю! Менеджер гневается. Толстые стенки -- тяжёлая капсула! Тяжёлая капсула потребует перерасхода топлива и вообще более мощной ракеты, а значит новых затрат. У нас что тут в НАСА, доллары под ногами валяются? Сократить стенки, снизить давление до трети атмосферного, пусть пилот дышит чистым кислородом! А подготовительный к полёту этап пилот будет проводить в сверхсовременной барокамере, которые поставит нам передовая инженерная компания "Генерал Барокамерс", давний и хороший подрядчик НАСА. Нет, ну вы издеваетесь, европейские нахалы над честным американцем! Эт-то что?

Катапультное кресло, сэр! Дополнительный способ спасения пилота,

случись что. Сэр?

Я вам покажу -- спасение! Менеджер возмущен. Под ноги себе посмотрел, Ганс! А? Видишь там ковер из баксов? Нет, ты мне ответь -- видишь бенджаминов? Видишь мёртвых американских президентов под своими подошвами, нацик? Заткнись! Следующая программа НАСА это "Джемини". То есть двухместная капсула, которую мы будем делать на основе этой одноместной, "Меркурия". И где нам, по-вашему, денег взять на следующую программу? Бетон под ногами, Гансы, не доллары! С чем мне в Конгресс идти? С лепетанием о том, что наши brave парни, боевые лётчики, будущие астронавты беззащитны и нуждаются в каком-то там спасении? Убрали кресла к чёрту, освободили место в капсуле! Всемирно известная компания "Генерал Боинг" уже проектирует двухместную капсулу на основе одноместной и ей удалось сэкономить для НАСА кучу денег. Можете поздравить друг друга с этим, потому что теперь у нас есть средства на лоббирование космических программ НАСА в Сенате и Палате представителей! У вас будет работа, Гансы! Радуйтесь.

И выполняйте, что приказано!

Что отвечает фон Шварц на это вторжение? Ты рот закрой, бухгалтер и иди центы считай в столбик, не лезь не в своё дело, так?! Если бы. Яволь, мой менеджер, орёт фон Шварц и ловит своей левой рукой дернувшуюся правую.

В реальности же менеджер по финансам не приходит в цех к готовому изделию, а с рождения сидит в голове у каждого капиталистического инженера. И космический корабль, да и вообще вся сложная техника изначально проектируется под цензурой этого жадного воображаемого бухгалтера.

Главная и единственная цель любого труда при капитализме -- тупого или творческого, любой деятельности -- уголовной или не очень, любых мечтаний -- светлых и приземлённых - это прибыль! Успех, удача, деньги, капитал. Прибыль! Вот смысл любого труда при капитализме.

Прибыль - это как паразит, убивающий полный жизни организм.

Я, братья, жил при диком российском капитализме и при НЭПе, у меня были возможности хорошо изучить подлую натуру торгаша и спекулянта.

Любая красивая идея, любая удачная инженерная находка является носителем Истины. Именно Истину ищет инженер или учёный, решая поставленную задачу. Наш инженер. Часто решения такие чрезвычайно просты, изящны и дешёвы в исполнении. Их специалист такой же человек и также концентрируется на поиске Истины в поисках решений. Но среда, в которой работает их спец -- неестественна. Капитализм это извращение человеческой природы. Их инженер обязан учитывать такое неотчуждаемое качество готового решения как прибыль, которую капиталист может получить с готового изделия. Прибыль же ни с кем не спорит, в компромиссы с другими тремя обязательными требованиями к космическому кораблю не вступает, она при капитализме должна быть всегда. Но это противоположные устремления! Очень сложно концентрироваться на Истине и прибыли одному сознанию, даже если и попеременно. Сгорит такой ученый от шизы. Им это известно, и специально назначенные люди, не творцы - менеджеры, из всех возможных решений отбирают наиболее прибыльные. В каждом случае. Готовый аппарат, поэтому получается максимально выгодным капиталисту, а не максимально надёжным и эффективным. В таком готовом космическом корабле необходимость прибыли разрушит с трудом достигнутые инженерами и учёными компромиссы, собьёт все тонкие настройки, а с учётом задач, для которых корабль строится, сделает просто невозможным покорение капиталистическим человеком Космоса!

Прибыль - это столовая ложка говна в бочке нектара.

Космический корабль - это самый сложно организованный искусственный объект, работающий в самой злой среде. На два порядка сложнее любого земного аппарата. Если к его необходимым качествам добавляют прибыль, значит к его грубой, окончательной, пограничной реальности примешивают чью-то извращённую фантазию. Это как если бы солдат, сквозь пули и взрывы бежал в атаку с нарисованной "СоюзМультфильмом" винтовкой.

Даже хуже.

Это как если бы командир требовал от солдата в бою помимо таких качеств как смелость, скорость, меткость ещё и умение под обстрелом добывать на поле битвы лом цветных металлов.

Для космического корабля, результата выстраданного компромисса, требование прибыли станет гарантированной катастрофой. И гибелью для его экипажа.

Бедный, обделённый, унылый западный инженер! Вынужден, несчастный, давить в себе творческие порывы только для того, чтобы его хозяин смог купить себе новую яхту или голливудскую красотку. Но не будем их совсем ругать, в конце концов, автомобили и холодильники у них хорошо получаются.

Нормальные инженеры, советские, слава Богу, свободны от этой капиталистической заразы. Отсутствие требования прибыли вовсе не удорожает конечное изделие. Социалистическое творчество экономит деньги народного хозяйства, что для сознания западного менеджера вообще бред, парадокс и абсурд. Ищущий лучшее решение свободный от умственной цензуры советский инженер, как я говорил, ищет Истину, а где Истина -- там простота решений. Как и положено гениальному. Простые решения -- эффективны, надёжны и дешёвы.

Хотите смешной пример, братья академики?

Его мне рассказал один из лучших наших танковых конструкторов. Американцы потратили несколько лет и десятки миллионов долларов на создание аппарата, вырабатывающего дым, нужный для маскировки танков на поле боя. Создали. Аппарат, говорят разведчики, работает когда не надо и не работает, когда надо. В дождь, например. Наши конструкторы решили эту же проблему -- маскировку танков -- за один час и два рубля четырнадцать копеек. Для выработки дыма - белого, непрозрачного, много дыма - достаточно прыскать соляжкой на горячую крышку танкового двигателя. Топливо не воспламеняется от этого, а испаряется бело-серым в нужных танку количестве и густоте. Два рубля стоил распыскиватель.

Кстати, именно из-за разности подходов к решению творческих проблем нам ни в коем случае нельзя сотрудничать и хоть как-то кооперироваться с западными "коллегами". Ибо украдут они, не сомневаюсь, наши находки, идеи и готовые решения. Паразиты-с!

Ну что же. Отвечаем на заглавный вопрос и делаем выводы.

Луна для нас - это мирная битва, это передний окоп битвы за человечество, передовой рубеж науки и техники. Вообще, покорение космоса - это один в один война, но без подлостей и грязи. Луна -- испытательный рубеж для будущих технологий освоения Вселенной. Жить мы на Луне вряд ли будем, только работать, а вот Венера - не Марс - самая перспективная планета в Солнечной системе для колонизации людьми, для чего, конечно, потребуется превратить её в подобие Земли. Это долгое сражение. До расселения человечества по другим мирам ещё сотни лет, но мы уже начали подготовку к этому. Верю, ничто нас не остановит.

Лишь тот достоин правды и свободы, кто каждый день идёт за них на бой! Гёте сказал. Поэт!

Советский инженер и ученый -- не скованный никакими цепями конструктор будущего для всего человечества. Западный его "коллега" - убогий раб капитала. Если, предположим в порядке бреда, что капитализм вдруг победит в битве систем -- освоению Космоса человеком конец.

Поэтому, братья, давайте будем бодрыми, трезвыми, умными и талантливыми, то есть давайте оставаться собой, свободными творцами счастливого будущего для всех людей планеты Земля.

Документы 060 и 061

Стенограмма переговоров

Председателя Совета министров СССР

А. Н. Косыгина

и президента США Л. Джонсона,

Гласборо, Нью Жерси,

здание колледжа "Святойбуш",

23 июня 1967 года

(лакуна в записи)

-- Спасибо, господин президент и хватит. Хватит этой дипломатической трескотни и к делу. Зачем отвлекли меня от сессии Генеральной ассамблеи ООН? Что именно случилось? США вдруг захотели закончить войну во Вьетнаме, но не знают как? Вам нужна наша помощь?

-- Нет, Алекс. Вьетнам тут не причём, но помощь не нужна. Дело есть.

-- Называйте меня Алексей Николаевич или товарищ председатель правительства, господин президент.

-- Неважно! Дело у меня действительно, э-э, интересное для вас и нас.

-- Интересное? Такой термин? Может быть, более точный термин - смертельно срочное? Судя по настойчивости, даже некоторой истеричности американской стороны, искавшей немедленной встречи с советской стороной. Что молчите, господин президент? Я прав?

-- В некотором смысле, да, премьер-министр. Раз вы в США, а то когда ещё приедете, то -- да. А поскольку НАСА оперативно подчинялось мне, когда я был вице-президентом, и сейчас проблемы Агентства мне близки, я и захотел, смертельно срочно захотел, да, этой встречи.

-- Я вас внимательно...

(лакуна в записи)

-- Вот так обстоят наши, назовем их -- дела, премьер-министр. Поэтому

мы и просим вас нам не мешать, не гнать сенсации в печать, не заниматься разоблачениями и срыванием всяческих покровов, как у вас говорят, в международных организациях и не разглашать своим и, особенно, нашим союзникам настоящее положение дел.

-- Не мешать -- раз, не гнать -- два, не заниматься и не срывать - три, четыре, не разглашать вашим и нашим - пять и шесть. Ещё что-то хотите добавить? Например, вы упомянули печать, но забыли телевидение. И радио.

-- Да-да! Тиви и радио!

-- Семь, восемь.

-- Алекс, твою мать, что ты считаешь?

-- Мать твою. И Алекс. Девять и десять...

-- (лакуна в записи)

-- Нам связные понадобятся, Алекс. Пусть это будут молодые, знающие языки, офицеры спецслужб. Окей?

-- Категорически нет. И не связные, а представители, молодые, толковые, активные офицеры ни в коем случае не из спецслужб! Военные пусть будут. Не надо в нашу чисто экономическую Сделку политику примешивать, а где разведка-контрразведка, там политика. У нас же всё должно быть просто, мы заказываем, вы -- платите. Договорились?

-- Ну. Окей.

-- Линдон, вы сказали, вам надо посоветоваться с товарищами, в смысле, с господами. Давайте тогда завтра продолжим нашу встречу и закрепим достигнутое соглашение, скажем, записью на киноплёнку.

-- Послезавтра, Алекс. А теперь давай выйдем к репортёрам и скажем им какую-нибудь хрень про палестино-израильские отношения.

-- Договорились. Хотя это ни разу не хрень. Спросить хочу напоследок, Линдон. А зачем вам всё это? С чего вдруг? Вы же самые технически

развитые, вон, у вас жалюзи автоматические на окнах, замки блестящие в дверях, кондиционеры, смотрю, и это в обычном ПТУ, в смысле, в колледже. Неужели сдались ваши конструкторы? Или политики сдались перед трудностями?

-- Это старая история, Алекс. И если я её тебе расскажу, они должны будут меня убить...

(лакуна в записи)

Вторая встреча председателя Правительства СССР

А. Н. Косыгина и президента США Л. Джонсона,

Гласборо, Нью Жерси,

здание колледжа "Святойбуш",

запись переговоров,

25 июня 1967 года

(лакуна в записи)

-- Нашу Сделку, премьер-министр, надо отметить, уверен. У меня тут отличный двенадцатилетний бурбон!

-- Давайте ее сначала скрепим, господин президент. Вот наш кинооператор и ваши оператор и переводчик. Три свидетеля, две кинокамеры. Скажем по два предложения, и можно будет отметить.

-- Брось, Алекс! Давай выпьем за сегодня, потому что завтра мы -- пыль. Радиоактивная.

-- Зовите меня Алексей Николаевич, господин президент. Давайте сначала скажем, о чем позавчера условились, камеры включены, встанем в полный рост...

(лакуна в записи)

-- И я, президент этих... США, президент, говорят, Линдон Джонсон со всей ответственностью, в здравом уме подтверждаю тоже, что наша Сделка с русскими заключена твердо, фак, и на пятьдесят лет с этого дня.

-- Да, до 25 июня 2017 года, господин президент. И я подтверждаю Сделку. Теперь можем и выпить.

-- Скрепим, сука, нашу грёбаную Сделку горячей кровью!

-- Что вы имеете ввиду - скрепим Сделку кровью? Господин президент, вы зачем пистолет достали? Господин! Линдон! Твою ж мать, урод! Ты зачем оператора убил? Какая, к чёрту, секретность? Что ты мне ствол съешь, гопник? Совсем крыша протекла? Я не буду убивать нашего оператора, я сейчас в глаз тебе вот этот флажок воткну, мудила грешная! Брось оружие, обезьяна! Брось, говорю! Истеричка! Куда тебе на Луну, тебе в больницу надо, неполноценный! Господин переводчик, слышите, уже дверь ломают? Лучший для нас всех вариант - сказать, что пистолет в его руке случайно выстрелил. У президента нервный срыв, по нему же видно. Понял? Запомнил? Если будут давить, рви когти в советское посольство, мы тебя вытащим. Коля! Коля, оператор, выходи из столбняка! Пакуй камеру, валим отсюда.

(лакуна в записи)

Документ 070

Запись эфира

нелегальной радиостанции,

Южный Вьетнам, Река Восьми Драконов,

30 июля 1967 года

Привет вам, гордые американские воины! В эфире радиостанция "Сдохни, Вьетнам!" и я, ваш постоянный ведущий, вы узнали мой голос, вам знакомо моё имя, это я, Билл Роббинс! Сказать по правде, имя это не моё, а одногодохлого ниггера, чей жетон я подобрал в канаве, радиостанция наша запрещена Пентагоном и, уверен, нас давно ищет ЦРУ! Так что, внимание, молодые бойцы, вы серьёзно рискуете, слушая нашу волну, но опытные солдаты вам подскажут, что без риска кайф не тот. Мы здесь обсуждаем последние новости и передаем в прямой эфир то, ради чего вы сейчас собрались вокруг приёмника, а пронырливый каптёр уже заготовил бумагу, мел и доску и готовится принимать ставки.

Да! Мы транслируем смертельные бои! Мы делаем это уже второй год и останавливаться не собираемся. У нас здесь в джунглях аэродром, небольшая фабрика, о которой я вам не расскажу, потому что не ваше дело и лагерь пленных жёлтых обезьян -- вьетконговцев и коммуняк с севера. Два-три раза в неделю обезьяны выделяют из своего стада по одному бойцу, и если тот ведёт себя смело в поединке, пленные получают дополнительную чашку риса. Более сотни поединков и всего парочка выживших из проигравших. Счёт, кто бы сомневался, в нашу пользу: девяносто шесть -- пятнадцать. Да, бойцы, пятнадцать наших парней проиграли свои бои, несомненно, они чем-то провинились перед звёздно-полосатым. Мамки и девки в далёких Техасе и Алабаме получили печальные весточки от Пентагона.

А пока новости! День сегодня долбанутый, то есть я хотел сказать -- необычный. Долбанутый был вчера, по авианосцу "Джеймс Форрестол" долбанули ракетой, отчего куча самолётов на палубе сгорели к чертям, а больше сотни моряков отправились на небеса, к отцам, мать их, основателям! Одной, единственной ракетой положили толпу солдат! Вы уже ждали кулачки, бойцы? Вы уже готовы грызть глотку коммунякам? Не спешите. Эту ракету, по проверенным слухам, запустил лично, драть меня в уши, Джон Мак-тупица-Кейн! Джон МакКейн! И если вы охренели, то это хорошо! Не для вас, понятно, и не для флота США хорошо, а для меня! Хе-хе! Это значит, что я классный ведущий, могу

шокировать слушателей, и после армии меня возьмут на работу в крутую радиостанцию!

На чем я? А! Мак-дерьмо-Кейн грохнул сотню несчастных водоплавающих одним, говнюк, выстрелом! И если ты, боец, подумал, что морячков замочил лично, уверен, будущий командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Джон МакКейн, то ты свободномыслящий, дрочить тебя в сраку, гражданин великой страны Америка! Да! Это сделал Джон МакКейн! Только это был, по слухам, Джонни Третий, лётчик, сынок адмирала. Замочил Джонни Третий сотню морячков, точнее освободил их от тоскливой традиции трахать друг друга в тесных каютах. Герой ты, Джонни-сынок-Третий. Медаль тебе, красавчик.

Но эта хрень была вчера. Сегодня во флоте траур и всё такое. Но мы-то с вами не во флоте, благослови Господь Америку и вашу призывную комиссию! Мы на земле, на этой пропитанной дерьмом и напалмом жёлтой азиатской землице. А конкретно мы -- на краю взлётной полосы, рядом с джунглями и воротами в лагерь. Тут у нас место поединков.

Поле боя это квадрат песка тридцать на тридцать футов. По краям квадрата наши болельщики, свободные сейчас от службы такие же бойцы как вы, мои радиослушатели. У нас даже есть небольшая трибуна для офицеров, пленные сколотили в прошлом году. Правила поединков примитивны и пугающи, как сны президента Джонсона: в раунде три минуты, количество раундов не ограничено, на отдышаться одна минута. Бой кончается только когда один из бойцов или оба, да - оба сдохнут! Никаких ничьих, никаких выброшенных полотенец, можно всё -- отрывать яйца, откусывать носы, выдавливать глаза. Дикий, короче, Запад на дальнем, дальнем Востоке!

Каптёр! Все каптёры и вообще все брокеры! Слушай меня! Сегодня требуй удвоенных и утроенных ставок. Сегодня у нас впервые с нашим лучшим бойцом сразится, барабанная дробь и бзыньк по тарелке, пленный русский лётчик!

Да! О, да!

Воины! Наливаем самогон, разжигаем сигары и косяки, двигаемся ближе к вашим радиоприёмникам! Я, Билл Роббинс, из дебрей вьетнамских джунглей у самой границы с коммунистическим Северным Вьетнамом, в прямом эфире начинаю представление сегодняшних бойцов!!!

Итак! Те из вас, кто до сих пор жив, сразу узнают этого парня. А ну-ка, напрягаем мозг! Он лётчик, пилот "Фантома", капитан! Вспомнили, торчки? Нет? Пошли тогда по цифрам -- ему двадцать восемь, шесть футов два дюйма, и семь, сука, семь трупов, семь побед в наших боях! Боб Скуллз в красном углу ринга! Давай Бобби, выходи, покажись фанатам!

Вот он, наш великан, гордость ВВС США! На нём ношенная тропическая форма без знаков различия, похоже, на размер больше, голова брита на лысо и, о Боже! Боб абсолютно трезв, зол и неулыбчив! Вау! Бобби, где твоя улыбка, которая проводила на тот свет аж семерых вьетнамцев? Я знаю где. Дайте-ка я со своим микрофоном переберусь на противоположный от Боба край, дорогие радиослушатели, и объясню вам, где знаменитая улыбка Роберта Скуллза.

Бобби, не злись на меня, ты -- звезда, я -- репортёр, каждый делает свою часть шоу. Улыбка Бобби растворилась сегодня в небе, парни. Всё дело в том, бойцы, что Боб теперь у нас -- сбитый лётчик.

Бобби бросил в меня чем-то блестящим, друзья! Почти попал. Что это? Пряжка от русского солдатского ремня. Эх, Боб, был бы ты более метким, мне бы не пришлось в красках расписывать слушателям твои приключения. Сегодня утром Роберт Скуллз и лейтенант Круз на своих "Фантомах" сопровождали на юг "Геркулес" с нашим обычным грузом. Вру, должны были сопровождать. Сразу после взлёта, недалеко в северном небе наши асы заметили много самолетов, штук десять, и не придумали развлечения лучше, как бросить загруженный под завязку "Геркулес", следовавший предписанным курсом, сделать крюк к северу, и пальнуть издали, через границу по этим русским, как вы уже поняли, истребителям. Оба наших храбрых пилота выпустили по управляемой ракете, чтобы пугнуть русских и развернулись догонять

"Геркулес".

Догнал Си Сто Тридцать только капитан Роберт Скуллз, хватит грозить мне Боб, я прямо сейчас преумножаю твою славу! Лейтенанту Крузу прилетела русская ракета в задницу, чем сейчас Круз, как подвигом хвастается перед медсестрами и, особенно, перед медбратьями в госпитале. Что ты говоришь, Боб? Вы это сделали, чтобы пометить территорию? Не вышло, приятель, пахли неубедительно. Русский, который сбил "Фантом" лейтенанта Круза, вашего запаха не учуял. Ему же хуже!

Потому что вот он, этот русский пилот, тащи его сюда, Джонни, снимай с него верёвки! Вот он этот неудачник, случайно сбивший лейтенанта Круза и умудрившийся врезаться на своем МиГе в крыло "Фантома" капитана Скуллза.

Вы спросите, бойцы, а что это мы такие сегодня весёлые и расслабленные, почему проводим поединок, к нам наверняка уже летит проверка, где-то с полдюжины полковников и генералов -- как же, два "Фантома" потеряны, "Геркулес" груз не доставил и вернулся на базу, вот он на полосе в ста футах от меня. Спросите? Отвечу! Летит проверка, уже прилетела. И генералов там дюжина и с собой у них сотня мешков для трупов и сотня же звездно-полосатых покрывал. Проверка прилетела на "Джеймс Форрестол", там вчера случился ад. Помните? Я помню! Проверке не до наших двух потерянных "Фантомов". Трупов-то у нас нет. И это серьёзный наш минус, нет трупов. Вместо этого минуса сейчас будет делать плюс капитан ВВС США Боб Скуллз в красном углу ринга, парни!!!

Йии-ха! Итак, в синем углу ринга, оказавшийся не в том месте и не в то время. Как? Мне тут подсказывают, русского зовут Иван! Что!? Хрень какая-то. Русский Иван с китайской фамилией Ли Си Цын, бойцы. Да кого волнует, как зовут это тело! Бобби! А ты нас волнуешь! Тебе предстоит в ближайшие три, шесть уже много, минут вернуть себе свое страшное имя! Мы верим в тебя! Мы ставим на тебя! Да, каптёры? А про Ивана вы забыли? Этот монстр несколько часов назад сбил два "Фантома", потерял свой самолёт, но удачно катапультировался. А вдруг

он везунчик? А вдруг Бобу изменила удача?

Делайте же ваши ставки, джентльмены, через минуту начнется бой!

Или мне мерещится, или русский Иван смотрит на меня осмысленным взглядом, как будто понимает, что я говорю. А на Боба он смотрит с улыбкой, даже с ухмылкой. Эй! Полегче, тело, тебе жить осталось три минуты, помолись там своему Сталину, что ли, скоро встретитесь.

Итак! В руке у меня штык-нож от АК сорок семь, перед моим лицом подвешенный кусок рельсы. Микрофон поближе... Гонг!!!

Бойцы стоят в противоположных углах ринга, русский всё ещё тупо улыбается. Боб приветствует фанатов, трясёт над головой сжатыми кулаками, тоже мне -- Кастро, перемещается в центр ринга и поворачивается к русскому спиной. Фанаты свистом поддерживают Бобби, вы слышите! Комми стоит, не шелохнувшись, в своём углу. Кстати, правила ему никто и не объяснял, потому что правил никаких у нас нет.

Боб! Ай, круто! Приблизившись к русскому спиной футов на пять, Боб резко прыгает к противнику, разворачивается в полёте и бьёт правой пяткой Ивану в голову! Русский просто исчез! Присел. А, нет. Это он уклонился. Боб не попал, а то бы убил урода. Это был разведывательный удар, чтоб вы знали.

Русский отскочил, принял стойку, поднял кулаки к подбородку. Ух ты! Комми видел бокс по тиви! Боб не останавливается, Боб напирает, хуки слева и справа! Надо сказать, что Боб выше Ивана почти на голову, но и русский выглядит крепышом даже в этой своей советской форме. Ещё хук! Иван пригибается, Иван уклоняется, Иван на земле! Нет, ё, это он перекатился через руку, оказался у Боба за спиной. Сильно бьёт Бобу под сгиб колена! Нога Боба подкашивается! Иван наносит хук слева Бобу в ухо! Вот это удар! И в правое ухо! Снова в левое!!! Боб падает лицом в песок!!! Что я вижу!?

Да! Что за дерьмо я вижу?! Русский стоит в шаге от упавшего Боба и ничего не делает. Тупо смотрит противнику в затылок. Эй, придурок, добивать положено! Придурок оборачивается на меня, догадался, что я

ему кричу, вертит пальцем у виска и разводит руками. Что? Что за дебилские жесты, комми? Что ты сказать этим хочешь? Какую-нибудь хрень, типа не бью лежачего?

Так. Пилот "Геркулеса" плюнул, штурман махнул рукой, вдвоём они покидают трибуну и уходят в сторону своего самолета. Неужели всё так плохо?

Всё хорошо, парни!

Боб уже не лежачий! Он стоячий и прыгучий, отскочил подальше от русского, хватанул песка в две горсти и швырнул коммунисту в лицо! Прямо в рыло, в оба глаза. Как этот, как его - Голиаф в битве с Моисеем!

Хитрый Боб! Хитрый прием! Русский что-то орет и трет глаза пальцами. Ну, Бобби, не опозорь ВВС! И Боб оправдывает своё звание. Ступнёй, всей плоскостью ботинка Ивану в рожу! И давит! Переломал уже русскому нос, вдавил его же пальцы ему в глаза. Да? Ждем кровищщи! Что-то я размечтался. Русский, значит, поймал ботинок Боба у своего лица и не отпускает, а крутит против часовой стрелки. Это больно, парни. Нога у бойцов в ту сторону плохо вращается. Иван не отпускает ногу и резко дергается вперёд! Боб падает! Русский прыгает ему на грудь!

Гонг! Гонг, гонг, гонг!!! Оттащите его кто-нибудь! Куда руками? Ты ему дулом в ухо ткни! А ты руки ему скрути и тащите. Поднимите Боба.

Вау, бойцы, какой бой! Давненько, скажу я вам. Дайте и мне отдышаться. Хух!

Ну, я рад, парни! Рад, что мой репортаж продолжается, но твои фанаты, Боб, были уверены, что до второго раунда ты тянуть не будешь. Ты зачем пляшешь вокруг него? Ты киллер или танцор? Балет - это русский вид, тебе в нём ловить нечего. Убивай его, Бобби! У нас тут не телевидение, не надо красивых поз! Ты посмотри на врага внимательно, капитан! Ты думаешь, это просто молодой, даже зелёный русский пилот? Уже не думаешь? Ты видишь маленький значок у него на груди? Знаешь, что это? А узнать хочешь, что это? Ага, теперь хочешь?! Я скажу тебе! Это золотой значок Гэ Тэ О! Это

сертифицированный убийца, это мегабоец! Включай всю свою силу и свою умную голову, Боб! Мы, американцы, всегда побеждаем, да? А победа над таким бойцом будет вдвойне сладкой!

Теперь ты, русский хрен. Ты, сука, .. ублю...!... какой-то! ... что за... ! ... да ё ...!

Вырубай совсем!!! Жуть, дорогие слушатели. Пилоты "Геркулеса" врубили двигатели. Еле привлёк их внимание. Похоже, недолюбливают они Боба, друзья. С чего это вдруг, а Боб?

Второй раунд!!!

Пока русский мотает головой, Боб преодолевает расстояние между ними за секунду, парни, вот это напор, вколачивает русскому ботинком в живот, ещё раз в грудь, это он по подбородку хотел. Комми неуклюже отбивается ногой. Да отпустите вы его уже, прочь с ринга!

Русский вскакивает на ноги, трёт глаза, похоже, очистил их. Песок у нас тут крупный, жаль не пыль, остался после строительства взлётной полосы.

Эй! Ты куда?!

Комми взбегают на самый верх трибуны, прыгает вниз и с разбегу, плечом врезается в угловую стойку. Треск! Вы слышите?! Грёбанный комми! Трибуна рушится, а русский уже бежит к взлётной полосе. Чёрт! Откуда у него АК?!

Падайте все! Русский не оборачиваясь дает очередь назад! За ним, ублюдки!

Ага, за ним. Да что ему надо? Вот гад! Русский взбегают в открытую дверь "Геркулеса" и исчезает. Остановите его кто-нибудь, уроды! Стоять! Комми появляется в проеме и стреляет в нашу сторону двумя короткими очередями. Снова исчезает. Ещё очередь из АК, но уже внутри самолёта!

Боб! Твой выход, капитан!

Что?!

"Геркулес" взрывает двигателями. А я оберну микрофон вот этим флагом, меня станет слышно, а самолёт -- нет.

Роберт Скуллз гигантскими прыжками бежит за самолётом. Перед этим своим рывком Боб отнял у меня штык-нож и подобрал у разломанной трибуны пистолет.

Боб догнал, то есть добежал до самолёта! Нырять в черноту всё ещё открытой двери... Выстрелы в салоне! Двигатели, парни... двигатели заглушены. Ещё одиночный выстрел!

Из двери вылетает и шлепается мордой в бетон какое-то тело! Следом прыгивает Боб! За Бобом, не торопясь, вылезают пилоты "Геркулеса". Они не смотрят в нашу сторону, им стыдно, их самолет чуть не угнали.

Боб хватается тело за воротник и тащит к рингу. Нет, не добивает на месте, а хватается, Боб, и тащит!

Вот он, этот мегаубийца, этот коммунист, любитель жёлтожопых. Вот он лежит рожей в землю, весь в кровище, Боб его серьёзно ранил.

Бобби! Твой противник в пределах ринга и я не останавливал бой!

Так!!! Ещё давай! И в печень, и в сердце ввинти! Контрольный, Боб, надо в затылок, но изнутри, бей со стороны основания черепа! Да! Вытри об его форму и верни мне штык-нож, он дорог мне, Бобби!

Враг повержен, дорогие радиослушатели! Победа, парни! Мы сделали это! Капитан военно-воздушных сил Соединённых Штатов Роберт Скуллз завалил очередного коммуниста. Как говорил генерал Паттон, во всех остальных языках победа и Америка пишутся одними и теми же буквами! Советы и Вьетнам не хотят признавать эту очевидную истину. Но Боб Скуллз сегодняшней победой опять подтвердил слова генерала и ублюдкам придется переписать свой алфавит! Вау.

Благослови, Господь, Америку!

Это Уильям Роббинс из глубины вонючих джунглей, друзья.

Ёбаная страна, ёбанные люди, я хочу домой.

Bomb! Bomb! Bomb Vietnam!

Документ 080

Запись беседы

Председателя Совета министров СССР

А. Н. Косыгина и

лейтенанта ВВС СССР Ивана Лисицина,

Москва, Кремль,

07 ноября 1967 года

-- Присаживайся, лейтенант. Дай-ка я посмотрю на тебя, герой. Жарко сейчас во Вьетнаме, Иван?

-- Душно, товарищ Председатель Совета министров.

-- Меня зовут Алексей Николаевич, и ты меня так зови. Давай я тебе прочитаю из этой тонкой папки, а ты на мои уточняющие вопросы ответишь. Лады?

-- Так точно, Алексей Николаевич.

-- Лисицын Иван Дмитриевич, Иркутское Особое Высшее Лётное Училище, выпускник этого года, все экзамены сдал на отлично. Владеет английским языком в совершенстве, проверено по методикам филфака МГУ. Где языку научился, лейтенант?

-- Я окончил английскую спецшколу, десятилетку, учителем у нас был сбежавший из США негритянский коммунист. Литературу в старших классах преподавала его жена, индианка из племени сиу. На

английском языке. Я честно учился.

-- Богата Сибирь талантами. А теперь, Иван, расскажи мне, как потерял истребитель, как попал в плен и как бежал в тот же день. Контрразведке ты уже всё поведал, я уже всё прочитал тут, в твоём личном деле, однако, ты сейчас не на допросе. Расскажи коротко, но так, чтобы мне интересно было. Хочу послушать, как ты свои мысли излагаешь. Вперёд!

-- Есть! Я не должен был лететь в тот день. Моя служба заключалась в испытании собранных из частей МиГов, которые Советский Союз поставляет в Северный Вьетнам морем. Отдел проверки качества, что-то вроде. Боевой вылет командир нам, вчерашним курсантам, и не доверил бы. Тридцатого июля наши офицеры должны были перегонять шесть собранных Двадцать Первых на южный, пограничный аэродром ВВС Вьетнама. Если полёт проходит вблизи с границей, в группу лётчиков должен входить толмач с английского, виноват, переводчик. Это приказ штаба. А наш переводчик слёг в госпиталь -- неудачно познакомился с новыми блюдами вьетнамской кухни. Командир временно назначил меня на его место. Тогда я был рад. Этот вылет оказался моим первым и по настоящий момент единственным боевым. Мы почти уже достигли цели полета, когда я услышал переговоры американских лётчиков в эфире. Доложил по связи содержание переговоров командиру. Пока докладывал, наш курс пересекли три ракеты с той стороны. Неуправляемые, мимо. Командир велел мне прикрыть остальных. Ракет на моем МиГе не было, я понадеялся на пушку. Повернул на юг, к границе. Нас атаковали два "Фантома", атака была какая-то несерьёзная, сказал бы понарошку, но ракеты у них были настоящими. Между собой пилоты говорили: "Ты же обещал по одной ракете, Бобби, давай уже назад! Окей, лейтенант, мы проучили ублюдков!" Воспроизвожу точно, запомнил. Границу они не пересекали, а я пересек. Они меня не заметили. Я догнал и сбил из пушки один "Фантом". Метров с семисот. Но кончились снаряды, боекомплект был неполным. Я не проверил перед вылетом, слишком радовался, виноват. Второй "Фантом" развернулся и атаковал меня. Мне ничего не оставалось, как идти на таран. После тарана катапультировался. Американские пилоты тоже спаслись. День

странный был, никто из тех, кого я видел и слышал в тот день, не погиб. Поисковая группа американцев быстро нашла меня в джунглях, скрутили, маленько побили и притащили в свою часть, в лагерь военнопленных. То есть, просто лагерь, там кроме меня ни одного военного не было. Все остальные -- обычные крестьяне. Сто сорок один человек за колючей проволокой, пересчитал. Просидел я там часа два. Обыскали, фляжку с водой отобрали, но никто меня не допрашивал, только на ломаном русском имя и звание спросили. Это была необычная воинская часть, на мой взгляд. Правда, я обычных американских частей не видел. Там было мало солдат и офицеров, и, хотя все были в форме, выглядели они как сброд, как пираты на привале. Небритые, нетрезвые. Была взлетная полоса, три грузовых самолета "Си Сто Тридцать" и два "Фантома", ещё одноэтажное каменное длинное здание без окон и два деревянных, скорее всего, склада, туда постоянно разгружали огромные тюки с армейских грузовиков. Часа через два за мной пришли трое, руки связали, привели на ровную площадку рядом со взлётной полосой, там бездельничали около десяти рядовых и два-четыре офицера, не у всех погоны разглядел. По площадке бегал похожий на клоуна тип и орал в микрофон - вел радиопередачу в прямом эфире. Передача была про смертельные поединки, которые вот на этой площадке они и проводят. Я не подавал виду, что знаю язык, но слушал внимательно. То есть я попал на смертельный поединок, на ринг как участник. Повторюсь, странный это был день. Насколько я успевал оценить, клоун этот был отличный радио ведущий, заслушаться мне мешал противник, тот самый лётчик, чей "Фантом" я сбил тараном. Стали драться. Бился он не честно, и это никого не смущало. Боб его звали. Я ему накостылял немного. Со слов радио ведущего было понятно, что живым меня не выпустят. И тут такая удача ещё раз -- грузовой самолет "Си Сто Тридцать Геркулес" рядом, на взлётной полосе запустил двигатели, для проверки, для рулёжки, не важно. Я повалил на зрителей трибуну, там была такая самодельная из бамбука, отобрали у одного автомат, и побежал к самолёту. Пилот и штурман сопротивления не оказали, послушно выполняли мои приказы. Мы взлетели, через двадцать минут приземлились на аэродроме в Северном Вьетнаме, на том самом, куда я утром со всеми на МиГе летел. Сдал пленных и самолет дежурному.

Всё. С тех пор жду трибунала, замполит периодически обещает.

-- Отлично. Трибунала не будет. Выговор тебе начальство назначило без записи в личное дело. Так сюда, шутники, и записали. Если бы ты только потерял МиГ и потом сбежал из плена -- выгнали бы тебя из Армии, а то и посадили бы. Но за "Геркулес" и два сбитых "Эф Четыре" начальство тебе простило потерю истребителя.

-- Алексей Николаевич, разрешите поинтересоваться, а что с самолетом стало, с лётчиками, которых я в плен взял?

-- "Геркулес" в Липецк отправили, в учебный центр, а пилотов обменяли на пленных вьетнамских партизан.

-- Я тогда очередью пугнул пилотов, в груз стрелял, весь отсек был мешками забит, белое просыпалось. Химическое оружие?

-- Угадал, лейтенант! Это героин. Сильнодействующий наркотик. Двадцать тонн чистого героина.

-- Ого! То есть там, по всей части валялись наркоманы, а не пьяницы!

-- Это не воинская часть армии США была, Иван, а секретная фабрика, ЦРУ, скорее всего, по производству наркотиков. Кстати, о твоих подвигах прослышал военный атташе Китайской Народной Республики во Вьетнаме. После чего высокопоставленные китайские руководители через посредников обратились к нам с настоятельной просьбой передать весь американский героин, все двадцать тонн Китаю.

-- Зачем им?

-- Да. Просьба странная. Нам не жалко, мы передали в надежде на будущую нормализацию отношений. И поинтересовались, конечно, для чего он вам, товарищи? Товарищи ответили. Я давно живу, многое видел, но ответу удивился. Они собрались распространять этот наркотик адресно и по-дешёвке в британских университетах. Оксфорд, Кембридж, Лондонская Школа Экономики и так далее. Мы, собственно, и не против. Была, правда, мысль попросить их пощадить один ВУЗ в память о кембриджской пятёрке наших разведчиков, но умерла идея,

не родившись.

-- А почему именно в университетах и по-дешёвке?

-- Видишь ли, у китайцев есть мечта -- отомстить Британской бывшей империи за опиумные войны и наркоторговлю в девятнадцатом веке. Англичане выращивали в Индии мак и поставляли в Китай опиум тоннами. Китаю эта наркоторговля обошлась миллионами в сто загубленных жизней. А поскольку товарищи наши -- китайцы, то и месть у них, как не трудно заметить, китайская -- неотвратимая и легендарная. Этих тонн наркотика им хватит на десятки лет сушки мозгов отдельным самым талантливым и умным представителям британской молодежи. Если через пару поколений словосочетание "британский учёный" будет вызывать разве что смех -- страшнее мести для родины Ньютона, Адама Смита и Дарвина не придумать.

-- Жестоко. А почему именно этот героин? Потому что он американский?

-- Соображаешь! Папашу-уголовника отравит сын-маньяк. Месть штука мистическая. Не только у китайцев. В общем так, лейтенант. Собеседование ты прошёл. Поступаешь в моё распоряжение, Министерство обороны тебя уже откомандировало. В течение ближайших нескольких лет будешь моим личным представителем на переговорах с нашими американскими, как их назвать-то? Не партнёрами же. С американскими представителями будешь вести переговоры на тему полётов во сне и на Луну. Если коротко, американцы, думая, что в СССР главный - я, поскольку премьер-министр, как товарищ Сталин или, прости Господи, дорогой Никита Сергеич, предложили нашей стране в моём лице Сделку, которая, надеюсь, сулит нам много материального прироста. Подробнее позже поговорим, а вкратце: наша с тобой задача получить с Запада максимальное количество экономических выгод для нашей Родины и не дать им обмануть нас, что они будут постоянно пытаться сделать. Ты уже смелый воин, но для этой твоей новой задачи должен ещё стать умнейшим разведчиком и хитрющим дипломатом. Сейчас ты отправляешься на аэродром и летишь в Крым, в Евпаторию, в Центр

Контроля космического пространства Солнечной системы. Послезавтра США запускают на орбиту космический корабль "Аполлон" для беспилотных испытаний. Сиди, изучай все параметры этого полета. Знакомься с современной космической техникой, нашей и не нашей, приобретай новую профессию, назовем её, ну, например, специалист по контактам с неестественными партнерами. Или проще, космонавт-разведчик. Потом вернёшься в Москву и станешь учиться по-новой, уже гуманитарным дисциплинам. Вопросы все потом. Удачи, лейтенант!

-- Служу Советскому Союзу!

Документ 090

Заместителю Директора НАСА
доктору Томасу О. Пейну
от Главного Тайного Акционера
Федеральной Резервной Системы США
Джона Ротшильда Шестого Младшего,
Строго конфиденциально,
Совершенно секретно,
30 марта 1968 года

Здоровье иметь тебе, доктор, и всем космическим бродягам в НАСе!

Если бы не беспредел в стране и не конченый конец в остальном мире, я бы не писал тебе это письмо, док. Но я пишу это письмо, а ты его читаешь, почему понятно, да? Пишу, не скрывая ничего, как родной бабушке, потому что знаю, попади это письмо не по адресу, мне будет

очень больно.

Проблемы у нас, док. Непонятки. Братья волнуются. В ложах пошли вопросы.

Две недели назад мы были вынуждены сделать золото биржевым товаром. Впервые в истории человека. Мы, Федеральный Резерв, стали кем-то типа производителя мазута, толкающего свой товар на биржу. Понимаешь, док, весь цимес момента? Золото стало вдруг чужим доллару, выгрызлось, можно сказать, наружу из его плоти, разорвав ему по дороге сердце. А доллар, значит, стал после этого мёртвым и одиноким. Последнее особенно расстраивает.

Я, конечно, утрирую, тем более, что ещё не вечер. Это пока не край, а болезнь, жуткая, лютая. Потому-то ты нам и нужен, доктор. Я давно-о тебя приметил! Твой номер шестнадцатый, а темы, про которые я толкую в этом письме - для высоких степеней посвящения, но я поговорю со Старшими, что бы тебя приняли во внеочередном порядке в восемнадцатую, нет, даже в девятнадцатую степень, брат Пейн! С присвоением особого титула -- Доктор Боль.

Потом поспасибкаешь.

Так почему, собственно, с нами происходит то, что происходит с нами? Почему рушится гешефт, выстроенный с таким трудом за последние полсотни лет, брат Пейн?

Всё это потому, что мы теряем блеск!

Ведь, что такое блеск?

Что есть такого в зелёных бумажках с подписью Казначей, что заставляет торговца обменивать на них еду, сурового киллера расплываться в улыбке, шлюху раздвигать ляжки и всех вообще жмуриться от удовольствия при получении и печалиться при расставании? Почему такого не происходит, если предложить в обмен на товар, я пробовал в детстве, просто кусочек цветной бумаги? Я даже подпись тщательно подделывал, но оценкой моих стараний была лишь антисемитская ругань!

В этих зелёных бумажках есть блеск, потому что их можно обменять на золото. Так говорят представители бреттон-вудской школы мысли. Они идиоты. В этих бумажках есть блеск, потому что люди верят, что именно в этих бумажках есть блеск!

А в натуре блеск, в который надо верить, есть только в глазах смотрящего. Этот блеск позволяет передохнуть, сбежать от бытия с его тяготами, зажмуриться ненадолго. Давным-давно люди договорились, что должна быть общая для всех дурь, по-вашему - наркотик, который можно украсть друг у друга, получить за труд, наследовать, обменять. В те времена, говорят, люди жили в действительности, буквально в паре миль от объективной реальности, и поэтому универсальным наркотиком могло стать только что-то настоящее, трёхмерное, как еда или баба. Стало золото, золотишко, слитки, самородки, монетки, рыжьё! Моя, как ты понял, док, прелесть!

Эти времена закончились. Настали новые, они будут тоже трудны. За два прошедших года мы потеряли три тысячи тонн блеска. Обменяли обратно на нами же нарисованные бумажки! Скоро золото закончится, блеск потухнет, зажмурившиеся по всему миру вернуться в бытие и, уверен, бытие им категорически не понравится. Я называю это предадскими временами.

Чтобы этого не случилось, чтобы прозревшие не успели взять в руки лом и добыть им булыжник, ты, доктор, и был назначен заместителем директора НАСА два месяца назад. Будем возвращать блеск, доктор! Будем делать новую прелесть. Ты будешь её делать! То ли Марк Твен, то ли Христофор Колумб сказал: "Господь Бог хранит пьяных, идиотов и Соединённые Штаты". Тебе, доктор, выпала, понял меня, роль Господа.

Завтра, 31 числа, наш алкаш-президент объявит по ТВ, что он устал и уходит. Что он, Линдон Джонсон, больше не политик и в президенты снова не пойдёт. Следующим президентом США станет Никсон, даю зуб своей бабули. Золотой зуб, док! А так как Никсон - один из создателей Агентства, НАСА вернётся к своим истокам, к чистому балансу, в масть. Нынешний директор НАСА Джеймс Уэбб, конечно, авторитетный положенец, но я выкупил подставу, что с ним гешефта не будет. Гешефт

у нас будет с тобой, док.

Открою тебе древнюю масонскую тайну, брат Пейн, спрятанную, как и положено древним масонским тайнам на самом видном месте. Тебе же знакома поговорка: "Время -- деньги"? Так вот. Это не поговорка, а древнее масонское пророчество. И касается оно как раз первой недели апреля девятнадцать шестьдесят восемь. Первая неделя апреля, что послезавтра, должна стать временем силы для всей Солнечной системы и человека в её обитаемой зоне. А если не станет -- денег больше не будет ни у кого! Как думаешь, брат, если я и ты облажаемся в эту неделю, что с тобой сделают те, у кого больше не будет денег?

Завтра в твой кабинет постучится мой посланник. Назовётся Агентом Бобом. Скажет, что он от Смотрящего. Обеспечь ему доступ к космической капсуле "Аполлон", запланированной к пуску на орбиту в четверг, ноль четвёртого ноль четвёртого, то есть через четыре дня. И вообще, всё, что нужно будет ему -- нужно мне, а тебе, брат Пейн -- к исполнению. По-братски прошу, ни с кем делиться своими и моими мыслями не надо, брат. Только я тебе брат, брат.

Запомни это, док, как я тебя запомнил.

Документы 100 и 101

Президенту США

Линдону Б. Джонсону

телеграмма,

04 апреля 1968 года

Джонси!

Сегодняшние испытания ракеты "Сатурн 5" и капсулы "Аполлон 6"

полностью провалились. Профессор фон Браун -- лузер и посмертный позор своего Рейха.

"План Б" потерпел неудачу, переходим к "Плану А". Запускаем в действие операцию "Голодный Исав".

Сегодня же я отправляюсь в Европу, а оттуда в Россию. Ни о чём не беспокойся, Джонси. Лёгкого тебе похмелья!

Координатор

Роберт Скулз

Тому, кому надо

радиограмма,

04 апреля 1968 года

Предельный Смотрящий! Великий Завр!

Полный успех!

В нужный момент "Аполлон" пролетал точно над Теннесси. После приводнения и доставки капсулы на авианосец, я лично и первым вскрыл её. Посторонних не подпускал. Артефакты забрал, упаковал. Через сутки буду в Риме.

Агент Боб

Документ 120

Отчёт Агента Боба

о первой встрече с русскими,

Москва, СССР,

07 апреля 1968 года

Великий Правша!

Какую цель преследовали русские, назначив встречу со мной в полдень, строго по центру Красной площади, в ста футах от входа на выставку мумии Ленина? Я думаю, хотели унижить или заранее напугать американского представителя -- к месту встречи мне пришлось продираться сквозь толпы туристов из Северной Кореи, Северного Вьетнама, Северной Ирландии и Восточной Германии. Русское дешёвое дерьмо! Ни то, ни другое у них не получилось. План "А" в работе, Величайший!

Русского агента, как мне передали в нашем посольстве, получится узнать по пальтишку и кепочке серого цвета. И под мышкой, сообщили в посольстве, русский будет иметь журнал "Лайф", свежий номер. Сочетание необычное, но я узнал русского издалека и сразу, не по визуальным признакам, а шестым чувством. Сама Судьба дала мне знак. И это был хороший знак, я уверен! Русским агентом оказался тот самый лётчик, "МиГ" которого я сбил тараном прошлым летом во Вьетнаме. Это был молниеносный победный бой! Потом мы его, сбитого, катапультировавшегося, дрожащего от ужаса, поймали в джунглях, привели в наш лагерь и, в назидание пленным, в показательном поединке на условном ринге я сильно, но не смертельно надрал ему задницу в двух раундах. К сожалению, я докладывал, в тот же день на нашу базу напали вьетгонговцы, сожгли два "Фантома" и "Геркулес" на взлетной полосе и, безумные комми, перестреляли сотню своих же сограждан, аграрных рабочих нашей базы, об этом есть в моем докладе. Русскому пилоту удалось тогда бежать, и вот я нахожу его на Красной площади и незаметно приближаюсь к нему со спины.

Пока для того, чтобы произнести пароль и услышать отзыв.

-- Поклон Алексею Николаевичу от президента Джонсона! - сказал я пароль, который мне сообщили в посольстве.

-- Кого я вижу, сам пришёл, - таков был отзыв, его произнес русский, обращившись ко мне. Адский страх полыхнул в его глазах, он узнал меня. Далее привожу наш диалог, который я сохранил в памяти полностью. Метод запоминания "МК-инфра", спецкурс в Wild West Point, второй год обучения.

-- Мать моя женщина, и действительно! Кого я вижу?! Узнаю твою бритую башку! Как тебя там, приятель? Роберт, да?

-- Да, приятель, это мое имя. И я тебя узнал. Ты Иван? Да, Иван и фамилия у тебя китайская, я правильно запомнил?

-- Точняк, Бобби! Лисицын я. Лейтенант ВВС СССР Иван Дмитриевич Лисицын, специальный представитель Председателя Правительства СССР товарища Косыгина Алексея Николаевича, рад познакомиться в более мирной обстановке! А ты кто?

-- И я рад видеть тебя в Москве, я имею, увидеться с тобой в Москве. Э-э. Мы так и будем разговаривать в центре площади? Иван?

-- Пардон, мистер! Прошу за мной, прогуляемся, тут недалеко.

-- Приглашаешь в свой офис, Иван?

-- Ха-ха! Так точно, Роберт, в офис. Ты завтракал? И я нет. Вот и пожрём там, в офисе!

-- Мы идем в это старинное здание?

-- Совершенно верно! Это -- ГУМ.

-- Гум? Чюинг?

-- Не знаю, попробуй. А вдруг? Я просто сам недавно в Москве живу, предпочитаю сначала всё глазами рассмотреть, расспросить, послушать, а тут много всего и всякого. Вот, пришли. Будешь? Тогда нам дальше,

сюда. За тот дальний столик садись, я сейчас.

-- Но это же закусочная!

-- Чебуречная. Пальчики оближешь, обещаю! Тебе чай, кофе, сок?

-- Пальчики? Маленькие пальцы? Оближешь? Э-э, сок, да, сок.

-- Выбирай стул, Роберт. И мне займи место, вот журнальчик на него брось. Пять минут... Ага! Даже не пять, а три получилось. Это блюдо мы с тобой должны съесть. Я имею ввиду, его содержимое. Вот твой сок, гранатовый, мой чай. Ну, за встречу. Бзыньк!

-- Бзыньк? Не "на здоровье"?

-- Блямс, тренък. Хочу уточнить, водку или, там, виски я с тобой квасить не собираюсь. Начальство пообещало, что нам по одной теме работать ближайшие лет пятьдесят, разное может случиться, но я всё-таки надеюсь, что пить с тобой не буду никогда. Ты кушай, кушай. Как оно, кстати?

-- Восхитительно, Иван! Этот, это - великолепен!

-- Я рад. Ты кто такой, Боб? Кого представляешь и что привело тебя в Москву? На Луну вы пока не собираетесь, почему же приехал? Со мной познакомиться? Понимаю, много вопросов сразу. Можешь отвечать по очереди, с любого начиная.

-- Пальчики оближешь! Кончики, да, понял теперь. Мое имя Роберт Скуллз, капитан ВВС США. Специальный представитель, э-э, Америки, на переговорах со специальным представителем России по вопросам, представляющим взаимный интерес, детально, по проблемам, связанным с пилотируемым освоением Луны и Марса.

-- Ух ты! И Марса!

-- Пока нет, конечно. В будущем. Ты сам же сказал про количество в пятьдесят лет, я слышал. И мне похожий срок начальство назвало.

-- Так кто твоё начальство, Роберт Скуллз? Президент США?

-- Как бы и да. Как бы и нет. Президенты, ты удивишься, Иван, в Америке часто меняются. Мы, благодарение Богу, настоящая демократия и страна всех свобод, не то, что вы, Россия. Но сделки, заключенные одним президентом другие, сменившие его, обязаны будут исполнять.

-- Слушай, Боб, у меня к тебе просьба. Мы знаем, какие у вас все, и какие у вас свободы. Индейцы знают, кубинцы, вьетнамцы, негры ваши знают и зачем только бунтуют, свободные, да весь мир про это ваше настоящее в курсе. Так что давай мы с тобой темы свобод, демократий и так далее поднимать в разговорах не будем.

-- Окей, Иван. Я уловил это! Готов исполнить твою просьбу. И ты мою исполни тогда в ответ. Хорошо? Давай мы с тобой не будем поднимать в разговорах тему нашего первого знакомства во Вьетнаме. Никогда.

-- Хорошо, хорошо. Я и не собирался. Было бы что вспоминать. Чуть под трибунал не угодил.

-- Великолепно! Следующий мой ответ на твои вопросы. Мы собираемся лететь к Луне! В этом году состоится первый полёт, мы имеем уже решение, но прессе ещё не сказано. А тебе я говорю это раньше всех американцев, наслаждайся! Да. До конца настоящего года наш первый облёт Луны будет!

-- Так, так. И на чем полетите?

-- Сэтурн файв. Пять! Сатурн Пять. Сверхмощная ракета. В четверг были решающие испытания, Иван, этой ракеты. Я лично в центре Тихого океана наблюдал возвращение капсулы "Аполлон" из пространства. Всё прошло грандиозно! А сюда, в Европу, я возвращался на самолёте "Чёрная птица"! Это самый быстрый самолёт во вселенной, Иван! Две тысячи пятьсот миль в час, Иван! Представь! У вас таких самолётов не будет никогда, Иван, верь мне!

-- Две с половиной тысячи? Это четыре тысячи где-то километров в час? Истребитель?

-- Нет. Нет. Просто. Военный самолёт.

-- Верю тебе. И как прошли решающие испытания?

-- Идеально, товарищ Иван! Ракета прекрасно себя показала нам! Прекрасно!

-- А я в четверг был в Крыму, это на Чёрном море, Боб. Там у нас умнейшие ребята сидят, в Центре Контроля космического пространства Солнечной системы. И они тщательно отслеживали все параметры этого испытательного полета, также как и первого, в ноябре. Вся телеметрия, все перехваты и данные объективного контроля со всех концов земного шарика, прикинь, стекались в Крым. И я там из-за спин подглядывал на циферблаты-экранчики. Так вот, мистер Роберт, ребята из ЦК КПСС считают, что испытания этого вашего носителя провалились, оба испытания. Для полета к Луне с такими характеристиками он не пригоден, они полностью уверены.

-- Из ЦК КПСС? Считают, что провалились? Фак! Уверены? Но откуда? У вас есть шпион в НАСА, да? Нет! В Белом Доме шпион, на высоком уровне!?

-- Ты какого ответа от меня хочешь, Боб? Есть шпионы, Роберт, и там, и там! Вытри пальчики вот этой серой бумажкой, бери ручку и записывай фамилии? Ты кушай, кушай, я пошутил!

-- Да я понял, понял, Иван. Ты всего только лейтенант, тебе не скажут фамилии. Тебе даже не скажут, сколько их, шпионов. Это именно жаль, но вот другой потайной информацией мы могли бы с тобой делиться для взаимовыгоды.

-- Держи карман! Короче, я это, резюмирую. На Луну вы не летите, не на чем. Что вы из себя на самом деле представляете, вам стало ясно в прошлый четверг. Я имею ввиду испытания носителя, а не показательное убийство негритянского вожака и защитника угнетённых. И вот ты здесь. Чебуреки кушаешь. В шпионы меня вербуешь через двадцать минут после первого "здрасьте". Похоже, жопа у вас, мистер Роберт. Полная такая, с целлюлитом.

-- Твоя самоуверенность меня веселит, Иван.

-- Так не держи в себе, Роберт, посмейся.

-- Ха-ха-ха! Годится? Отчего ты решил, товарищ Иван, что испытаний "Сатурна Пять" было только два? Может быть, двадцать два их было? Просто о двадцати испытаниях не объявлялось прессе. И моему появлению здесь легко придумать сто тысяч миллиардов причин, а целлюлит твой воображаемый среди них даже не второстепенная.

-- Годится, тем паче, не до веселья вам сейчас. Ваша продажная пресса и знала бы про секретные испытания -- утаила бы, за деньги, конечно. Но от наших честных спутников готовая к тайному старту ракета высотой в сотню метров не спряталась бы. А про миллион причин у одного следствия? Вспоминаю я древнюю вьетнамскую поговорку. Нельзя, говорится в ней, нельзя убить четырнадцатую белую американскую обезьяну, не убив сначала тринадцать белых американских обезьян. Улавливаешь? Тринадцать дохлых белых американских обезьян -- не причина смерти четырнадцатой, а номера предшествующих событий. Причина смерти четырнадцатой и предыдущих -- появление стада алчных, жестоких, больных садизмом, ядовитых белых американских обезьян на вьетнамской земле. Такая вот народная мудрость. Всегда есть главная и решающая причина. Короче, что хотел, колись! Зачем приехал на мою землю после двадцати двух успешных испытаний?

-- Окей, товарищ. Расколос ты меня. Питатель, факинг энкавидэ. В контекст наша Сделка мы хотим получить ваших операторов для наше кино, но не наоборот. Как бы это? Нам нужна будет ваша плёнка, снятая вашими астронавтами в окрестностях Луны. Эксклюзивные права! Нужно чтобы невесомость, всё летало, кружилось, иллюминатор, руки астронавта на фоне Луны за бортом. Перчатки скафандра для рук в кадре дадим вам, пришлём. Мы готовы оплатить хорошую, как это слово, мзду, не деньгами, это понятно, а серьёзными политическими жертвованиями для вас.

-- О как! Неожиданно! То есть, ты думаешь, мы уже к Луне летаем, только не говорим никому?

-- Нет, так не думают. Не летаете пока. Но годитесь успеть раньше тех, кто не думает. Эти ваши запуски по проекту "Зонд" на ракете "Протон"

нас, не скрываю, чуть-чуть, дерьмо, совсем беспокоят. Там много аварий, но это особенно жутко. Значит, вы настроены на успех в реальности. Но ведь у нас же с вами Сделка. Неприемлемо! Вы должны ее держать не меньше чем мы! Сделка это то, что есть к обязательному исполнению двух сторон.

-- Глазки-то как горят! Можно подробнее, Роберт? Я с трудом понимаю, о чем ты говоришь, не смотря на твой прекрасный русский.

-- Да. Заслушай сценарий. Представь весь ужас, орбита Луны, ваша капсула "Восход" вокруг летает. В капсуле астронавт Леонов и его друг астронавт, скажем, Лисицын. У каждого кинокамера. Посадка на Луну не предусмотрена, а значит в капсуле много свободного места, можно взять с собой в пространство цветной киноплёнки большой запас, и снимать, снимать, снимать. Акция! Астронавт Леонов вылезает из скафандра, астронавт Лисицын записывает всё на цветную плёнку. Космическая тишина! Леонов улыбается, за его головой иллюминатор, в иллюминаторе медленно плывущая в ста милях от капсулы поверхность Луны. Леонов что-то говорит, крупно губы Леонова, титр на экране: "Щас мы покажем этой Америке, где её настоящее место!" В руках у Леонова на секунду появляется флаг Соединённых Штатов. Крупно! Руки Леонова стягивают с задницы Леонова трусы Леонова. Леонов прижимается жопой к раструбу русского космического унитаза. Делает свои дела, улыбаясь в камеру. В кадр вплывает звёздно-полосатый флаг. Леонов подмигивает в камеру, ловит флаг и тщательно им подтирается. Пара секундных сцен смонтировано. Движение руки Леонова снизу вверх. Ковыряющее движение. Комкающее. Флаг, с отвращением на лице астронавта, герметично пакуется в полиэтилен. Это ещё не конец фильма. Камера в руках у Леонова! Младший астронавт Лисицын в кадре, молодой герой, у него другие потребности. В кадр вплывает надувная зелёная голова статуи Свободы размером с арбуз. Брови нарисованы, губы подкрашены красным, резиновый рот открыт. Астронавт Лисицын снимает скафандр, снимает космические трусы, хватает Свободу за лучи короны и подтягивает к себе...

-- Я смотрю, Боб, мысли о судьбах родины и свободы тяжким грузом легли на твой мозг, и выдавили наружу через отверстие в твоём лице

что-то совершенно неуместное в чебуречной. Нет, ты доедай последний, ты его уже касался, вроде. И журнальчик с собой можешь забрать, не успел купить, небось, считаешь о чудесах древнего Египта, сравнишь с современными. Потом расскажешь. А сейчас расскажи, на что вы ваши космические перчатки меняете? Самые дорогие перчатки в истории, надо понимать.

-- О, да, я счастлив, Иван, что мы снова конкретные, а то я увлек себя, сорри. Мы все, американцы, немного по-хорошему сумасшедшие, мечтать о Голливуд. Иван, наш товар - мир. Мы прекращаем войну во Вьетнаме! Для вашего удовольствия! Это ценно вам, я знаю.

-- Что это значит, прекращаем войну? Капитулируете и покидаете Южный Вьетнам? Вас так сильно впечатлило партизанское наступление этой зимой?

-- Прекращаем, но не уходим! Мы не нападаем теперь, а только в защите. Начинаем переговоры с вьетконгом о зонах деэскалации и чертим красные линии разграничения. Можем начать уже на следующей неделе переговоры! Сообщите Вьетнаму.

-- Бегу, только руки помою.

-- Ты напрасно в иронию, лейтенант Иван! СССР это надо! Это богатый мздец! Вы такое мечтали последние три года! Об этом наша Сделка!

-- Мир во Вьетнаме возможен только после победы народа, капитан Скулз. Не вашей. Так что, ворованным товаром ты торгуешь, приятель. Но раз мы с тобой конкретные, я тебе объясню правила нашего базара. Не врать и не втюхивать гнильё, вот два основных, доступно? Нарушишь правила - отправлю в жбан. С локтя или с ноги. Что нам нужно, мы вам сами скажем, не надо угадывать наши мечты. Что ты там на чашу весов положил? Флаг США, отрезанную голову Свободы и перчатки скафандра?

-- Да! Перчатки! С эмблемой НАСА!

-- Левая и правая? И всё? Как-то странно будут смотреться просто перчатки на фоне лунной поверхности с высоты сто миль. Может быть, и

рукава скафандра тоже нужны?

-- Нужны, да. Ценная поправка!

-- Дальше идём. Голова Свободы. Сколько у неё рогов? Семь вроде. Флаг США. Шестьдесят звезд и десять горизонтальных полос.

-- Пятьдесят. И тринадцать.

-- И перчатки. По пять пальцев и два локтя у рукавов. Итого? Восемьдесят два. Такое количество билетов на премьеру вашего фильма "Дефекация в космосе" у нас есть. Фильм этот вам придётся снимать самостоятельно. Мы, понятно, в кино не пойдём и вернём билеты в кассу. А касса расплатится тем, что нужно нам. Мы хотим поставлять нефть и газ в Западную Европу. Некто Аденауэр по совету НАТО запретил проект "газ-трубы" пять лет назад. Дайте команду "служить!" своим шавкам из ФРГ. Далее. Нам нужен специализированный химический комбинат. Подробности письмом. Нам нужен современный завод по производству больших грузовиков. Детали позже. Сколько я билетов вернул? Три!

-- Ты сволочь, Иван!

-- Благодарю за комплимент, Боб! То, что я перечислил, это для начала и в общем. Подробности озвучит товарищ Косыгин или его заместители на официальных переговорах с западными представителями. От ваших представителей требуется улыбаться по делу, кивать головой невпопад и поминутно спрашивать: "Где разгружать заказанное и куда заносить деньги?" То есть, от вас -- добрая воля. От нас -- непосещение вашего фильма, а значит, отсутствие кинокритики. Усёк, товарищ Боб?

-- Я передам ваше предложение боссам, господин Лисицын.

-- Ты свое "передам" засунь себе обратно, Боб. На какое число намечена премьера вашего фантастического фильма про Луну?

-- Я думаю, это будет на Рождество. Такая осуществившаяся мечта, как рождественская сказка. Что ты так смотришь, Иван? Рождество! Ну?! Прекрасный американский праздник! Оу! Дикая страна, Иван! Двадцать пятого декабря это будет.

-- Я приеду в Вашингтон до премьеры, мне потребуется подтверждение Сделки от вашего нового президента, раз Джонсон, автор всего этого бреда, так не вовремя слился в туман.

-- Конечно, Иван! Именно, Иван! Жду тебя на Пенсильвания авеню, шестнадцать два нуля, Иван! А как только мы покинем Белый дом, попив кофе с президентом, мы отправимся в "Йеллоу сабмарин клуб", где я познакомлю тебя с Дженис Джоплин и Элвисом!

-- Что за клуб, и кто все эти люди?

-- Дикая страна! Дикая! До встречи, Иван! Апчебруки за счет русского правительства, у меня нет ваших рупий. Контакт держим как раньше, линия межправительственной связи.

-- Слышь, лысая башка! Одень шапку на.. кхе-кхе, на голову, а то уши замерзнут. Плюс пять в Москве!

Я покинул гнусную закусную в прекрасном настроении! Всё получается, Великий Жрец! Теперь предстоял завершающий эпизод моего сегодняшнего квеста.

В шестистах шестидесяти шести ярдах от Кремля, на площади перед штаб-квартирой русского энкавиде меня ждал офицер службы межправительственной секретной связи. Я первый американец, Великий Жрец, который назначил шпионскую встречу сотруднику русской разведки напротив самого главного здания кейджиби! Офицера звали Допустим Вася, звание не ниже майора. Я познакомился с ним в марте, в Вашингтоне, куда русский приезжал для технической тестов системы секретной связи. Я уверен, что это фальшивые фамилия и имя. Диалог с ним я тоже запомнил слово в слово.

-- Здравствуйте, Василий! Снова здравствуйте, я хочу сказать!

-- Роберт. Здравствуйте, Роберт! Прошу вас, не улыбайтесь вот так вот, выдаёт. А то, что вы по-простому одеты, это хорошо. Шапка только на вас смешная. Давайте прогуляемся, не торопясь, по площади. Идём такие, смотрим под ноги, тихо беседуем, эмоции на лице держим обыкновенные.

-- Василий! Мне нужен полчаса вашего времени, не более чем. Располагаете полчасаем?

-- Так точно! Что у вас в рюкзаке? Включённый звукозаписывающий прибор на минибобинах с магнитной плёнкой? Откройте, покажите.

-- О, нет, Василий! Смотрите тщательно! Видите? Журнал "Life" свежий номер, в коробочке - готовый к просмотру кинофильм на восьмимиллиметровой плёнке, это я вам отдам, если вы не против, и денег немного, девяносто тысяч американских долларов пачками по десять в банковской упаковке. Я много путешествую по миру, нужны наличные.

-- Кха-кха! Морозно в Москве сегодня, не находите, Роберт? Хочу внести ясность, я бы не пришёл к вам на эту встречу, так бесцеремонно назначенную вами вчера, если бы сведения, которые вы передали через меня для товарища Андропова две недели назад, не оказались вдруг верными. Даже скандальными для нашего ведомства, сказал Юрий Владимирович. Вы, Роберт, значит, вхожи в высшие круги или вообще в Тайное Мировое правительство вхожи, мы правильно понимаем?

-- О, да, Василий! И вхожу, и выхожу, сказал же, я много путешествую.

-- Ага. И, значит, располагаете сведениями, например, о том, кто станет следующим президентом США?

-- Товарищ Допустим! У нас в США демократия! Мы, народ! Так начинается Декларация независимости, Василий! Народ решает, кому быть президентом США, но даже народ пока не знает, кого он выберет, до ноября ещё полгода. Никто другой не решает! Никто, слышите? Никсон.

-- Этот чокнутый?! Хотя, в свете недавних событий, вами предсказанных... В здании на той стороне площади все уверены в искренней любви американского народа к представителям семейства Кеннеди, мистер Скуллз.

-- Главный из оставшихся представителей упомянутого вами семейства

сожалеем, не доживёт до точки не возврата. Короче, Василий, я с удовольствием обсужу с вами перипетии наших будущих выборов, сразу после дела. А я к вам по делу.

-- Вы отлично говорите по-русски, Роберт! Отчего так? Из эмигрантов?

-- Боже упаси, как восклицали герои писателя Ильфа Петрова. Я на одну сотню процентов чистый американец, товарищ. Просто в моей школе, в Остине, штат Техас, работали несколько русских, беглых из СССР. Как это их называют? Бандерцы и власывцы они были, учили русскому языку и литературе, а я хорошо учился.

-- Бандеровцы и власовцы? Ни те, ни другие не русские, а преда... Кх-кха. Но вы правы, перейдём к делу. Вот как раз подзёмный переход, прошу вас. Замечательно, можете озвучить цель вашего визита в наши края.

-- У меня послание боссу КаГЭБэ товарищу Андропову. От тех, кого, как вы думаете, я представляю. Я, вы знаете, исполнительный менеджер по Сделке, которую заключили в прошлом году этот ваш Косыгин и наш Джонсон.

-- Ну-у...

-- Сегодня, во время встречи со мной, человек Лисицын, посланец Косыгина, повёл себя совершенно неподобающим образом: хамил, угрожал, ставил заведомо невыполнимые условия. Ваши люди за мной следили и всё слышали, думаю, вам уже доложили.

-- Доложили? Послушайте, мистер Скуллз, за вами никто не следил. На то была специальная команда товарища Андропова: проследите, чтобы за молодым дипломатом Робертом Скуллзом никто не следил сегодня!

-- О! Я вижу приятное, что имею дело с профессионалами. Сам такое. Я думаю, мы с вами заработаемся. Так вот, этот Лисицын ещё молод, но идёт теми же путями, что и его босс, я про Косыгин! Это очень, очень опасно для нашей с вашей Сделка! Сделка сорвется с этими! Косыгин -- криминал! То есть, преступление, каторжник, э-э, гопник, урка!

-- Тихо, тихо, тихо! Под ноги смотрите себе, Роберт, и тихо

продолжайте. Что за сделка, кстати, напомниме? У нас их десятки с вашими людьми, все и не вспомнить сразу.

-- Та самая Сделка, господин Допустим! Которая с заглавной буквы!

-- А! Та самая! И?

-- Косыгин хочет денег. Джонсон предлагает наоборот, самое широкое сотрудничество, мирные переговоры, разрядку напряженности, культурный обмен. Косыгин криво улыбается, его лицу не родна улыбка, не культура, а экономика, говорит Косыгин. Деньги, деньги давай! Но, товарищ, говорит Джонсон, а как же? И тут! Ужас! Косыгин в ярости прыгает и угрожает президенту США, что проткнёт ему глаз флагштоком!

-- Ч-чем?

-- Ну, флагштоком. Флажки стран-участниц на встречах ставят на стол, вот он схватил такой и целился Джонсону в глаз. Деньги давай! Президент США в ужасе закрывается стаканом с чаем, охраны-то рядом нет! Обезьяна, ругает Косыгин президента США, истеричка, урод! Отбрасывает флагшток и выхватывает пистолет! Выстрел! Линдон, твою ж мать, мудила грешная, я оператора убил, орёт Косыгин!

-- Какого это оператора?

-- Кинооператора. Гражданина США. Сделка фиксировалась на киноплёнку, но что-то пошло не так. Косыгин взбесился и совершил уголовное преступление.

-- Да не пизди! Простите, Роберт, я хотел сказать, что это какие-то фантазии, чей-то поклёп на Председателя Совета министров!

-- Я -- евангельский христианин, товарищ Допустим! Я никогда не вру! Держите мой рюкзачок, Василий. Там в коробочке кинофильм. Всё, что я рассказал -- там. Угрозы, выстрел, труп, ругань. Запись велась с нескольких точек, без звука, но у вас же есть специалисты, читающие по губам?

-- Бля...

-- Это грустьпечально, но правда. Я принёс вам правду, товарищ. А в чём сила, Василий? Знание -- сила! Вы теперь сильный, товарищ, потому что знающий. Давайте пожмём на прощание друг у друга наши сильные руки!

-- Я думаю... Я передам содержимое вашего рюкзака Юрию Владимировичу, всё содержимое, я думаю. А на словах?

-- А на словах передайте боссу Андропову, что я хотел бы с ним встретиться, скажем, в следующем году, когда Дик, э-э, новый президент США прочно обоснуется в Белом доме. В середине шестьдесят девятого года, скажем.

-- С какой целью просите о встрече?

-- Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Поднимите голову! Оглянитесь вокруг. Мрак, ужас, сырые бетонные стены! Дышать уже стало невозможно. Пришла пора покинуть этот подвал цивилизации, вернуть свежий воздух своим легким, обнаружить себя под высоким голубым небом.

-- Вот здесь выход из подземного перехода, прошу вас, Роберт!

-- Да! Так и передайте товарищу Андропову. Планета в опасности! Воздух испорчен! Вода отравлена! Экологическая обстановка ухудшается каждую неделю. Смог опять же! Не капитализм, не коммунизм, а научно-технический прогресс скоро пристрелит цивилизацию из крупного калибра! Кому, как ни нам, двум супер странам, отправить этому убийце в жбан? А? С локтя или с ноги. Кому?

Документ 110

Стенограмма беседы президента
с учредителями Римского Клуба.

Конфиденциально.

Не для членов Клуба,

Рим, Италия,

06 апреля 1968 года

Помните эту куклу с длинным носом, из полена выструганную? Когда я был маленьким мальчиком лет десяти, братя, я прочитал сказку про юного прохиндея Пиноккио и надолго потерял покой. Я постоянно размышлял о тайне его поведения. Зачем этот мелкий деревянный бесёнок хотел стать настоящим? И что это вообще значит? Настоящий, это который сейчас живет, в этом мире, среди людей, реальный? Кукла жила, кушала, разговаривала, ей, однако, не хватало! Или настоящий, значит идеальный? Он и стал к концу сказки настоящим, но остался при этом деревянным, в чем же был смысл? Такие вопросы. В одиннадцать лет размышлял, в двадцать два года, само собой, в тридцать три. А в сорок четыре тайна открылась мне.

Да, именно мне открылась эта страшная тайна тайн. Все расселись, всем удобно? Соблюдаем трепетную тишину. А теперь в этой тишине все встали. Да, и ты, и ты, секретарши, переводчики, помощники, подъем! Это музейные экспонаты, а не для ваших задниц лавки. Стоите и созерцаете по сторонам молча и в благоговении.

Нет, вы, братя, сидите, если конечно, не перепутали свитки с именами. Тогда беда. Беда-беда. Всюду беда. И это хорошо. Можно приступать.

Господа-бродяги! Сеньоры-попутчики! Братя!

Почти тысячу лет мы не собирались в этом древнем зале в глубинах Рима. Девятьсот пятнадцать для точности. И вот.

Завтра мы официально откроем Римский Клуб. На открытии будут знаменитые учёные, директора крупнейших компаний со всего мира, репортёры, известные политики. Вся эта массовка нужна для уважухи,

надеюсь, понятно. Я, Аурелио Печчеи, перед всеми толкну речь, то есть выступлю с приветствием, а вам, братья, совсем не обязательно присутствовать в толпе, даже инкогнито. Мою речь невозможно будет внимательно слушать и одновременно понимать, в напечатанном виде читать ее будет мучительно тяжело. Ее смысл будет максимально недоступным уму и непроходимым через ощущение к сознанию, потому что в составлении речи нам помогли британские психологи из Тавистокского института. Журналисты будут чувствовать себя идиотами, а специально приглашенные нами нобелевские лауреаты помалкивать, смотреть на остальных сверху вниз и выглядеть обладателями тайного знания, ведь мы дадим им много-много денег. Отлично придумано, согласитесь, братья!

Но это будет завтра. А сейчас, сегодня ночью, главы шести самых влиятельных тайных обществ всей планеты за всю историю, вы, братья, тамплиеры, союз девяти, масоны, каббалисты, иллюминаты собрались здесь, в подземном сердце Рима, в этом старинном зале, за этим древним круглым столом, впервые за тысячу лет, ибо назрело.

Оглянитесь вокруг! Я имею ввиду не на фрески и статуи, это фигура речи такая. Вспомните смрад, огонь и вопли на улицах своих городов, весь этот хаос и насилие на площадях ваших столиц. Жуткий, жарящий напалмом, шипящий слезоточивым газом, хрустящий переломами, предсказанный, о, Маммо, великий шестьдесят восьмой год полностью вступил в свои властные права! Первая неделя апреля тому свидетельство, а впереди май. Кто эти молодые люди, жгущие покрышки и унижающие полицию, почему они ритмично скачут, почему крушат всё вокруг, какая заноза у них в заднице?! Вы ответ, конечно, знаете, братья, тут собрались умнейшие, гордость нашего шарика.

Простецы скажут, ничего необычного. Молодежь не бунтует, она всегда такой была, она так живёт. Недоделанный Пиноккио во все времена тыкал длинным и ещё не отшлифованным носом папе-плотнику в глаз, чтобы поскорее занять улучшенное место в обществе.

Мудрецы промолчат. Время дискуссий вышло. Всё-всё изменилось. Папаши с умным и достойным видом объясняли нынешним бунтарям,

что почём, как хорошо и зачем такое плохо. А потом просрали ими же начатые две мировые войны и обнаружили сами себя в старости, унижении и бедности. Теперь мальчики и девочки не хотят быть умными, раз ум приводит к такому результату, а хотят косяк, жёлтую подводную лодку и уплыть на ней в Страну Дураков, где не надо насиловать ни себя, ни других, потому что денежные деревья вырастают за одну ночь.

Есть, однако, Страна Не Дураков, где отношение молодежи к старшему поколению прямо противоположно нашей беде. Я про Советский Союз. Там отцы и деды и смогли, и победили, и за все свои слова ответили. Там, представьте себе, парни и девушки не жгут покрышки, а жгут ракетное топливо, причем не на городских площадях, а в космических моторах всё более мощных, сложных и разнообразных. А скоро начнут жечь в двигателях уран, и тогда мы их уже не остановим. Так нельзя. Этому надо безжалостно наступить на конец.

Уверен, все здесь присутствующие прониклись величием задачи. Да, мы собрались тут вытаскивать человечество из этой засасывающей пасти цивилизации, возвращать ему подлинную свободу, короче, спасти весь мир, вообще весь, а не утирать слезинку с лица конкретного плачущего младенца или успокаивать сотни миллионов негров, бледных от злости и отчаяния и рыдающих третий день подряд. Жертвенный чёрный дым от горящих покрышек на площадях ваших столиц мрачно красив, но чрезвычайно вреден для здоровья, как и выхлоп от сгоревшего ракетного топлива! Дым не знает национальных, религиозных и классовых границ, для выхлопа не существует железного занавеса! Знайте же, друзья, что теперь у нас на планете самая главная проблема - это экология. Це о два там, вода грязная и всё такое. А Римский Клуб с этого дня -- сторонник чистой среды обитания номер один. Поэтому мы и зовем в члены Клуба русских, будем вместе спасать нашу общую планету от самих себя.

А это значит -- что? Что это значит, а?

Это значит, что прошу всех помощников, переводчиков, секретарей и прочее побыстрее покинуть Зал Тайных Собраний!

Поднимайтесь наверх, там вас ждут изысканные вина, закуски и сладкое -- гейши, гейи, кино, домино. Живее, друзья, подбадривайте друг друга! Полумаски снимать не надо. Какое кино? Правильное, новое, американское, мой незнакомый друг. "Космическая одиссея 2001 года", сегодня премьера только для вас в нашем маленьком кинотеатре.

Люблю тишину.

Друзья! Не побоюсь этого слова! Теперь я буду открывать вам истинные цели вашего присутствия здесь. Снимайте маски, мы можем, наконец, довериться друг другу и открыть свои лица. Передавайте маски мне, утром я отправлю их обратно в музеи Венеции. Роскошные, согласен, восемнадцатого и ранее веков, не меньше ста тысяч долларов каждая стоит.

Второй раз в истории, братья, мы собираемся все вместе в таком составе. Ну, не именно в таком, большинства ваших тайных обществ не было тысячу лет назад. На той, первой встрече были ваши, так сказать, духовные предки -- гностики, пифагорейцы, египетская братва. Поэтому я представляю вас друг другу по очереди.

Я безмерно, до дрожи горд приветствовать в этом зале посланников масонских братств! Я не шучу, посмотрите на мои вытянутые пальцы, это не похмельный тремор, это вибрации торжества!

Приветствуйте их, братья. Итак! Главы глав всех масонских лож лож! Два величественных, седовласых брата, в чьих уверенных руках власть над миллионами мастеров и подмастерий всех стран планеты Земля. Ну, почти всех. И в чьих головах, всего-то на пару сантиметров вглубь от их львиных грив хранятся страшные секреты и вековые тайны. Хранятся же, да? И нам не рассказываете. Цэ-цэ-цэ! Ах, противные старикашки! Это я с симпатией вам пальчиком грожу. Пару новых тайн я сам добавлю в ваши черепушки сейчас. Стол, за которым вы сидите, не простой. Ему почти три тысячи лет. Каркас его сделан из того самого кедра, который отбраковал первый масон - архитектор Хирам при строительстве Храма Соломона! Ага, пощупайте, ощутите. А в центре стола перед вами, вы узнали же своё, да? Но об этом позже. Братья

масоны! Вы самое многочисленное и самое известное в мире тайное общество! Вы -- армия! И я выругался бы грязно на это слово, однако вы одумались раньше, вспомнили, что вы всё-таки не воины, а торговцы. Вашими усилиями меньше года назад была заключена Сделка с русскими, которую уже всем нам вместе предстоит превратить из слов в капитал. Воины, как известно, сделок не заключают, воинов легко обмануть. Это я к чему уточнил про воинов? Сделка же экономическая, русские от вас потребуют массу ништяков и все ништяки будут за наш счёт. Так? По глазам вижу, что так. А теперь не вижу! В глаза смотреть, моль, когда я с тобой говорю! Я не понял, кто тут предприниматель -- я, президент-модератор самого влиятельного собрания на планете или вы, гринго? Тогда почему вы заключили Сделку с экономическими условиями? Политика, мои тупые заокеанские братья, политика должна быть предметом Сделки. У вас же президентов меняют каждые четыре года или в любом Далласе, политику всегда переиграть можно, но не экономику. Э-э. Да не дрожи ты так, жив останешься. Но расстроили вы меня, Маммой клянусь. Забирайте свой пузырь окаменелый со стола, хотя стой, я не закончил с вами.

Братья! Великое и тайное собрание! Седовласый брат наш держит в руках редчайшую реликвию в истории человечества! О, брат мой, как я горд вместе с тобой! Крепче держи! Это мочевой пузырь Архитектора Хирама, строителя того самого Храма, которого нет, но который вернётся! Этот пузырь из Хирама вырезали его лучшие ученики, когда пытали учителя о секретах мастерства. Ещё из живого вырезали, тем и ценна реликвия, в ней сохранилась Моча Знания! Этот пузырь позавчера несколько раз облетел нашу планету на борту капсулы "Аполлон". Траектория космического корабля была рассчитана так, чтобы он пролетел над всеми континентами и над всеми океанами, а значит, вся поверхность Земли оказалась помечена нашими братьями масонами. Мы даём понять вселенной, что берём всю планету под свою защиту, одним словом, шлём метку Мирозданию -- этот шарик наш. Вы улыбаются, братья! Да, именно для этого мы просили у вас вашу самую ценную вещь, а теперь ее возвращаем. Ступайте с торжеством и гордостью в душе, братья. Приступайте к великому деланию! Какому деланию? Не скромничай, брат, всё ты понял, а смирение нам не к лицу.

Да, мы учреждаем Римский Клуб, только для того, чтобы уничтожить СССР. И да, ученые и официальные организации русских должны стать уважаемыми членами Римского Клуба. Много у нас, на Западе кнутов, братья, и вот только сегодня появляется пряник, пироженка, или как это в русской сказке - сладкая говорящая булочка кольёбок. Вас будут хотеть, а вы должны соблазнить и обмануть.

Окей, янки? Окей, дикси? Оба встали и ушли.

Как-то сразу посвежел воздух, вы заметили, братья? Я грубо и эффективно очистил этот зал от экономики и политики. Что же осталось нам от цивилизации? Много чего -- наука, религия, магия, не вернулись же мы во времена Адама?!

Да, господа иллюминаты? Что скажете, вернулись ли мы во времена основателя Общества Баварских Иллюминатов Адама Вейсгаупта? В тысяча семьсот восемьдесят пятый год? Нет, наверху двадцатый наш век. Я просто пытаюсь смешно шутить, и у меня получается.

Братья! Перед вами руководители уже не баварского, но всемирного Общества Тайных Иллюминатов - Совершенный Доктор, он же - Рыцарь с Фонарем и Завершённый Профессор - Кавалер Ордена Подсветки, так они просили их представить. А что это вы вдвоём прибыли, господа? Тамплиерам, например, положено парами ходить, масонам страшно было по одному, думали я их за Джонсона накажу, а вас-то я почему двоих позвал? Не знаете. У нас сегодня ночь жутких разгадок страшных тайн, я поведаю их вам.

Стулья, на которых вы, господа, сидите, называются Трон Вопросающего и Трон Держащего Ответ. Соответственно, вы отныне не Доктор, и не Профессор, а понятно кто. В самих этих креслах ничего особенного, просто красивая мебель восемнадцатого века, важно кто сидел в них. Дело было в тысяча семьсот восемьдесят пятом, когда власти Баварии разогнали молодой Орден Иллюминатов, в маленькой комнатке с каменными стенами и низким потолком, на Троне Держащего Ответ восседал сам великий Адам Вейсгаупт, напротив него, на Троне Вопросающего сидел следователь мюнхенской полиции и задавал вопросы. Протоколы допросов не сохранились, но точно

известно, что следователь проникся, осознал, презрел опасность и примкнул к запрещённому Ордену. Эту историю мне рассказали в антикварной лавке на Майстерэкхартштрассе в Мюнхене. Ещё рассказали, что в тысяча девятьсот двадцать третьем на этих стульях успели посидеть будущий шеф Гестапо Генрих Мюллер и Адольф-неудачник после подавления "пивного путча", но это уже не смешные фантазии хозяина лавки, он так цену набить пытался, справедливо думая, что история какого-то тайного Ордена эпохи Просвещения уже никому не интересна.

Я вижу немой вопрос в ваших глазах. Нет, господа, ответа не будет. Я не подскажу вам, какой именно Трон каждый из вас занимает. Я здесь не для того, чтобы вам лекции исторические читать, я здесь просто предписания раздаю. Это понятно?

Внимания и немедленной корректировки требует тактика вашего всемирного Ордена, друзья. Идеи безусловного прогресса и перманентных научно-технических революций, которые вы продвигаете среди философов, экономистов и учёных, в том числе русских учёных, прекрасны и возвышенны. Пропаганда этих идей прекращается и более не должна вами финансироваться. Новыми энергиями, роботами, едиными теориями поля, полётами на другие планеты и всё такое займётесь лет через пятьдесят, когда с Советами покончим. Пока остаётся вам только поиск эликсира вечной жизни, то есть биология, и развитие коммуникаций, но безо всяких там вычислительных систем на троичной логике, попроще давайте, без зауми. С завтрашнего дня у вашего Ордена новый бухгалтер. Сюрприз! Не посчитайте недоверием, это временная мера, не дольше чем на сорок девять лет. Не суетись так, брат, не озирайся! А ты в кресло вернулся быстро! То есть, соизволь же занять свой Трон, о, брат! Устраивайтесь поудобнее. Тут нет врагов вам, господа. Мы в одних цепях с вами. Мы все зрим одну истину. У нашего великого и тайного собрания одна цель -- освобождение человечества! Но вы, ваш Орден, бомбите мимо, детки мои, сейчас мы выясним -- почему.

Чтобы не слушать потом ваших кислых бормотаний, типа, дон Печчеи, мы не хотели, нас подставили, только не яйца, дон Печчеи, возьмите

руку, возьмите селезёнку, только не глаза, о, Маммо, я искуплю!
Короче, заботясь о вашем самоуважении, я сначала зачитаю великому
Собранию из не сохранившихся протоколов допроса Адама Вейсгаупта.

"Общество наше, любезный, отвечал облегчившийся
подследственный, ставит своей конечной и отдалённой в веках
возвышенной целью Всемирный Последний Поворот. Только мы,
иллюминаты, говорит допрашиваемый с экзальтацией, знаем истинную
цель науки. И это не освобождение человечества от ограничений и
запретов Природы, так думают только французские педерасты, то есть,
я хотел сказать, энциклопедисты. И это не облегчение труда, как желают
утописты, и не оправдание ссудного процента, как мечтают английские
ростовщики. И даже не удовлетворение всех страстей, как пишет из
Бастилии маркиз де Сад, есть конечная цель наук! Власть есть цель!
Власть над Природой и, главное, власть над людской волей есть
предельная цель всех наук!

Во все времена фараон и мексиканский царёк, падишах и вождь
дикарей, император и мелкий рыцарь -- все они в глубине души знали,
что своим благополучием, а то и просто выживанием они обязаны труду
раба. Раба, крестьянина, ремесленника, рыбака, не важно -- труду
подвластных. Какие бы налоги, штрафы, повинности не придумывал
господин, чтобы сделать раба обязанным, это не меняло сути -- высший
должен низшему. Без раба господину смерть. Это очень неприятное
знание, это знание о том, что власть твоя имеет существенные пределы,
что ты не защищён до конца в этом мире. Между господином и рабом
всю историю человечества существует сделка: раб кормит, поит,
одевает, обустроивает, развлекает своего хозяина, а господин его
защищает от другого, чужого хозяина, ищущего раба убить, жену раба
изнасиловать, а детей продать в ещё одно рабство. Сама по себе
необходимость господину вступать в сделки с рабом безмерно
господина унижает, ставит его в одну шеренгу с низшими, сковывает с
рабом одной цепью, да так, что при некоторой точке зрения становится
непонятно -- кто тут раб, а кто господин, ибо цепь одна на всех. Эта цепь
существует априори, покуда есть господа и рабы, и именно поэтому её
необходимо порвать и выкинуть навсегда! Только уничтожение труда

даст нам чистую, без пятнышка власть, даже так -- Власть! Впервые в истории, думаю, к концу следующего столетия это станет возможно. И эту чистую Власть даст нам наука! Трудиться должны механические слуги, получающие силы для движения своих членов от прирученных наукой стихий, от природных флюидов и токов. Эти механические слуги заменят Господам всех рабов на всех работах, так что лишившиеся труда рабы будут проводить всё свое время в примитивных развлечениях, незатейливых играх, сне, еде и убожестве господ. Деньги на такое времяпрепровождение рабам будет выделять Господин, хорошим рабам, условно, пару гульденов, очень хорошим даже пару талеров, плохим рабам -- никаких доходов, а темницу и пытки, ибо отныне это свободное право Господина, а уже не обязанность по сделке с рабом. Господина уже безусловного, ничем не обязанного низшим, но осуществляющего свою природную, основательную и теперь совершенно чистую Власть! Власть над материей, над движением, над законами и над душами, которые превратятся в материал, прекратив трудиться и став полностью от господ зависимыми! Впервые в истории рабы станут должны хозяевам! А хозяева, наконец, отвяжутся от цепей, сковывающих их с рабами на одной галере. Всемирный Последний Поворот! Человечество осуществит свою много тысячулетнюю мечту и разделится, наконец, на два вида людей -- духовных и телесных. Иллюминаты, следовательно, есть Общество Уничтожения Труда!"

Великолепно же, братья, нет?! Адам Вейсгаупт был чистый гений! Вы хотите сделать труд механическим и мёртвым, это потрясающая задача, но кое-кто жуткий и опасный, наоборот, уже делает труд творческим и свободным. Вы, братья Всемирные Иллюминаты, в кого пошли такими тупыми ублюдками? Не в Адама, это точно!

Вы в какой яме сидели, идиоты, последние пятьдесят, ладно -- двадцать лет? Вам что, неизвестно о существовании Советской России? Об их планах по распространению коммунизма по всему миру? А? Коммунизма, который они называют Освобождением Труда? Конечно, их научно-технический прогресс делается на таких же принципах, что и наш, и вы могли быть уверены, что проконтролируете всё. Но советская

наука работает на будущее, а не на прибыль, и ей не надо возвращать кредит, дебилы! Что тут не понятно?! Это что же, в недалёком будущем на Запад нападут свободные, худые и бодрые работяги с самым современным оружием, а мы против них сможем выставить только механических кукол, которых придумали и которыми управляют бездельники с ожиревшими мозгами и жопами? Так?!

Вы на кого работаете, путаны? По стилету бы вам с двух рук каждому в уши, да из уважения к другим братьям не стану. Не здесь. И не сейчас.

Забирайте же со стола эту запаянную старинным сургучом реторту с Мочой Страха, о возлюбленные братья! Ее собрал следователь, он же -- Вопрошающий на первом допросе Адама этого вашего Вейсгаупта. А позавчера сия реторта на капсуле "Аполлон" облетела планету неоднократно, и Земля теперь и навсегда очерчена орбитами Страха, что должно наполнять вас, братья Иллюминаты, беспредельной гордостью за себя. Ступайте же, братья! Немедленно, сразу же за порогом этого зала приступайте к сворачиванию научно-технического прогресса, к закрытию перспективных проектов во всех доступных вам странах, к убийствам не подконтрольных гениев и всё такое, не мне вас учить. Мы с братьями будем следить за вашими успехами.

От ваших успехов зависит ваша жизнь. Ну и наша немного.

Вон пошли отсюда.

От молодняка избавились, мои великие попутчики. Остались в этом священном зале, в этом тайном убежище смыслов только командоры самых нужных будущему человечеству мистических братств.

У! Братья тамплиеры! А что это вы не в рясах, а почему без крестов? Зачем одеты, как на приём к лорду-мэру лондонского Сити? Что у тебя за талисман, Рыцарь Лицо? Как? Голова Бафомета! Вау! А у тебя какой, Рыцарь Спина? Головка Фапомета? Ещё лучше!

Ну что. Как предписывает традиция нашего Великого Тайного Собрания -- сначала про стол.

Рыцари! Помните тот дубовый столб, к которому паписты привязали

последнего магистра Ордена Тамплиеров Жака де Моле, а потом сожгли, сволочи? Не помните, конечно, шестьсот пятьдесят лет прошло, но зато сейчас можете пощупать, ощутить, во что тот столб превратился. Да! Ножки этого стола сделаны из того самого столба, у которого принял смерть последний магистр! Здорово, да?

И усилия ваши, братья, на нашем общем пути просто великолепны! Мне не за что вас даже ругнуть, можете себе представить? Неуютно даже как-то, ха-ха! Второй Ватиканский собор это же ваших рук тайное дело? Вы изысканно отомстили за магистра де Моле. Эти новые лозунги католицизма. Экуменизм! Теперь католический священник где-нибудь в джунглях может сослаться на авторитетное мнение местного тёмного шамана. Человеческое достоинство! Твоя судьба, человек, зависит только от тебя, прости себя сам и спаси себя сам! Религиозная свобода! Хочешь верь, хочешь не верь, после смерти ты окажешься в том месте, которое выберешь сам по своей воле!

Как вкусно, как свежо звучит-то! За Второй Ватиканский собор я снимаю перед вами шляпу и распаиваю плащ! Видите, как я рад вам! Это конец, братья. Папистам конец! Не завтра, понятно, но скоро гадина будет раздавлена. И это всё вы, рыцари.

Не скромничайте, в этом зале нет места смирению. Вон, мочу Жака де Моле в запаянном кубке заберите. Мочу проклятия! Ее сцедил с магистра сердобольный палач, прежде чем запалить костёр.

Ступайте же, рыцари! Седлайте коня мщенья и мчите к победе. Нашей и окончательной.

Конец близок, братья. Остались в этом зале только самые мудрые.

Брат Редактор Каббалы, я счастлив приветствовать тебя здесь сегодня. Сиди, сиди. Брат корректор Каббалы, и мне приятно, и я взволнован.

Вы знаете, братья, в любой конструкции есть мелкие такие детальки, на первый взгляд не особо и нужные, но без них всё развалится. Вот как скрепы в этом столе, клинышки малые, фиксирующие столешницу и ножки к каркасу. Здесь же нет гвоздей, ибо они ржавеют. Клинья, клинышки, крепления этого стола сделаны из того самого дерева,

смоковница, вроде, на котором повесился в ту самую пятницу Самый Свободный человек в истории планеты -- брат Иуда. Согласен, неправильно сказал -- повесился. Нет! Шагнул с этого дерева в Бездонное Пространство Свободы! Вот же кошелёчек его в центре стола лежит, а внутри, как я понимаю, всё, что от брата Иуды осталось -- сперма, кал, моча, сребреники. Моча свободы, значит. И сперма тоже, и кал. Мда. И как вы только умудрились сохранить всё это?! Зато позавчера остатки Иуды всю планету несколько раз обогнули. Потрясающе!

Ай, больно мне!

Кольнуло что-то в сердце.

Это страх, брат Редактор, это ужас, брат Корректор.

Я представил себе, как в недалёком будущем молодой гений, учёный-физик например, в поисках истины рвёт отношения со своим научным руководителем, членом масонской ложи, потому что у масонов отныне все мысли только о мёртвых американских президентах плюс Франклин, потом бежит-прячется от иллюминатов, ищущих убить его и пробегает, не задерживаясь, мимо католиков, ибо знает, истина там давно не ночует, братья тамплиеры туго знают своё дело. И куда путь держит гений наш?

А к вам, например!

Это же у вас - "Песнь единства"?!

Это у вас Бог есть Абсолютно Единое существо?! Единое, подчеркиваю!

Это в вашем учении есть единственный источник мудрости?!

Ау! Братья каббалисты! Надо с этим что-то делать. Я не представляю -- что, ведь тексты тысячелетней давности не спрячешь, гностицизм и неоплатонизм, откуда вы свои идеи переписали, не забудешь. Как быть нам, посвящённые?

Вы же понимаете, братья, что для нашей с вами цели -- спасение

человечества от него самого -- категорически неприемлема идея о том, что истина -- одна! Что Единый Господь -- единственный же источник морали. Что всё, что не истина -- ложь, много, много, много лжи вокруг одной истины.

Да, я знаю, что у человека так мозги устроены, ну и что? Переделаем со временем мозги эти, а начинать надо уже сейчас!

Нет никакого хорошо и плохо, есть много, много, много разных хорошо!

Не существует единственной истины, а лжи вообще никакой нет! Есть многоцветная радуга из многих, многих, многих, многих правд!

И Солнце наше -- одно из, и галактика -- песчинка на пляже вселенной, да и вселенных бесконечное количество -- выбирай свою, исследователь! Не как у Вольтера должно теперь быть - всё к лучшему в этом лучшем из миров, а по-новой - всё к чему-то в этом каком-то из миров!

Уяснили вы, братья каббалисты, проблему свою? Как решать -- знаете?

Я подскажу.

Сделайте учение свое модным, клёвым и популярным, чтобы в голову никому не пришло всерьез истину у вас искать. Берите пример с братьев индусов, ха-ха!

Забирайте кошелечек ваш, да, будем прощаться, но не на тысячу лет, встречи наши будут теперь гораздо чаще.

Устал я, Последний мудрец. Присяду я. Наконец-то, все профаны покинули нас. Одни мы с тобой остались в этом зале. Если не считать невидимого Присутствия.

Молчишь, старик? Может, ты обиду держишь? По старшинству-то, это Собрание ты должен был вести, Последний мудрец Союза Девяти Неизвестных, а не я. Но вы там, в своих пещерах гималайских, будем правдивы, отстали совсем от жизни. Не пойми меня неправильно, вы работаете, я знаю, но ошибок у вас в двадцатом веке гораздо больше,

чем было за последние две тысячи с лишним лет. Вашей целью всегда было предотвращение самоубийства человечества. То есть, Теслу вы успокоили, Эйнштейна запутали, но Бомбу-то американскую упустили! И корабли русские космические летают!

Вам нужна наша помощь, дед, Римский клуб теперь будет Союзом Девяти Двадцатого века! Мы будем зреть истину и сообщать о ней народам, ты с этим согласен, поэтому ты здесь.

Так. Что я забыл? А! Стол!

Стол, о Последний мудрец, полностью сделан из того самого Дерева Бодхи, срубленного, дабы под ним уже никто, никакой новый амбициозный Будда более не уселся просветляться, а, наоборот, уселся за ним, положил на него засаленные локти, двигал бы по нему тарелки с жирной жратвой и стаканы с алкашкой, стряхивал пепел, закидывал на него ноги в ботинках, испачканных пылью злочных кварталов, ибо... ибо... Да какая разница, ибо что, согласен, Первый Мудрец? Ибо потому что!

И кувшинчик твой древний по центру стола одинокий. Ну, то есть, там по центру ещё пуля мятая, но та пуля не твоего ума дело, старик. А в кувшинчике, это я невидимому Присутствию сообщаю, в кувшинчике - то, чем великий царь Ашока, основатель твоего Союза, о Последний мудрец, окропил знамёна врагов, с вышитыми на них молитвами к Атману Брахману после победы в Той Самой битве две тысячи двести лет тому назад. Моча победы!

Представляешь, старик?! Этот кувшинчик облетел Землю много раз два дня назад! Это очень высоко -- орбита, это такая штука выше облаков, в сторону Луны, дальше чем отсюда до Неаполя! Гордись теперь, можешь забирать реликвию.

Осталось выяснить, зачем ты здесь, и что теперь делать древнему Союзу Девяти Неизвестных. Ну, восьми, тебя-то я теперь знаю. Ха-ха.

Делаем всё то же самое. Соблазняем или ликвидируем гениев, скупаем патенты, коррумпируем Нобелевский и другие подобные комитеты. Но смысл действий теперь поменялся.

Наша новая цель, смысл всех наших будущих свершений -- предотвращение Анакалипсиса.

Знаешь, что это такое? И я недавно только узнал. Это то же, что Апокалипсис, но с другой стороны, из этого мира. Не Откровение, но Открытие! Это когда не Сам Творец Вселенной сообщает о Себе смертным, а когда человек собственными усилиями открывает Бога!

И единственный способ человеку сделать такое Открытие есть наука!

Понимаешь меня, старик?

Если человек, учёный в своём познании мира дойдет до края, до омеги всех возможностей, он увидит непосредственно, он докажет необходимость, он экспериментально подтвердит бытие Творца! Анакалипсис! И тогда нам всем -- вечный конец в неугасимом пламени, полная кипящего дерьма бездонная канава, беспредельный ужас с перерывами на отчаяние и пытки! Другими словами, все наши усилия по спасению человечества от самого себя станут смешными и бесполезными.

Передай там своим братьям из пещер -- мы вступаем в решающую битву. Судьба человечества висит на волоске. И только мы сможем этот волосок заменить на стальную цепь с наручниками из титана и ошейниками с алмазными шипами.

Что? Прости, Последний мудрец, не мог бы ты повторить свой вопрос, я не разобрал твою латынь? Что -- шесть Посвященных братств? Ну и что, что ты только пять насчитал? Сказано, что в этот Зал приглашены шесть, значит шесть. И? Тебе сколько лет, Последний мудрец? Гладиус мне в анимус, да поглубже, сколько!? Маммо миа! Я думал поменьше, шестьсот тринадцать. Всё равно не мальчик, зачем глупые вопросы задаёшь. Иди уже, тебя там братья, точнее, прапраправнуки заждались.

Всё! Одни мы, один я и только ты всегда со мной, Маммо!

Мы живем ради тебя, Маммо! Мы служим тебе, мы восхищаемся тобой, я первый, самый-самый первый, кто в восторге от тебя, видишь, я сползаю со стула на этот холодный каменный пол, сложенный из

древних могильных плит, я на спине перед тобою, о, Маммо, долой плащ, долой шляпу, я весь твой, о, Величайший!

Ты же видишь, о, Невидимый, эту пулю мятую в центре стола? Она для тебя! То есть, виноват, оговорился, не забивай меня копытом, прошу, пуля была выпущена из винтовки ради тебя, Маммо! Выпущена и попала в цель!

И удачно попала в цель! Это произошло в Мемфисе, штат Теннесси, два дня назад. Пуля убила короля-священника сразу после того, как он попросил свою подругу-певицу спеть с балкона забастовщикам песню "Веди меня, Господь", представляешь, Маммо, как всё в масть! Ровно в тот момент, когда космическая капсула "Аполлон" с реликвиями пролетала над этим городом, Мартин Лютер Кинг получил пулю в спинной мозг! Всё символично, именно как ты хочешь! Сто миллионов ниггеров до сих пор воют от отчаяния и ненависти! Это тебе жертва, Блестящий, это твоим насыщение, а всей Тьме наслаждение, я чувствую!

Помоги же нам, Маммо, сохранить власть нашу, ибо если мы её потеряем, мы не сможем служить тебе, о, Темнейший, мы не сможем тогда помочь тебе стать настоящим, как тот Пиноккио. Предотврати Анакалипсис, Маммо! Ведь не зов смертельно опасен, а ответ. Помешай пытливым умам проникнуть в тайны Мироздания! Зашли им денег, блудниц, опасных наслаждений, гордыни дай им, но не допусти их к Краю! Не только наука способна на Анакалипсис, есть ещё любовь, есть искусство, но с этими мы успешно справляемся. Мы уже почти замазали Образ, осталось с твоей помощью справиться с Подобием. Чтобы даже попыток приблизиться к Пределу человеки не делали!

Страшно это, Маммо. Ты должен заслонить нас от света.

Потому что за Открытием обязательно последует Откровение.

Нежное письмо

бывшего директора НАСА

Джеймса Уэбба,

07 октября 1968 года

Хеллоу, Долли!

Ну, привет, Долли!

Как ты там одна в холодной пустоте? А?

Ах, Долли, Долли, маленькая, милая моя обезьянка! Зачем этот debil, фон Браун научил тебя вырывать из своего кулака банан?! Ты сделала то же самое с рычагом управления капсулой, 7 октября, ровно семь лет назад. Целый виток пыталась и у тебя получилось! О, детка! И унёсся твой "Меркурий-Атлас 4.2.1" на запредельную орбиту, как доложили мне эти нацики из команды этого нацика.

Вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, этот европейский гомик фон Браун проводил часы и недели дрессируя тебя, милая Долли, точнее издеваясь над тобой. Это у него такой примитивный способ был - почувствовать свое забытое величие и превосходство над недочеловеком.

Остатки воздуха из капсулы давно стравлены сквозь щели в пустоту, и ты смотришь немигающим взглядом, своими мёртвыми глазными яблоками с серым налётом соли, всё, что осталось от высохших слез, упёршись черепушкой в приборную панель на иногда появляющуюся в иллюминаторе Землю. И, может быть, на Луну, параметры орбиты ослиная жопа фон Браун так и не выяснила. Появляется ли Луна в твоём иллюминаторе, нет, уже не важно. Лучше бы её вообще не было, этой Луны. Только беды от неё. Глупая она, и звезды, и небосклон идиот, и мы с ними отупели в конец.

Вот и меня, последнего умного парня, уволили из НАСА сегодня, представляешь, Долли?! Тебя в этот день ровно семь лет назад запустили в пространство, как подарок боссу, а меня вышвырнули на улицу. Да, моя дорогая, в мой день рождения уволили, не сомневаюсь, президент Джонсон тут не причём, этому фон Браун поспособствовал и его эсэсовцы! Теперь эти мошенники начинают свой лживый космический спектакль, который ты, маленькая, даже не увидишь своими мёртвыми глазками, потому что спектакль будет на Земле, а не в тех местах, где ты летаешь.

Рычаг, который ты вырвала, управлял двигателями коррекции орбиты, а кнопка включения маршевых двигателей располагалась над головой пилота, с правой стороны на расстоянии вытянутой руки, в твоём случае лапы. Это уже не нацики, это наши, американские конструкторы и инженеры интерфейсов её, кнопку, туда запихнули.

Хотя. Может и не стоит мне горевать, а, обезьяна? Может меня ещё и вернут на должность в НАСА.

Что это я, Долли, сраных нацистов выгораживаю и нашу вину ищу. Мы, Америка, всё равно исключительно передовая страна в науке и вообще во всём остальном и даже больше! Никакие спектакли этого не изменят! Ну разместили мы кнопку полного ускорения над головой на расстоянии вытянутой правой руки. И что, животное? Зиговать-то тебя фон Браун научил.

Документ 140

Председателю Совета министров СССР

т. Косыгину А. Н.

от специального уполномоченного

лейтенанта Лисицына И. Д.

Отчёт о переговорах

с президентами США

Джонсоном и Никсоном,

21 декабря 1968 года

Ваше предположение подтвердилось, Алексей Николаевич. По официальным каналам, то есть в Госдепартаменте, во встрече с Джонсоном и тем более с новоизбранным Никсоном мне было отказано в категорической форме с матюками.

Но по порядку.

Агент Боб по телефону сообщил, что будет ждать меня в пятницу, двадцатого декабря, в 04.30 вечера по вашингтонскому времени, автостоянка на проспекте Конституции, пересечение с Двадцать первой улицей.

Агент Боб подъехал вовремя, на большом тёмно-синем автомобиле. Я сел на переднее пассажирское сиденье.

-- Привет, Боб! Давно не виделись!

Боб в ответ не поздоровался. Он достал компактный фотоаппарат с коротким объективом, вытянул его в левой руке в открытое водительское окно и щёлкнул затвором. То есть, сфотографировал себя и меня. После чего по-русски сказал:

-- Привет, Ваня. Это мне для истории самофото. И пока, Ваня. Съебись из здесь.

Спасибо Вам, Алексей Николаевич, за такую нескучную службу.

Американцы, как я начал понимать, при всей своей наглости, ребята какие-то чересчур наивные. Святая вера в частную собственность, что ли, их подводит. Я выбил фотоаппарат из рук Боба, поймал его и спрятал в карман, а пока Боб смотрел на меня, раскрыв рот, ещё вынул ключи из замка зажигания. Виноват, не сдержался, и в процессе

посмеялся. Мимо автомобиля прошли двое полицейских с собакой, посмотрели на нас, я им улыбнулся, как тут принято, всеми зубами и вернулся к разговору.

-- Дружище Боб! Мне крайне необходимо встретиться с Никсоном, с тем, чтобы он подтвердил свою приверженность Сделке. Сегодня необходимо. Даже сейчас.

-- Обалдел совсем, коммуняка бешеный? - спросил меня Боб. - Чтобы избранный президент твою клешню жал и слова вежливости говорил?

-- А что такого? - спросил я и повертел своей правой кистью перед лицом Боба. - Клешня как клешня. Обычная. Никаких недокументированных функций. Даже белая. Это же для вас очень важно -- цвет кожи клешни, так?

-- Ключи верни, комми!

-- Верну. Хороший, кстати, автомобиль. Просторный. Твой?

-- Мой. Линкольн Континенталь! В этом автомобиле убили Кеннеди. Понял? Не в таком, а именно в этом! И он теперь мой!

-- Тебя за отличную службу автомобилем премировали? Здорово! Мне бы пятьдесят рублей выписали, если бы премию заслужил. Это где-то пятьдесят пять долларов. Так вы устройте мне встречу с президентом Никсоном, мистер Скуллз? Мне тринадцатая зарплата нужна очень. В Москве с нуля обустроиваемся, жена и так на всём экономит.

-- Он не хочет с вашими встречаться. И с тобой тоже.

-- Я бы выслушал об этом его нежелании от него лично. Не понял? Говорю, пусть сам мне скажет, чего хочет, а чего нет. Как мне с ним встретиться, рассказывай.

-- Послушай, Ваня. Никсон ничего не решатель. В смысле, в таких значимых делах, как космос или, ты знаешь, переговоры с русскими. А Джонсон, алкоголик, ещё поплатится за свою идиотскую прошлогоднюю инициативу с этой Сделкой. Видишь здание через дорогу? Я не зря тебя сюда позвал. В этом доме сидят умнейшие и

сильнейшие люди Соединённых Штатов, люди, которые определяют стратегию развития не только этой страны, но и всей планеты на десятки и сотни лет вперёд! Именно на них я и работаю. И ты сможешь на них работать, если будешь умный.

-- Там что, Академия Наук?

-- Э-э, почему Академия? Нет. Это штаб-квартира Федеральной Запасной Системы, там решают все важные дела Америки и мира, там выбирают, кто из кандидатов достоин идти в президенты, сенаторы, министры. Уловил? В этом здании, а не в Белом Доме или Конгрессе всем управляют. И они там решили, что Сделка с русскими -- большая ошибка.

-- Ясно. Джонсон что-то такое рассказывал товарищу Косыгину в прошлом году. Стало быть, в этом здании сидят Старшие. Где сидят, кстати, в подвале?

-- Нет, зачем в подвале, на втором этаже.

-- Видишь вот это, Боб? Руки не тяни, глазами смотри! Это мой дипломатический паспорт. И вот сюда смотри, в вещмешок. Это шедевр советской промышленности, "Кварц" - компактная кинокамера с записью звука. Я сейчас включу камеру и пойду в эту вашу Запасную Систему, на второй этаж, предъявлю паспорт и полномочия представителя главы Советского Правительства и потребую встречи со Старшим или его заместителем. Всё под запись. Скажу, вопрос национальной безопасности США, так вроде у вас говорят? Я по телевизору в посольстве видел.

-- Тебя не пустят!

-- Пустят. И выслушают. Я волшебные слова знаю.

-- Какие это, волшебные?

-- Америке - кирдык.

-- Что это значит?

-- То самое. И он наступит завтра же, если сегодня Никсон не подтвердит мне свои, как президента, обязательства по Сделке. Понял? Это мы с тобой знаем, куда на самом деле полетит "Аполлон" завтра утром, а газета "Правда" не знает. И "Вечерний Париж" не в курсе, и "Шанхайские времена". Лучше пока пусть так и останется, иначе газетчики уже в понедельник начнут возить, заметь, уже обоих президентов США мордой по наждаку. Никсона авансом. Это если Сделку он мне не подтвердит.

-- Они не пустят в своё здание коммуниста, - сказал Боб просящим тоном.

-- Я не коммунист, Боб, я комсомолец. Член ВЛКСМ.

-- Вэллкам - что?

-- Бобби! Мне не нужны эти ваши старцы. Как я с ними общаться буду? Они, небось, все под капельницами и с кислородными подушками. Мне Никсон нужен. Сегодня. Обеспечь.

-- Только ты сам там это, ну, ты знаешь, о чём я. Я тебе ничего не говорил. Сегодня в шесть вечера Ричард Никсон делает вечеринку для своего предвыборного штаба. Это в комплексе "Уотергейт", в полумиле отсюда. Ты узнал об этом, э-э, из жёлтой прессы. Время есть, дойдёшь пешком.

-- Отсюда до советского посольства меньше десяти километров. Жди меня там. Пешком дойдёшь или на такси доедешь. По-барабану. Уже можешь начинать.

-- Верни ключи и фотоаппарат, русский! Что значит -- по барабану?

-- А что значит -- жёлтая пресса? Заберёшь на стоянке у советского посольства. Свалил нахрен отсюда!

Я, скажем так, вытолкал Боба на дорогу, пересел на место водителя и поехал по проспекту Конституции. Не торопился. Думал. Ничего не придумал. Подсказка пришла, откуда не ждал. С утра ничего не ел, а потому остановился и сходил в закусочную, съесть американскую котлету в булке. Когда вернулся через пятнадцать минут, около

автомобиля стояли два негра в полицейской форме, один заглядывал в салон, другой сверял по бумажке номера.

-- Но пасаран, братья! - сказал я неграм-полицейским. - Смерть белым кровопийцам!

-- Это ваш автомобиль, сэр? - спросил меня тот, который с бумажкой.

-- Никак нет, сэр! - ответил я. - У меня нет денег на такую роскошь. Приятель попросил перегнать его на другой конец города. Он, приятель, выпил немного, ну вы знаете, эти янки и, в особенности, дикси всегда по пятницам нажираются.

-- Мы не понимаем ваших белых шуток, сэр, - сказал второй полицейский. - Предъявите какие-нибудь документы, сэр.

-- Я тоже не понимаю белых, брат, - я протянул паспорт полицейскому. - я ведь красный.

-- Смотри, Джек, реально красный, - полицейский развернул и показал мой паспорт напарнику.

-- Парни, - сказал я. - Мне надо срочно встретиться с Никсоном. Вопрос национальной безопасности. Не посоветуете, что мне такого интересного рассказать его шестёркам или охране, чтобы меня к нему пустили?

-- Я слышал, - сказал полицейский с бумажкой, - что у вас в России чёрных братьев не обижают. И что даже ваш самый продаваемый писатель -- негр. Это так?

-- Не писатель, брат, поэт. Пушкин. Это так. Памятники ему стоят в каждом крупном городе. И да, он -- негр.

-- Не врёт, - сказал полицейский напарнику.

-- А мой дядя пишет с Кубы, что ваши им здорово помогают против наших, - сказал напарник.

-- Мы всем помогаем, брат. Судьба у нас такая, - сказал я. - Так что, идеи будут про Никсона?

-- Нет, не будут. Но если б мне надо было заинтересовать Никсона, я бы предложил ему возможность поиздеваться над Джонсоном, красный, сэр, - сказал один полицейский.

-- Они друг друга ненавидят уже лет восемь точно, - сказал второй. - Никсон проиграл тогда Кеннеди и Джонсону в шестидесятом.

-- А Джонсон, говорят, бухает, как реднек третью неделю в Белом Доме, даже не выходит никуда, - подхватил первый.

-- Но ты не сомневайся, русский, мы любим Америку и славный город Вашингтон, ДиСи, - сказал второй. - На, забирай свой паспорт.

-- Спасибо, парни, - сказал я. - А чего проверяли?

-- Кто-то позвонил в участок. Сказал, машину у президента Кеннеди угнали. А откуда у Кеннеди машина? Он мёртв уж пять лет как. А мёртвые в этой стране не могут обладать собственностью. Будьте осторожны на дорогах, сэр!

Я поехал в сторону Белого Дома. Не доехал. Дорога была перекрыта из-за митинга протеста: призывники против войны, чёрные против белых или белые за секс, не разобрался, всех разворачивали.

Короче, я наплевал на свои сомнения и поехал к комплексу "Уотергейт". Через десять минут, со всеми поворотами, приехал.

Стоянка у них платная, человек на въезде за несдачу с десятидолларовой банкноты сообщил мне, куда идти на вечеринку Никсона. Я пришёл. На входе в банкетный зал один из мордovorотов спросил у меня приглашение. Приглашения у меня не было, у меня была салфетка из котлетной. Мордovorот взял двадцать долларов и выслушал с вежливой улыбкой мою просьбу. Потом сообщил, что впустить меня не может, но может передать послание ближайшему окружению избранного президента. Послание было у меня наготове, на салфетке написанное: "Greetings from Kosygin! From Russia with Deal".

В банкетном зале было ещё немногочисленно. Мордovorот шепнул что-то на ухо своему коллеге и передал мою записку. Потом повернулся ко мне и попросил подождать. Ждал я недолго. Из-за угла через минуту

послышался крик:

-- Русский? Ру-у-усский?! Здесь? В Уотергейте?

А потом в дверях, в сопровождении свиты, появился сам Никсон:

-- О как! Сам пришёл! Ты что, подслушиваешь, русский? Подглядываешь? Отвечай немедленно! Ну!? Ха-ха-ха! Расслабься. Это я смеюсь. Это шутка, понял? Ты кто? Как там Алексей? Всё такой же серьёзный, как на похоронах? Что хотел, русский?

-- Здравствуйте, господин президент. Меня зовут Иван Лисицын, я представитель товарища Косыгина, вот мой документ, - я предъявил паспорт подскочившему охраннику из свиты. - И у меня к вам срочное дело.

-- А я Ричард, - мы пожали руки. - Вздумаешь называть меня Дик, я сверну тебе шею, сынок! Ха-ха! Тоже шутка! Просто пристрелю! Что за дело?

-- Алексей Николаевич настоятельно просит вас подтвердить или отвергнуть Сделку, которую он, товарищ Косыгин, и президент Джонсон заключили двадцать пятого июня прошлого года. Уверен, вы знаете, о чём речь. Собственно, даже только подтвердить предлагает. Президент Джонсон обещал товарищу Косыгину, что с вами проблем не будет. Ну и по мелочи пара просьб. Неподтверждение Сделки будет равнозначно глубокой яме поноса и сверху ещё экскаватором два холма дерьма насыпать.

-- Два холма? О чём ты говоришь, сынок? Раз насыпать значит твёрдое? Дерьмо твёрдое сверху? Тогда оно утонет в поносе, расплескает всё по округе.

-- Полностью согласен, господин президент. Вон будет на весь мир. Уже завтра начнётся. Не забываем также об озере блевотины на месте сверхсовременного бассейна, которым все так восхищались. А не хотелось бы. Людям нужна мечта или рождественская сказка, так у вас говорят? Если позволите, у меня с собой портативная кинокамера, с записью звука, новинка передовой советской космической

промышленности...

-- А не позволю, - прервал меня Никсон. - Принеси-ка телефон, - сказал он девушке из свиты. - Как там Москва? Иван, да? Бывал я в твоей стране, Иван, давно, по правде говоря.

-- Москва прекрасна, Ричард. И хорошеет с каждым днем. Когда приедете снова -- не узнаете!

-- Ну-ну. Хотя девять лет назад мне город понравился. Бедненько, но чисто. И просторно, огромный город, толпы одетых в обноски унылых прохожих и ни одного автомобиля. Вру! Ха-ха! Свой лимузин не посчитал!

Вернулась секретарша с телефонным аппаратом в руках.

-- Набери Клаудиу - сказал ей Никсон, а потом мне. - Мы вот как поступим. До начала вечеринки ещё есть время. Давай мы с тобой, сынок, кое-куда прокатимся.

Секретарша протянула трубку.

-- Клаудиа? Привет, дорогая, привет, птичка, это Ричард. И я рад. И мне. Твой там как, пьёт? Давно? Кремень-мужик. Дождался-таки пяти часов. Что? И вчера и всю неделю? Ему же рано утром во Флориду лететь, на старт "Аполлона"! Отними-ка у него бутылку, Клау! Я сейчас подъеду ненадолго. Э-э, по делу государственной важности, предупреди там охрану. Да. Я буду вдвоём, с этим, как его, с послем Антарктиды буду, вот! Выезжаю, - Никсон вернул трубку и приказал мордовороту, - Чарли, обыщи посла Антарктиды.

Обыскали. У меня ничего подозрительного с собой не было. Фотоаппарат, кинокамера и сложенная газета в вещмешке, ключи, талон парковочный, паспорт и немного американских денег.

-- Следуй за мной, повеселимся! - сказал Никсон и добавил. - Со мной проблем не будет, значит? Вот ведь фагот долбанный!

В лимузине Никсона я сел спиной к шоферу, а президент с охранником Чарли в кресла напротив. Некоторое время мы молча разглядывали

друг друга.

-- Сейчас, сынок, как там тебя, Иван, мы с тобой едем в Белый Дом, с неофициальным визитом, - сказал Никсон. - Переводчик, я вижу, тебе не нужен, вот ты и расскажешь двум президентам США последние секретные новости из Кремля, прежде чем мы...

-- Я был в Кремле один раз, год назад и недолго, господин президент, - сказал я. - И никакие тайны мне не известны. Мое воинское звание -- лейтенант. Много вы тайн знали, Ричард, когда были лейтенантом?

Никсон наклонился ко мне, вытащил из под пиджака револьвер и упёр ствол мне в лоб. Было неприятно.

-- Не перебивай меня, сынок. Я не договорил, - сказал Никсон громким шёпотом. - Нужны мне твои тайны, русский, - продолжал Никсон.- А ты, посланец Кремля, нужен. Мы с Линдоном ритуальным индейским кинжалом отрежем тебе голову и сожжём её в камине Овального кабинета. Два президента США в святая святых величайшей страны на планете Земля принесут жертву богу Аполлону ради успешности нашей завтрашней экспедиции на Луну. Тебя политбюро именно для этого сюда и прислало, сынок, мне очень жаль, это часть Сделки. А ты не знал?! Он не знал! - Никсон со смехом обернулся к охраннику. Охранник неумело улыбнулся. - Такой молодой и дерзкий комми будет приятной жертвой Аполлону!

-- Я пока не коммунист. Я комсомолец, член ВЛКСМ. Английский мне не родной, но, надеюсь, вопрос мой был понятен. Много вы тайн знали, когда были лейтенантом, Дик? - спросил я этого психа. И добавил, - Ни одной тайны, уверен. А сейчас знаете много. В частности, знаете самую мрачную и стыдную звёздно-полосатую тайну. Поэтому я здесь, из-за американской позорной тайны, а не из-за этих ваших кинжалов и каминов.

Псих удивлённо улыбнулся, спрятал пистолет и вернулся на свое сиденье.

-- У тебя есть яйца, сынок, - сообщил мне Никсон, - а значит, мы сможем иметь с вами дело. Как ты сказал, "come so molest"? Помню,

помню! Я ведь жил с родителями одно время в России, в Дегтярске, в двадцатые годы, мальчишкой ещё. Слышал, такая легенда про меня ходит? Уральская бласть! Лучшие годы! Ты знаешь, Иван, а меня чуть не приняли в этот ваш Wellcome SM! Вот эти за стеклом скачут за сексуальную революцию, а я был её приверженцем уже в двадцатых годах, в Дегтярске! Я сторонник прогресса. Фанатичный. Искренний. Честный. А вот мы и приехали! Выходим. Вау! Видишь, Иван? Белый дом! Душа Америки! Сердце демократии, а с завтрашнего дня и сердце всей цивилизации! Да, русский? Может Брежнев такие слова про Спасскую башню сказать? То-то! Давненько я тут не был, неделю уже. Что встал, русский? Нам сюда. Шевели костылями и запоминай каждую секунду, будешь внукам рассказывать, как величайший президент в истории США ввёл тебя в Белый дом!

В предбаннике всех троих нас тщательно обыскали, у телохранителя и президента отобрали оружие, у Никсона с извинениями. В коридоре ждала милая пожилая женщина с литровой бутылкой виски в руках.

-- Ричард, - обрадовалась женщина, - Какой неожиданный, какой приятный визит! А Джонси-то как рад будет, просто в шоке будет муж мой. Протрезвеет, а, Ричард? Я же ему не сказала про твой визит. Может на вас какие-нибудь маски надеть? Тут остались с Хеллоуина. Ведь если инфаркт у него, то пить нельзя будет, что скажешь? Ох! Я невежлива, извините мне, молодой человек! Вы ведь посол, так? Я правильно расслышала по телефону? Посол Антарктиды? Такой молодой привлекательный человек, а уже дипломат! Я читала про вашу страну у Сократа! Замечательная у вас страна, господин посол! Моя подруга Жаклин бывала в вашей столице, она везде бывала, а я только собираюсь, может в следующем году, если к Джонси в больницу не надо будет ходить, то и мы к вам приедем, скажите, а шопинг у вас замечательный? Нам сюда, джентльмены. Охранник, тут ждите, в уголке посидите, рядом с Гарри, это мы, Гарри, пропусти и бутылку поддержи эту. Может быть, всё-таки маски наденете, господа? Это дверь в Овальный кабинет, господин посол. Есть Сталина маска, есть Черчилля, Кенн... Нет, Кеннеди не надо, тогда не инфаркт, тогда сразу государственные похороны, торжественные, а я вся такая в чёрном! А

потом сразу в Антарктиду, на шопинг. Удачи, Ричард, вы меня не видели. Благослови вас Господь!

Никсон погладил женщину по затылку, мы вошли в кабинет и закрыли за собой дверь. Посреди кабинета, на полу лежал дедушка, прижавшись щекой к жёлтому ковру, и шарил рукой под диваном. Взгляд дедушка имел отчаянный.

-- А!!! - крикнул дед, заметив нас, вскочил на ноги и оказался президентом Джонсоном в мятом костюме, - А!!! Гарри стреляй! Эти вернулись! Гарри, сука, где ты? Не прячься, я знаю, у тебя три запасные обоймы! - проорал Джонсон и прыгнул за диван.

-- Джонси! - позвал коллегу Никсон. - Джо-онси! Нок-нок-нок! Откройте! А что это у меня есть на продажу?! - Никсон достал серебряную фляжку и повертел ею над головой.

-- Это ты где взял? - из-за спинки дивана выглянул Джонсон. - Я всё тут обыскал, не было тут ничего! И выйти не дают! Они все коммунисты, Дик! Негры они все перекрашенные, говорю тебе. Дай сюда быстро!

-- Оппа! - сказал Никсон. - Перебьёшься. Сядь-ка за стол, Джонси, пригладь волосы, застегни подтяжку, налей себе кофе из термоса и я, так и быть, плесну тебе в кружку. Давай, давай! Вспомни, что ты пока президент США. Больше лей кофе. Великолепно! Пей! Отлично! Садись, Иван, напротив меня.

-- Иван?! - Джонсон чуть не подавился. - Здесь, в Овальном месте - Иван?! - Джонсон смочил салфетку в кофе и, испуганно косясь на меня, протянул её Никсону. - На! Потри ему лицо! Потри лицо, говорю!

-- Ебать мои яйца, как же меня прёт-то, - сообщил Никсон потолку. - Линдон, ты просто сокровище! - Никсон перекинул мне мокрый комок, - Господин посол, протрите лицо, докажите президенту США, что вы не негр в гриме.

-- Хуй тебе, - сказал я Джонсону по-русски.

-- Русский! - заорал Джонсон и вскочил на ноги. - Косыгин постоянно говорил мне эти два слова!

-- Буль-буль-буль! - подразнил Никсон фляжкой.

-- Лей, - Джонсон сел и пододвинул кружку.

-- Ты всегда был хитрый и прозорливый сукин сын, Линдон, - Никсон плеснул и спрятал фляжку. - Самый остроумный президент США ты был, я всегда тебя боялся за это. Я и сейчас тебя боюсь. Ты опять угадал. Да, это русский Иван и да, он от Косыгина. Иван, готовь свою камеру. Помнишь ту Сделку, которой ты так ловко обвёл вокруг пальца Косыгина в прошлом году? Они до сих пор не поняли, что их облапошили! - Никсон подмигнул мне, как старому приятелю. - Вот, юношу прислали, думают, что мы Сделку эту твою подтвердим, то есть типа продлим на будущее. Идиоты, да? А ты, Линдон, чистый гений, без примесей, льда и содовой. Твои дела в политике надо на весь мир прославить. Вот сразу же двадцать первого января, через месяц, посылаю Киссинджера с твоим кейсом в Нобелевский комитет, чтобы тебе дали Премию Мира! А то раздают премии всяким неграм, пора пришла этим финнам реабилитироваться.

-- Финны вроде не негры. Финны -- евреи. Лей ещё, - потребовал Джонсон.

-- Тс, - сказал Никсон и спросил меня, - Готова камера снимать, Иван? Такая компактная! Немецкая?

-- Никак нет, Ричард, советская, - ответил я и положил камеру на президентский стол. - Вы позволите? - спросил я, беря из стопки лист бумаги с гербом США и толстый карандаш из стакана.

-- Нет! - сказал Джонсон. - Пусть нальёт сначала!

-- Господин президент! Господин президент! Камера записывает звук, но для верности я прошу Ричарда держать перед собой... вот этот текст. Пожалуйста.

-- Дай-ка, - Никсон вырвал у меня листок. - Камера со звуком, говоришь? И одной рукой держать можно? Надо будет ее Говарду Хьюзу показать. Что ты тут накорябал? "I confirm the Johnson-Kosygin 25 June 1967 Deal". Дай карандаш. "The supreme secret" вставим перед

"Deal". Джонси! А у тебя есть пожелания что-нибудь дописать?

-- А? - не понял Джонсон.

-- Хорошо, я за тебя допишу. Водки мне и нобелевку! Подпись: Л. Джонси. И сиськи нарисуем.

-- Вспомнил! - заорал Джонсон, выскочил из кресла к окну и вытащил из-за шторы початую бутылку водки "Столичная". - Сам пей свой кофе, мистер Дик! Ха-ха! - президент налил себе полный стакан.

-- Вот ведь ублюдок, - сказал Никсон тихо. - Ну, всё. Шутка затянулась. Скучно. Окей, сынок, забирай свою камеру, листок этот и пошёл вон. Привет Косыгину. Передай, я типа с ним договорюсь и всё такое про Сделку, но как именно мы будем компенсировать Советам их унижение от проигрыша, решать буду я. Давай-давай, топай отсюда, мальчик, мне ещё с Джонси поговорить надо о моей инаугурации и о его нобелевской речи.

-- С господином президентом Соединённых Штатов! - подал голос Джонсон из-за стакана.

-- Что? - не понял Никсон.

-- Тебе надо поговорить с господином президентом, Дик, Соединённых Штатов США!

-- Благодарю вас, господин Никсон, - сказал я. - Чуть не купился на вашу приветливость. Но именно этого я и ждал. Сделке конец, господа президенты, прощайте, - я забрал со стола камеру, а из вещмешка достал сложенную газету. Но развернуть её не успел, Джонсон ткнул в мою сторону пальцем и спросил:

-- Куда собрался, ниггер? То есть, русский! Куда пшёл?

-- Э-э, меня выгнали, господин президент, - ответил я.

-- Кто выгнал тебя, русский? Этот? Ну-ка, жопу в стул! Ты что тут орёшь, мистер Дик? Ты что, фагот? Ты что, древний самосос? Центр вселенной? И бог Аполлон вокруг тебя круги наворачивает?

-- Джонси, я...

-- Схлопни челюсти, Дик! У тебя что, "кольт" в кобуре под мышкой? Нет! Отобрали "кольт"! А вот у Гарри за дверью три запасные обоймы! Хочешь, Гарри одной из них тебя разукрасит? Между глаз там, в печень, в кадык красными дырочками? Вот ведь кайф! Пришифтит тебя Гарри! И телевизионщики уже через полчаса прыгают такие в возбуждении: "Сенсация! Никсон осознал свою паранойю, ужаснулся и покончил с собой на лужайке Белого дома. С особой жестокостью. В должность через месяц вступит вице-президент".

-- Линдон, ты ёбнулся! Вот же враг сидит у твоего стола, слушает!

-- Врага сюда ты приволок. В мой, Дик, Овальный офис, к моему, Дик, столу. И это моей Сделкой, мистер Дик, ты тут подтереться собрался. Да мне мемориал за эту Сделку построят, как Линкольну, космодром моим именем назовут! Так что хуй тебе, как говорил Косыгин! Или ты, малыш, думаешь, что мне сложно приказать утрупить президента США? Заснаффить трудно, думаешь, главного ублюдка? Ха! Теперь ты! - Джонсон снова ткнул в мою сторону пальцем. - Доставай свою камеру. А ты, мистер Дик, на новом листе переписывай, что подтверждаешь Сделку, своим почерком и без сисек. И я кое-что напишу тоже. Мне мой человек посоветовал поправку внести. Готова камера, русский? А ты написал? Иди ко мне, Дики, давай, детка, к моему креслу. Включай, ниггер, камеру!

Джонсон откинулся в кресле и прижал ладони к столу. Мрачный Никсон встал рядом с креслом, держа свой лист бумаги перед собой. А я включил камеру.

-- Господин Никсон! - попросил я. - Проговорите то, что написано на вашем листке, пожалуйста. Господин Джонсон, если хотите что-нибудь добавить, после Ричарда, пожалуйста.

-- Я подтверждаю лунную Сделку Джонсон-Косыгин от двадцать пятого июня девятнадцать шестьдесят семь, - сказал Никсон, не глядя в камеру.

-- США выполняют сделки, - покивал головой Джонсон. - Но если русские полетят к Луне или на Луну завтра, через год или в течение

пятидесяти ближайших лет, Сделка отменяется, а затраченные Америкой бенджамини возмещаются Россией. С процентами. Понятно, русский? Читайте по губам! Если вы соберётесь на Луну, скажем, через двадцать лет, ракету огромную, например, для этого построите, то Сделка разрывается, а вы оказываетесь нам должны столько, что вам придётся продать свою страну, чтобы вернуть наших мёртвых президентов. - Джонсон улыбнулся, допил стакан и поднял перед собой листок бумаги с надписью: "Any Russian on-or-around the Moon = The Deal is off, Russia is guilty"!

-- Всё? - спросил я. - Тогда стоп, снято! Благодарю вас за ваше время, господин президент, господин президент. Должен заметить на прощание, что внесённые вами поправки, господин Джонсон, должен одобрить товарищ Косыгин, а он этого не сделает, - сказал я, завязывая вещмешок.

-- Да поебать, - отмахнулся Джонсон.

-- Подожди, Иван, - сказал Никсон, обходя президентский стол приставным шагом, - Я отвезу тебя, отвезу тебя, отвезу куда-нибудь. Линдон, кстати, отличная водка, я вижу, прекрасный выбор! Не забудь, завтра Флорида, космодром.

-- Как у Линкольна! Понял? - проорал нам вслед Джонсон. - У меня, как у Линкольна! А у тебя, сучонок, как у Аполлона! Ха-ха-ха! Как у статуи в музее, с полпальца!

Никсон закрыл за нами дверь президентского кабинета и шумно выдохнул.

-- Не всё, сынок, - сообщил он мне, - далеко не всё, что ты видел в Белом доме имеет смысл рассказывать внукам. Ты согласен?

-- Смотря, чьим внукам, Ричард, - согласился я.

-- Поехали, отвезу тебя в Уотергейт. И ещё. По глазам вижу, ты не всё, что хотел, мне сказал. Так?

-- Ага, Ричард. Спасибо за предложение. Поехали, скажу по дороге.

-- Едем, рассказывай, - сказал Никсон в машине, когда мы покинули территорию Белого дома. - А ещё лучше - показывай. Что это ты хотел мне в лицо предъявить, когда я вежливо попросил тебя покинуть Овальный офис?

-- Не только вам, Ричард, сказал я, доставая газету из вещмешка, - Но и господину Джонсону тоже. Ознакомьтесь. В случае разрыва Сделки по вашей инициативе такие передовицы немедленно появятся во всех газетах мира.

Охранник Чарли включил свет в салоне, Никсон нацепил очки и развернул газету. Всю ширину первой страницы занимали три большие фотографии. На первой -- пьяный Джонсон со стаканом и пистолетом в руке, испуганно косящийся Никсон на третьей. И между ними фотография носителя "Сатурн 5" на стартовом столе.

-- Газета "Правда", господин президент, газета из будущего - прокомментировал я. - За понедельник, 23 декабря шестьдесят восьмого года. Если наша Сделка прекращается, газета печатается уже миллионными тиражами, а не в одном, вот в этом экземпляре. Верхний заголовок гласит: Эти двое хотели обмануть весь мир! Не вышло! Нижний заголовок: Один враньем закончил, второй с вранья начал. Подзаголовок: Куда полетел "Аполлон" и полетел ли вообще? Интервью с учёным НАСА, отказавшимся врать по приказу властей США.

-- Ловко. Хитро. Кто этот учёный? - спросил Никсон.

-- Какая разница, господин президент? Скажем, араб, мстящий США за Палестину, или китаец, мстящий за Кубу, или вообще беглый фашист за деньги.

-- В НАСА не работают всякие мстительные арабы, китайцы и негры, Иван, - Никсон отложил газету.

-- А фашисты?

-- Какие фашисты? Зачем фашисты? Ты про наци, про Гансов! Я ведь воевал с ними, с Гансами, Иван, Париж брал, ранения имею. Ну, окей. Чего вы хотите?

-- В начале января дипломатической почтой вам доставят пакет от Председателя правительства Советского Союза товарища Косыгина, господин президент. Там будет полный список предложений об экономическом, скажем так, сотрудничестве СССР и США на ближайшие четыре года. Ваши четыре года. Мы собираемся выжать из вас все соки, Ричард, пока вы дурите человечеству голову якобы полетами типа на Луну.

-- Вы, русские, конечно, заблуждаетесь. Мы завтра летим к Луне. А в следующем году наши парни на Луну сядут. Это я тебе как бывший оперативный руководитель НАСА говорю. Они заблуждаются, Чарли, наши парни сядут, Чарли, сынок, не верь русскому, ты же тюлень, Чарли, американский тюлень! Но скандалы, русский Иван, нам не нужны. Что будет в пакете от Косыгина? Денег хотите? Вьетнам? Куба?

-- Нет, Ричард. Деньги у нас есть. Не Вьетнам и не Куба. Но ваши "гансы", у нас их называли "фрицами", жестоко рушили мою страну три с лишним года. Всё ещё восстанавливаем. Вы можете подсобить. Ваша страна жирела, пока мир падал в ад, не правда ли? Пришла пора делиться. Например, нам нужны современные заводы. Об этом в пакете от товарища Косыгина будет. Обязательное условие - не мешайте нашему сотрудничеству по нефти и газу с Западной Германией, санкции эти ваши постоянные притормозите и так далее, пока вы -- президент США.

-- Слышал, Чарли? У них деньги есть! Да, и мне смешно. А что потом, русский, через четыре, нет, через восемь лет? Заводы, нефтепроводы построите, Сделка будет не нужна. И? В газетах появится фотография Ричарда Милхауза Никсона, одного, без стакана и без пьяного Джонси, но с "кольцом" в руке, вот с этим, тебе знакомым? Курок взведён, ствол направлен в зрачок зрителю! Бумм! - Никсон навёл на меня пистолет и сказал охраннику. - Чарли! Отбери у русского рюкзак и достань мне кинокамеру.

Это была не первая ошибка со стороны Никсона сегодня. Чарли замешкался, привстал, полез одной рукой за своим пистолетом, а другой потянулся к моему вещмешку, перекрыв линию огня президенту

США. Я вырубил Чарли ударом снизу в подбородок, толкнул ногами обмякшее тело на Никсона и быстро наклонился за выпавшим из руки охранника пистолетом. В этот момент Никсон выстрелил. Пуля просвистела над моей головой и пробила перегородку к водителю. Наш лимузин сбросил скорость и через две секунды мягко куда-то врезался.

-- Похоже, приехали, Ричард, - сказал я, подбирая пистолет охранника.
- Я, пожалуй, пойду. Было странно с вами познакомиться, господин президент. Сделка наша в силе, с чем я вас и нас поздравляю.

-- Ты его убил? - спросил Никсон, отталкивая от себя тело Чарли.

-- Никак нет, Ричард, через минуту очнётся, - сказал я, открыл дверь и вышел на дорогу. Автомобиль упирался помятым капотом в фонарный столб.

-- А его? Его я убил? - спросил Никсон, указав стволом "кольта" в сторону водителя.

-- Затылка нет, - сказал я, посмотрев на место водителя. - Возможно, и лба нет, не видно отсюда. Да, Ричард, убили.

-- Уфф! - сказал Никсон и спрятал револьвер. - Ну, хоть так. Не русский, не камин в Овальном офисе, но требования соблюдены. Сделка в силе, Иван! И мои поздравления передай Косыгину. Вау, как любил говорить Кеннеди! Ну и денёк! Помоги-ка выбраться, сынок, старику, где это мы застряли?

-- Сидите на месте, Ричард, позаботьтесь о Чарли. Мы на Двадцать четвертой улице. Я могу вызвать полицию, если хотите.

-- Всё, всё, топай отсюда, русский, - Никсон открыл потайной ящик в кресле и вытащил оттуда компактный телефонный аппарат. - Никакой полиции, Иван. Я сам всё вызову. Как я уже сказал, пшёл вон отсюда!

-- До встречи, господин президент! Газету оставляю вам на память. Можете повесить её в Овальном месте в полуметре от пола, чтобы всегда перед глазами была, пока вы там сидите.

До посольства я прогулялся пешком, это где-то пять километров.

Доставшийся мне от Чарли пистолет я по дороге выкинул, в три разные урны. На плохо освещённых улицах Вашингтона группки негритянской молодёжи играли невесёлую музыку блюз. На автостоянке у Посольства СССР меня ждал замёрзший Боб Скуллз. Я вернул ему его фотоаппарат, ключи и парковочный талон. Разговаривать с ним совсем не хотелось, даже прощаться, но пришлось.

-- Иван, подожди! - позвал меня вдогонку Боб.

-- Что, Роберт? Хочешь позвать меня в клуб и познакомить со своими друзьями?

-- Клуб? Друзьями? - не понял Боб.

-- С Элвисом, Дженисом и Джоплином. Обещал в Москве. Извини, Боб, не получится, у меня ещё много дел сегодня.

-- А! Нет, что ты! Они не станут встречаться с советским дипломатом, у вас, у советских ужасная репутация в свободном мире из-за недавних событий. Я, наоборот, спросить зову тебя. Всё прошло удачно, Иван? Я читаю твоё выражение лица, что это так. Удачно. Прав я?

-- Свободный мир репутации раздаёт? Зыкинско! Я тебе так отвечу, коллега. Нам с тобой предстоит ещё много совместной работы в ближайшие не пятьдесят, но четыре или даже восемь лет точно.

-- Никсон согласился!? Никсон сохранил, значит, наши с тобой рабочие места! - Боб заметно повеселел.

-- Никсон, да. Скажи, Боб, а эти ваши Старшие, ну, которые президентов-сенаторов назначают, они что, кандидатуры подбирают только среди конченных сволочей и моральных уродов? Джонсон этот ваш -- алкаш и массовый убийца, Никсон -- больной садист. Почему так?

-- Ошибаешься, Иван, - усмехнулся Боб в ответ, - И Джонсон и Никсон сначала всего выдающиеся политические лидеры и уже они оба яркие пятна в американской истории!

-- Ну Джонсон понятно, яркий ублюдок, а Никсон чем успел себя запятнать в истории?

-- Ваня, Ваня, эх! Эти двое выиграли для Америки космическую гонку! Ну, то есть, завтра выиграют, завтра весь мир осознает, а потом запишет себе в память навсегда, что командир американской капсулы "Аполлон" Фрэнк Борман направил свой снаряд к Луне. А Никсон победу в следующем году навсегда закрепит десантом американских парней на другую планету.

-- Ты дурак что ли, Боб? Какая же это победа, если это грандиозный обман? Ври больше.

-- Я верный республиканец, я евангельский христианин, Ванька, я не вру никогда! Что у тебя там в рюкзаке, Ваня? Киноплёнка с Никсоном? Ценный груз! Заводы, нефтепроводы, технологии. Мы вам их действительно, без обмана построим, поможем и поставим. Научим вас, наконец, холодильники делать. Америка выполняет сделки! Вы голодны? Вы есть хотите кушать -- жри! А мы -- лидеры! Нам нужно первое место. Так что дурак, Ваня, ты. Какой же это обман, если это грандиозная победа?!

Документы 150 и 151

Газета "Лос Анжелес Хайнц",

28 декабря 1968 года

Добро пожаловать домой, "Аполлон 8"!

Они вернулись! С другой планеты! Они видели Луну вот так же, как мы видим надпись Hollywood на холме из окон редакции!!!

Эти парни -- Фрэнк, Джеймс и Билл - настоящие американские герои, с крепким, как калифорнийский томат рукопожатием, с яркими, как у кинозвёзд улыбками, хоть сейчас на киноэкраны! Они уже на экранах ТВ по всему миру, кроме, конечно, экранов русских лузеров. Эти парни

принесли нам удачу. Победу в космической гонке над мрачными коммуняками. Победа ещё не полная -- предстоит высадиться на Луну, но и там Америку ждет успех, потому что у нас есть гигантская ракета "Сатурн 5", у нас есть самый совершенный космический корабль "Аполлон" и просто потому, что успех -- наше второе имя!

Помните ли, спросим мы вас, что дала Америка миру? Вот уже несколько столетий первый ответ на этот вопрос -- помидор. Второй ответ с этого дня -- Луна! Помидор и Луна -- круглые, крепкие, сексуальные, настоящие, американские Луна и помидор!

Что можно добавить? Русский космонавт раздавлен, разлит и втопан в грязь. Попытается ли он взять реванш? Не знаем. Но на всякий случай скажем ему: "Не отставай, кетчуп!"

Журнал "Сексопатологистик беобахтер",

Восточный Берлин,

28 декабря 1968 года

Из Америки сообщают, что их космический корабль "Аполлон 8" облетел Луну и вчера возвратился на Землю. Особенно часто в сообщениях упоминается, что он облетел Луну десять раз. Он сделал это десять раз и, подчёркивается, что сделал он это менее чем за сутки. После чего отправился домой.

Впервые за годы космической гонки американец вырвался вперед. Целую эпоху, семь с половиной лет назад, американский подросток с диагнозом неудачник во всеуслышание объявил, что принимает вызов, что первым построит самую большую ракету в истории и побьёт brutального русского Ивана в этом поединке. Долгое время он трудился в поту, не покладая рук, ревниво поглядывая в сторону противника. Годы прошли, и у подростка появилась огромная толстая ракета, которую не стыдно показать всем на берегу Карибского моря и с

которой можно, наконец, заполучить в свою копилку Луну.

Конец ревности! А было к чему ревновать. С пятьдесят седьмого года наш сегодняшний герой на всех дистанциях занимал первое место с конца. И вот долгожданное второе! Хотя, мы пока не слышали, участвует ли вообще русский противник в этом состязании.

А вот то, что мы слышали. У сегодняшнего победителя есть лечащий наставник по фамилии фон Браун. Да, да! Тот самый создатель гитлеровского "оружия возмездия", которое так никого и не наказало, за семью Геббельса не отомстило, ствол изо рта фюрера не выбило. Он же -- вдохновитель всех предыдущих сексуальных побед НАСА, например, маленьких белых ракет, забрасывавших астронавтов ниже второго неба минут на пятнадцать, в то время как русские космонавты и космонавтки часами и сутками летали над облаками.

Ещё у триумфатора есть папа. Был, точнее. Папа -- многолетний директор НАСА Джеймс Уэбб вдруг махнул рукой со своего поста два с половиной месяца назад. Возраст. Сердце. Вдруг не выдержит счастья от победы сыночка?

И последнее, самое важное. Центр управления полетами НАСА находится в городе Хьюстон, штат Техас. В этом же городе, в 1961 году изобрели силиконовые имплантанты для увеличения женской груди. Быстро выяснилось, что увеличивать можно не только женскую и не только грудь. Не произошёл ли за истёкшие годы полезный обмен технологиями между медиками и космическими инженерами?

Документ 160

Директору НАСА

доктору Томасу О. Пейну

от руководителя рекламного агентства

"Зигмунд Фрейд и Племянник, Инк."

очень важное письмо,

21 января 1969 года

Дорогой доктор Пейн!

Поздравляю вас с назначением на пост Директора НАСА!

Да, я знаю, что президент, который президент только со вчерашнего дня, ещё не представил вашу кандидатуру Конгрессу. А когда представит, пользуясь случаем, потребуйте для меня у конгрессменов медаль "Спасителю Национальной Репутации", а если такой медали нет -- пусть ради меня её учредят.

Надеюсь, я шокировал вас таким началом. Того и добивался, профессия такая. Именно свои профессиональные навыки я хочу предложить использовать вам и вашей организации. Исключительные и выдающиеся навыки, по мнению всех моих коллег-рекламистов. А насчет медали я пошутил, я и без неё самодостаточен.

Ситуация, в которую попали США в связи с началом "лунной программы" для меня является профессиональным вызовом. Вызовом настолько серьёзным, что я готов работать без гонорара. Первое время.

Перехожу к делу. Я пересмотрел все изобразительные материалы, касающиеся полета "Аполлона 8" к Луне и назад. То есть все материалы, которые НАСА предоставляла телекомпаниям для трансляции в прямом эфире и все плёнки, которые вы передали на ТВ в дальнейшем для создания документальных фильмов и репортажей. Моя профессия, как вы понимаете, позволяет заявиться в офис любой телекомпании, запереться с бухлом и контрабандными кубинскими сигарами в монтажной и смотреть, что захочу, ночи напролёт. Именно это я и проделал, по многу раз пересматривая особенно "понравившиеся" мне места. Доктор Пейн, я всё знаю.

Даже не так.

Доктор! Я ЗНАЮ ВСЁ!

Не спешите звонить в ФБР или кто там куратор -- ЦРУ, АНБ? Я хочу помочь вам, Соединённым Штатам и истории человечества. Не больше. В конце концов, доктор, пожалейте мою печень! Сколько ещё предстоит полетов? Вплоть до "Аполлона 20", если не ошибаюсь? Мне не нужен цирроз из-за того скунса, который отвечает у вас в НАСА за подготовку материалов для общественности. Я подготовлю эти материалы лучше любого человека и животного на этой планете!

Позвольте, доктор, я, в этой связи, расскажу вам коротенькую сказку. Это старая русская сказка, и её национальность в нашей с вами ситуации, я полагаю, удвоит ваше внимание. Итак.

Каша из топора

русская народная сказка

Однажды пожилого опытного бойца, рядового заградотряда, командировали в дальний гарнизон. Путь предстоял не близкий, но сухой паёк солдату не выдали. В каптёрке ему выдали топор и сказали - крутись, как хочешь. Вероятно, имелось в виду, что солдат сможет по пути нарубить в лесу дров, чтобы обменять их на еду или, для тех же целей, предполагалось задействовать топор более очевидным способом, сказка скрывает подробности. Солдат, однако, нашёл третий способ использования топора. На исходе первого голодного дня своей командировки, солдат напросился на ночлег в крайнюю избу попавшегося по пути села. Хозяйка избы, одинокая старуха была старуха, как старуха, только жадная. На ночлег пустила, а поесть-перекусить солдату с дороги не предложила. Нету, говорит, служивый у мяня ничего из яды. Бедная я. А у самой щеки жирные, вздохи сытые. Соврала старая, короче.

Почесал солдат бороду. Похожи мы с тобой, бабуля, говорит, и я бедный, и у меня ничего нет, кроме вот этого топора, и показывает топор, значит. Взбледнула старая лицом. О, не беспокойся, хозяйюшка,

успокаивает солдат, я - по третьему варианту. Сейчас мы с тобой из этого топора сварим кашу. Кашу, спрашивает старуха. Из топора. Сварим, не верит старая. А как это? Тащи, хозяйка, котёл, наливай воду, возжигай огонь, а я топор помою пока, говорит солдат.

Зажгли, поставили, вскипела, опустил солдат топор в воду и смотрит, довольный, на старуху, по лицу видно -- сытный ужин предвкушает. Не верит старуха, смотрит во все глаза, на солдата, на топор в кипятке. Варится топор, улыбается солдат, берёт солдат ложку и пробует отвар. Ух, хороша каша будет, только вот соли бы, хозяйка. Соль-то у меня есть, служивый, на вот, посоли кашу свою. Посолил. Пробует. Ещё лучше будет каша, бабуля, вот только бы крупы добавить. А и крупа найдётся, солдатик, на вот мешочек, заправь сколько надо. Варится топор, скоро каша готова будет. Совсем чуть-чуть осталось, маслица бы и на стол накрывай, хозяйка! Да вот же у меня кусочек завалялся масла-то. Готова, каша, бабушка! Неси тарелки-ложки, хлеб, чай, сахар -- ужинать будем!

Сидят, кушают. Со второй ложки распробовала кашу старуха и за обе щеки наворачивает, расхваливать не забывает. Ай, да топор! Ай, да солдатик! Вкуснейшую кашу сварил небывалую. Солдат кушает с отменным аппетитом, чувствуется, и физически насыщается и глубокое моральное удовлетворение испытывает. Поужинали. А когда топор-то есть будем, солдатик, старуха спрашивает. Так не готов топор, ему ещё вариться и вариться, да и деревень на пути у меня много и хозяек таких, как ты, бабуля. Потом доварю и доем.

Вот и сказке конец. И солдат сыт, и у старушки новые жизненные впечатления.

Эта сказка, дорогой доктор, и всё, что я видел по "Аполлону 8" очень похожи. За одним исключением: был топор, был огонь, был котёл, что-то бурлило-кипело, были лучшие парни -- соль земли американской, крупы не было, доктор. А без крупы и масла и последующие хлеб-чай-сахар и ложки-тарелки стали бутафорскими, из зрительного зала не разглядеть, да и не важно, потому что главного не было. Каши не было.

Лично мне, доктор Пейн, не особо интересно, что у вас там на кухне

варится. Но это интересно зрителю. Люди хотят полноценных вкусовых ощущений. Жадная старушка должна первое -- унюхать запах каши, второе -- почувствовать её вкус у себя во рту. Насытится ли она после всего этого на самом деле -- не имеет значения, всем родственникам и соседям она скажет, что сыта необычайно.

Говорят, старт следующего "Аполлона" уже через полтора месяца. А всего в этом году будет четыре полета по лунной программе. Доктор! Увольняем скунса и всех гиен из отдела маркетинга НАСА и заключаем контракт со мной. Иначе вас уже в этом году разоблачат нахрен и выставят лузерами перед всем народом США. И, в свою очередь, уже народ США будет выглядеть дебилами перед всем миром, ведь это из их налогов вы скунсам деньги платите.

А теперь то, ради чего я это письмо и написал -- пример, так сказать, моих исключительных способностей.

"Аполлон 8" облетел Луну 10 раз. Об этом имеются киноплёнки. Камеру держал кто-то из экипажа и снимал шар Луны через иллюминатор. Это был больной человек, как мы сейчас понимаем. Больной столбняком, камера в его руках делала исторические кадры, не дрожа и не качаясь. Кроме того, оператор явно был наркоманом, он тупо снимал Луну, не обращая внимания на остальную реальность. Что надо тут исправить, чтобы у миссии "Аполлона 8" появился запах и вкус настоящей каши? Потом скажете, что сразу не все плёнки отдали телекомпаниям -- завертелись, закружились, скажете. Рождество, Новый год, похмелье. Тивишники вас поймут. Итак, режиссёрский сценарий рекламного ролика.

Покупаете большой глобус Луны, перекрашиваете его в тот же грязно-серый цвет, какой на уже известных пленках. Подсвечиваете также. Ставите рядом полноразмерный макет корабля "Аполлон". Внутри макета подвешиваете командира "Аполлона 8" вниз головой, в скафандре, естественно, и с открытым шлемом. Оператор с ручной камерой садится у иллюминатора, и снимает медленно вращающуюся Луну. Луну вращает помощник оператора. Камеру оператор держит жёстко, что уж теперь дёргаться. Но в какой-то момент у оператора,

допустим, затекает рука, он отклоняет камеру в сторону от иллюминатора и снимает кабину экипажа, как бы случайно. В кабине в это время висящий вниз головой Фрэнк Борман разговаривает, что видно по шевелящимся губам, с находящимся за кадром третьим членом экипажа. Текст для шевелящихся губ, например: "Здорово! А голова совсем не затекает!" или "Как я горд, что родился в Америке!" В камеру, повернувшуюся в кабину, Борман не смотрит! Невидимому собеседнику Фрэнк улыбается! Между дублями Борману надо давать принять нормальное положение тела, чтобы кровь оттекла от лица. Через пять-семь секунд максимум оператор возвращает камеру к иллюминатору и снова снимает Луну.

Этот рекламный ролик в пакете ещё минимум с десятью другими ранее не известными записями вы предоставляете телекомпаниям и газетам по всему миру вечером в день старта миссии "Аполлон 9". Ранее неизвестные записи, а сойдёт любая хрень с астронавтами в кадре, нарежьте коротенькими, до минуты роликами.

Изложенное выше -- бесплатно, доктор. Топор этот варить и есть нам с вами предстоит многие десятилетия, если я правильно понимаю, а я понимаю правильно. Мой адрес на Мэдисон авеню в Нью Ёрке всем известен, мой телефон тоже. Жду, и, уверен, ждать мне не долго.

Искренне ваш,

П.

P.S. Кстати, доктор! А что всё-таки в нашей каше -- топор? Ракета Сатурн? Корабль Аполлон? Или Луна -- не Луна, а дырка в чёрном небе космического бюджета?

Шутка! Жду.

Документ 170

Речь Директора НАСА
перед астронавтами,
Центр Управления Полётами,
г. Хьюстон, Техас, США
24 марта 1969 года

Парни! В пятницу Конгресс утвердил меня Директором НАСА! Да, да! Я тоже, рад! Так что всё, что я отныне говорю, есть истина, как она есть, ибо мой рот теперь собственность Соединённых Штатов!

Я - доктор Пейн! Пишется не то, что слышится на самом деле. А вы все теперь -- астронавты! Тот же филологический случай.

Не мне вам говорить, парни, что первое правило это никому не признаваться в собственных слабостях. А второе правило - никогда не признаваться в собственной ущербности. А третье правило это то, что Господь Бог хранит кое-кого, вас и

Соединённые Штаты, поэтому не подведите страну, ребята.

Патологический лжец думает, что и остальные всегда врут. Вор думает - все кругом воры. Блядь думает, что все женщины тоже шлюхи. Эту человеческую особенность открыл доктор Фрейд. Тоже доктор. Исключительный гений! Сверх. Наверняка американец.

Все вы, парни, уже стали легендой. Все вы герои и вошли в историю! Почему я так думаю? Правильно, Нил! Усомниться в вас, в принципе, могут только русские. Но русские реально летают в космос. А значит, думают, что и вы все - астронавты. Да! Вы все астронавты!

Если и вы так будете думать про себя, вы и станете астронавтами, потому что не будет уже никого, кто думал бы по-другому!

Ну что, парни?! Теперь -- на Луну?

Я так думаю.

Документ 180

Стенограмма беседы

министра иностранных дел СССР

А. А. Громыко и канцлера ФРГ Курта Кизингера,

Международная промышленная выставка,

Ганновер, ФРГ,

апрель 1969 года

-- Мы рады приветствовать вас, господин министр Громыко, на нашей выставке!

-- Нет.

-- Простите?

-- Не прощу тебя, Курт. Фашистам нет прощения. А ты -- фашист.

-- Это возмутительно! Фашисты в Италии, господин министр, а я немец!

-- Я в сортах говна не разбираюсь. Показывай, давай, что тут у вас выставлено.

-- Сначала извинитесь, господин Громыко!

-- Если я тебе извинюсь, ты будешь долго лечиться у челюстно-лицевого хирурга, Курт. А вдруг хирургом окажется еврей? Подумай об этом.

-- Вот здесь у нас представлен станок для сварки стальных труб большого диаметра, господин министр иностранных дел СССР! Обратите, пожалуйста, своё внимание!

-- Большого диаметра, говоришь? Это я удачно зашёл. Почём?

-- Не продаётся, господин министр иностранных дел. Запрет на экспорт в СССР.

-- Ты посмотри, какие дебилы!

-- В каком смысле?

-- Говорю, дебилы, глядь! Значит так, записывай. Мне нужно три тысячи километров стальных бесшовных труб большого диаметра, соответствующее этому расстоянию количество сварочных и других станков, материалы для обеспечения работ по постройке газопровода из СССР в ФРГ, ну и ваши специалисты-инженеры в количестве, скажем, два-три вагона.

-- Боюсь, эту сделку трудно будет заключить, господин Громыко.

-- Ты не трудностей бойся, Курт, а меня. Запомнил, что я сказал? Иди, звони своему начальнику, получай подтверждение и за работу. Зачем ты так в лице изменился? Да не Геббельсу на тот свет звони, глупышка, а Никсону в США. И пулей ко мне обратно, протокол составлять будем.

Документ 190

Отчёт о встрече с русскими
инженерами, космонавтами и масонами.

СССР, около Москвы,

пригороды,

05 июля 1969 года

Великий Левый Жрец! Примите мой отчёт!

Несколько летних дней мы с командиром "Аполлона 8" Фрэнком Борманом, его семьёй и коллегами путешествовали по России. В небольшой американской делегации я числился переводчиком. Под конец путешествия, в соответствии с нашим пожеланием, русские власти обеспечили мистеру Борману возможность пообщаться с советскими космическими специалистами. Они назвали это "историческим визитом" и в субботу, сразу вслед за Великим американским праздником, организовали встречу в Доме офицеров, невзрачном бетонном здании в подмосковном городке с наглым названием Звёздный.

Заданием Фрэнка Бормана было улыбаться репортерам, излучать спокойную уверенность, с нарочито уважительным вниманием выслушивать вопросы советских космических инженеров, дружески похлопывать русских космонавтов по спинам и вообще иметь вид скромного парня, неумело скрывающего свое моральное превосходство. Фрэнк справился блестяще.

Моей же задачей на этой встрече было выяснить без официальных посредников отношение русских учёных и космонавтов к успехам программы "Аполлон". Как я справился -- судить только вам, Великий Левша.

Далее представляю вам прямую речь опрошенных мною во время фуршета русских.

Семён Семёныч Горбунко, назвался криогенистом и инженером-двигателем, смуглый невысокий мужчина примерно 45-ти лет, на приём явился в будничной одежде, возможно, уже нетрезвым, на поношенном пиджаке два ряда орденских планок:

Как я оцениваю американский триумф? Мпф или фпм? А что, уже можно оценивать? Ты кто, мил человек? Астронавт, ишь ты. Можешь не объяснять, не летал ещё, по глазам вижу. А ещё я все ваши старты видел в записях, тебя там не было. Не спеши туда, дружок, не гаси блеск в глазах, сохрани мечту о космосе для внуков. Да и не то место, Флорида, чтобы вот так хуяк, и в космос! Море горячее, солнце Карибское, коктейли холодные, девки в открытых купальниках, а ты в космос.

Глупости это. В космос надо из степи стартовать или из тайги. Желательно, полярной ночью. А какой вопрос был у тебя? О! Цыц! У меня ответ есть. Слушай. Вот скажи мне, американец, где правда, тут, в моем стакане, или вон там, где этот ваш Борман-коротышка сидит, зубками светит. У него, кстати, что, лицевая судорога? Что он лыбится постоянно? Ну, да ладно. Так где правда, астронавт? Что башкой киваешь? Пошли за мной, надо добавить! Видишь, холодильник! Американский, "Генерал Электрик". Дом офицеров спецом для этой встречи закупил, напитки охлаждать. Водку будешь? Правильно! Пей "Дюшес", береги здоровье. Астронавт должен быть незамутнён. Правда, то - астронавт. Смотри, "Столичная", из морозилки, как кисель льётся! Водка замерзает при минус тридцати, если хорошая. В морозилке минус двадцать. Теперь смотри на стенки стакана. Оп-па! Чувешь, как щас больно будет? Нет? А говоришь -- астронавт американский. Должен быть готов к провокационным вопросам. Короче, видишь, как всё запотело? Это называется конденсат. Если в сосуде очень холодно, на наружные стенки оседает влага из воздуха, снегом и льдом. Понял? На стакан водки оседает, на первую ступень вашего "Сатурна" оседает, там жидкий кислород при минус сто восемьдесят. А на "Дюшес" оседает? Нет, он не из морозилки. И на вторую и третью ступени вашего "Сатурна" конденсат не оседает, хотя там ещё жидкий водород заявлен, вообще минус двести пятьдесят пять. Миллион, сука, литров жидкого водорода! Где конденсат, бляди? Вот тебе и ответ, американец. Нет в верхних баках "Сатурна" ни топлива, ни окислителя, ни "Дюшеса" даже. Пусто там. Только в первой ступени есть, чтобы попердеть дымом из сопел. Так что зря твой Борман лыбится. Он тоже не астронавт, как и ты. Ну как, передумал? Хлопнешь водяры? И зря, будь здоров! Напортачили вы, конечно, ребята, но дело ваше, придержи дверцу, я налью себе полный. Да не ссы ты, не скажу никому про то, что ты "Дюшес" пьёшь, гы-гы. Нам начальство приказало считать, что американцы тоже в космос летают, а я что рыжий? Ни разу! Я думаю, это военная хитрость такая, соглашаться с вашими Борманами и кто там через десять дней у вас якобы на Луну полетит. Отсюда тебе вывод, если хочешь двигать прогресс, парень, увольняйся из НАСА и иди в "Генерал Электрик", кухонные приборы проектировать, закрывай дверцу. Ответил я на твой вопрос про триумф? Так держать,

американцы! И дальше берегите здоровье. Зачем вам в космос? Холодильники делайте, они у вас отлично получаются.

Профессор Лев Ильич Каменев-Зиновьев, мужчина лет 60-ти, аристократической наружности, сказал, что он член движения сопротивления материалов и мастер спорта по шашкам и "чапаеву":

А вы кто, простите, молодой человек? Репортёр "Нью Ёрк Таймс"! Замечательно, замечательно! Впервые в нашей стране? Уже были?! И нашли в себе силы приехать ещё раз! Вы смелый человек, молодой человек! Ох! Что это я, вопросами вас засыпал, но даже чаю не предложил, как старый энкавэдэшник, право слово. Вы же здесь вопросы задаёте сегодня, не я. Задавайте! Как я оцениваю победу Америки в лунной гонке? Видите ли, раньше никак не оценивал, раньше я вообще сомневался в самом факте бытия гонки, не только лунной, но и вообще космической, ибо для гонки нужны минимум два участника. Но последние полгода критически повлияли на мою способность суждения. Вы знаете, я посмотрел кинохронику приводнений ваших пилотируемых аппаратов и, особенно, капсул "Аполлон", побывавших у Луны, и что-то приуныл. Особенно больно было видеть флаг США и буквы NASA на подкопчённом боку спускаемого аппарата. Эти цветные полоски на слегка обгоревшем корпусе, капсулы и звёзды, чуть испачканные, эти, понимаешь, знаки качества страны добились меня окончательно, молодой человек! Я даже подумывал о том, чтобы положить партбилет и уйти в алкоголики! Можете себе представить? Но что-то меня остановило. Наследство проклятого прошлого остановило меня, самокритично признаю, остатки христианского воспитания, полагаю, навыки смирения, с детства привитые бабушкой, Царствия ей Небесного, Авдотьей Романовной, смею предположить, удержали меня от непоправимого. В конце концов, кто я такой? Скромный член, пусть и корреспондент Академии наук. Что я могу знать? Температура поверхности спускаемого аппарата при прохождении атмосферы до шести тысяч градусов подскакивает. Ну и что!? Я всю жизнь считал, что титан плавится где-то при тысяче семистах градусах, а корпус "Аполлонов" вообще из алюминия, этот на тыщу меньше течь даёт! Какая разница?! Если у американцев есть краска, которой можно

рисовать звёзды и полосы по жидкому титану, а я и предположить такое не мог, что прикажете мне делать со всем моим научным багажом? А, юноша? Правильно! Туда его! Туалетной бумаги у нас отродясь не бывает, поэтому вместо газет мои знания в самый раз пригодятся. Надолго хватит всей семье подтираться. Но я не унываю, вы не подумайте, молодой человек. Так и напишите в своей газете, не унывает, мол. Пенсию я уже заработал, накопления кой-какие есть. Плюс продам вот это в комиссионке. Видите? Эти часы мне Фрэнк Борман подарил, с руки снял. Они, говорит, с ним вокруг Луны десять раз облетели. И фото свое с автографом. Беру весь комплект и загоняю по спекулятивной цене. Хватит на скромную дачку в дальнем Подмоскowie. Ой, ну я и трепло! Ай-яй-яй! Всё-таки не приморозил мой длинный язык славный город Норильск. Но ведь вы же меня не сдадите особисту, как спекулянта, товарищ американец, не заложите? Вы меня не спалите, а я про вашу победу в лунной гонке никому ничего не скажу. Идёт? Отличный заголовок будет! Русский ученый не унывает и молчит. Интригует! Договорились? Как? Да, именно! Ты мне, я тебе, и все делают вид, что довольны. Сделка!

Даниель Захарович Синявский, баллистик, высокий брюнет лет 30-ти в джинсах и гавайской рубашке:

Американец? Рили? Ду ю спеак, вот блин! Я только учу, форгив ми. Вы друг мистера Бормана, этого невероятного человека? А, ну хорошо, задавайте. Ну как, что думаю? Ай эм аут оф тут. Вообще, прикинь? В шоке я. Триста шестьдесят! Потрясающе! Триста шестьдесят тысяч километров до Земли! "Аполлон" делает вокруг Луны последний виток, выворачивает на светлую сторону и теперь ему надо что?! Очень точно прицелиться в Землю, причём с учётом всех накопившихся ошибок -- от неполных коррекций траектории по пути к Луне, от гравитационных ям Луны, да тупо от некачественного топлива или гнутого сопла в двигателях, выдавших избыточную или недостаточную мощность импульса. И самого топлива-то уже на донышке должно быть, только на сорваться с орбиты и к Земле. А потом последняя коррекция, это что-то с чем-то! Надо прицелиться в район приводнения, да с учётом вращения Земли, да имея неточные данные о собственной скорости, да

кривое сопло в, э-э, в торце. Мало того! Район приводнения в окуляре размерами меньше, чем толщина полоски с метками на объективе прицела! И при всем при этом "Аполлоны" приводнялись в пяти-шести километрах от встречающего корабля! Нет, это жуть. Сумасшествие! Невозможно никак! За пределами человеческих сил. Самый пьяный и полуслепой бандит в Техасе в тысячу раз вероятнее попадёт из своего "кольта" в узкий зрачок алеуту на Аляске, чем "Аполлон" в поле видимости авианосца. Однако, мы имеем попадалово. То есть, попадание. И не раз, и в поле видимости. Как!? Эвристическая задача? Нет. Чисто формальная логика. Я вас вычислил, американцы, муа-ха-ха! Невозможное человеку -- возможно электронной вычислительной машине! Счетчику. АйБиЭм триста шестьдесят! Потрясающе! Вот причина вашей точности! На борту "Аполлона" стояла машина фирмы АйБиЭм! Наверняка, облегченный вариант, так как она большая и тяжелая, а "Аполлон" маленький и тесный. Но и это не вся тайна, уверен. Скорее всего, вы, американцы, нас обманываете! Да? Финтите что-то вы, юлите, жопцом вертите, так? АйБиЭм триста шестьдесят -- потрясающе -- только быстро вычислит, что зададут. Но с неточными данными работать может только мощный, нечеловеческий разум. Искусственный разум! Ага! Фрэнк Борман никакой не Борман и не Фрэнк! Он -- робот, носитель искусственного разума, изобретённого в тайных лабораториях Гарварда и, в особенности, Йеля. Йель! Как мне нравится это название. Казалось бы -- дерево, а нет! Тайная лаборатория. Так вот. Фрэнк же потрясающий, как и АйБиЭм триста шестьдесят, он тоже облегченный, короткий и худенький, но каков интеллект! Только он мог вычислить траекторию и необходимые импульсы для посадки капсулы на расстоянии плевка от авианосца. Ибо -- мозг! Искусственный и очень умный. Компактный такой Фрэнк. Часы мне подарил вот, сучёнок. С руки снял. Они, говорит, с ним вокруг Луны десять раз облетели. Что ты так смотришь? Ну и что? У него же не одна рука. Хотя да. Для чего ему часы? Он же мозг! Будем и это считать тайной. Куда ты, американский человек? Я тоже хочу спросить! Зачем Фрэнк кушает? И куда скушанное потом деваает?

Георгий Береговой, лётчик-космонавт, дважды герой, около 50-ти лет:

Американец?! Ух ты, мой дорогой, наконец-то! А то я ищу, ищу какого-нибудь американца незанятого. Зачем? А чтоб контрольную панель ему, то есть уже тебе начистить. Пойдем-ка в тот тёмный уголок. Вопросы у тебя? Конечно, отвечу. Я за всё отвечу, пусть спрашивают. Никогда не прятался. Встань-ка. Это хорошо, что ты высокий. Подержи бокал. Какая водка, это коктейль "Северное сияние". Ты скажи, ты сволочь или нет? Отставить! То есть, скажи по-чесноку, ты же сволочь, да, американец? Бляха-муха, ну нету злости! Щас бы самогону хуторского, первача с сивухой. Тогда бы я сыграл вашими кивалками в национальную игру бейсбоулинг, американцы! Я бы вас всех по углам пристыковал - помолчать, подумать о вечном, о совести, о правде. Кроме, конечно, Фрэнка Бормана. Его бы пожалел. Солдат чувырло не обидит. Ты глянь на него, видишь? "Пионерской правде" интервью дает. Рот улыбается, а глазки испуганные, как у пленного на допросе. Часы вот мне подарил, несчастный. С руки снял. Они, говорит, с ним вокруг Луны десять раз облетели. Шмакодявка такая. Я - боевой летчик, ко вторым суткам на орбите оба отсека заблевал, на четвёртые сутки весь синий был, как море Чёрное, пятнадцать кило за полёт потерял! А этот говнюк? Из капсулы вытащили его, на авианосец привезли -- выскакивает из вертолета, репортёрам скалится, ручкой машет, ножкой дрыгает. Ути-пути! Тебя девятикратная перегрузка плющила час назад, клоун! Ты со второй космической на Землю возвращался после недели в космосе! Нет, всё-таки зря я его жалею. Пивом что ли полирнуть, и злость появится? Во! А засуну-ка я ему эти часы в жопу! Идея? Ну, или тебе в рыло дам. На чём остановимся? Правильный выбор, парень! Американская жопа лучше американского рыла!

Лигарий Валентинович Архонтов, второй освобожденный секретарь бюро комсомола Звёздного городка, вежливый молодой человек, около 30-ти лет, в хорошем костюме, трезвый:

Наш большой заокеанский друг, здравствуйте же! Как вам погода сегодняшняя, как вам Звёздный городок? Рад согласиться с вами. Свежий ветер сотрудничества, не побоюсь этого слова -- партнёрства, атмосфера приподнятого праздника! А я наблюдаю, наблюдаю за вами издалека, как вы с этими беседуете. И вот решил подойти к вам,

представителю передовой космической державы, совета спросить. Мы сейчас составляем списки советской делегации для ответного визита наших космонавтов, инженеров космических в Америку, чтобы учились, чтобы опыт перенимали. Кого из ваших новых знакомцев, с кем вы сегодня беседовали, вы хотели бы видеть гостями в Америке? Даже так?! То есть совсем-совсем? А вы знаете, я согласен с вами. Далеко не все, здесь присутствующие, люди культурные, кандидатуры достойные, утверждённые на заседании бюро. Многих сюда направил сам Косыгин лично. О! Вы знаете, кто такой Косыгин? А вы интересный собеседник! Я хотел бы с вами обсудить... Совершенно верно, второй освобождённый секретарь бюро комсомола. Как это - отойди нах?!

Акулина Парамоновна, старая леди в рабочем халате, по-видимому, клининг менеджер Звёздного городка:

Шевели копытцами-то, друг сердешный, двинься в бок на два корпуса! Дай уберу тут. Сортир же за дверью, прямо по курсу, с водой горячей из-под крана. Знаешь, что такое сортир, космонавт американский? Отойди же! Ну что ты будешь с вами делать? Как на Луну, то смотрите все на нас, мы первые, любуйтесь американцами, а как блевать, то в незапланированных районах втихую, а мне подтирать за вами. А ну как я этой же тряпкой, да тебе по видоискателям -- станешь чужой труд уважать? Вижу, не станешь. Спрысни с глаз моих, первопроходимец.

Иван Дмитриевич Лисицын, 23 года, специальный представитель премьер-министра СССР Алексея Косыгина.

-- Что-то ты не весел сегодня, Боб. Даже зол. Отчего тревожен? Для ваших всё неплохо складывается.

-- А ты зачем здесь делаешь, Ваня? Ты же не космонавт, не конструктор. Ты шпион за мною? Ты из КейДжиБи, Иван Лисицын? Наши с ваши вопросы готовы, я проверял. Переговоры газопровод идут, завод грузовиков уже всё решили, строить начнёте в этом году и далее так же. Что тебе здесь?

-- Да вот слежу, чтобы вас, американцев, никто не обидел. Я здесь ваш телохранитель, по личному распоряжению Алексея Николаевича.

-- Здесь опасность? Зачем телохранить?

-- Здесь, Боб, скажем так, правда, а она всегда рядом со смертью, как говорил академик Королев. Для правды тут водка в ящиках, а для безопасности -- я.

-- Драться можешь, помню. Всё-таки КейДжиБи ты.

-- Я лётчик. А драться меня и моих одноклассников не КаГЭБэ, а физрук научил. Он родом из пленных самураев, физрук. Ты-то как, Роберт? Ты в курсе, что от тебя блевотой несёт за версту?

-- Физрук? Что это есть? Физика рук генетически японец? Кто чего несёт за что? Фак! Почему вы все русские разговариваете, как нелюди?

-- Как тебя крутит-то, Боб, как корёжит! Нелюди, надо же. Типа, нелюдям и проиграть не стыдно. Но и обмануть нелюдей не совестно. Так?

-- Околодурок ты, Ваня. Кто здесь проиграл?

-- Кто у нас врёт, а потом платит? Кто снова врёт и обратно платит?

-- Ваня, ты кто, мил человек! Комми от слова коммунист или коммерсант? Ха-ха! Врать и подкупать -- каждодневное бизнеса, в чем тут упрёк? Вы скоро будете продавать пердючий газ из задницы планеты и получать за него от наших немцев наши доллары. Победитель ты? А мы будем через две недели иметь небесное уважение во всём мире. Лузер я? Зачем у тебя снова на этот вопрос поднялся? Всё уже! Вы, русские, проиграли лунную гонку, страдай в тиши.

-- Победителем ты будешь только для своего отражения в зеркале. Битва продолжается. В Сделке нет запрета на наши полеты на Луну. И пока мы готовимся, иногда с трудностями, к сожалению, вы покрасуйтесь на телеэкранах. Погордитесь пока, христиане ангельские, гордыня это ваше всё, похоже. И платите, много платите.

-- Утьи-пьюти! Ты знаешь, что есть плацебо, Иван? Это если человека авторитетно убедить, что вот на кончик этой иглы нанесён супер

смертельный змеиный яд, берём пример, турбокураре, и что достаточно маленькой царапины и гуд бай навсегда в судорогах, а потом царапнуть убеждённого чисто обычной иголкой, вон, например, от твоего значка ГэТэО, то он сдохнет в мучениях со всеми признаками отравления, но безо всякого яду. Так и весь мир про нас. Мы авторитет, Иван Лисицын, для всего мира, должен был уже понять. Мир наше кино смотрит, нашу кока-колу пьёт, джинсы наши носит. Мы сказали -- Луна наш, мир верит, не задумываясь! Я тут с вашими умными конструкторами поговорил, и они все верят нам и в нас, представляешь! Плацебо, Ваня. И куда теперь ты лететь собрался, с трудностями? Русское политбюро облёт Луны вашими в прошлом декабре отменили! Боюсь подумать, что, и они верят!?

-- Какой такой облёт?

-- Не знал!? Иван, это твоя работа и ты не знал?! Вау. Но я не стану плясать твой труп, Ваня. Солдат чувырло не обидит. Я -- боевой лётчик, тоже есть солдат. А ты отличный продавец. Если бы Никсон не подтвердил Сделку, ваш космолёт "Зонд" с пилотом внутри облетел бы Луну. Вы бы имели престиж, но не имели бы газопровод. Но ты очень хорошо работаешь, Иван Лисицын. Только не на тех, кто бы тебя ценил. Опять снова предлагаю, стань сам себе профсоюз -- работай на тех. "Линкольн Континенталь", дом Маями бич, сто тысяч долларов мелкие расходы.

-- Я за Родину работаю, Бобби. Тьфу ты! На Родину, для Родины. Мы все, кто здесь, все русские для Родины стараются! Пошёл ты вообще, торгаш гнилой. И врешь ты всё, не готовы мы пока Луну облетать.

-- Спроси лицо Косыгин. Спроси местных про Луну, я вот спросил. И кончай работать уродов. Вы, русские, красивые шахматисты -- Таль, Петросян, но политбюро -- шмакодявка! Политбюро вам вилы сделала, это шахматный трюк такой. Наш посол в Москве Джо Кеннан говорил, что русские скрытные, неискренние, двуличные, настороженные, подозрительные, недружелюбные. А теперь ещё и лузеры, ваши космические люди такими себя считают, их "Зонд" отменили, потому что Советы проиграли лунную гонку, а ваше начальство в свою очередь,

ты и Косыгин, продали ваших космических людей и оттого считаете себя, вдобавок ко всему, иудами. Считаешь же, да, Ваня?

На этом я прервал свой диалог с Иваном Лисицыным. В проёме дверей показался офицер Василий Допустим. Пора было на встречу с шефом КейДжиБи Юрием Андроповым. Предстоял завершающий эпизод моего сегодняшнего квеста.

Пригород Москвы, посёлок Медвежьего озера.

-- Угощайтесь чем-нибудь, товарищ Скуллз, - предложил Андропов. Мы сели в кресла перед негорящим камином, офицер Василий подкатил столик с напитками и исчез за дверью. Камин, напитки, я и Андропов находились в бревенчатом домике под названием "генеральская дача". "Генеральская", потому что камин, а не печь, а вообще -- гостевой домик, разъяснил мне Василий, привезший меня на военную базу спутниковой связи "Медвежье озеро", где и располагалась дача. Андропов был гостеприимен. - Вот коньяк армянский, его очень Черчилль уважал, а водкой этой марки согревался Эйзенхауэр, стоя на трибуне Мавзолея, или, например, вино грузинское, бокалы с ним поднимали Кеннеди и Хрущёв на обеде в Вене. Отличное вино, глубокого красного цвета. Но есть и белого, мы за разнообразное сотрудничество. Обязательно что-нибудь выберете для себя. Мне надо, чтобы вы расслабились. Я, как вы знаете, председатель КаГЭБэ, и я собираюсь завербовать вас сегодня.

-- Благодарности! Ценю хорошую шутку, мистер Андропов! - ответил я.
- Бутылочка "кока-колы" была бы в самый раз сейчас.

-- Бокалы с этим напитком, товарищ Скуллз, мы с вами поднимем в конце нашей встречи, дабы отметить успешное завершение переговоров. Или не поднимем.

-- Окей! Я пока выпью "Дюшес", вы только никому не говорите, мистер Андропов.

-- Итак, Роберт, вы летите на Луну через десять дней. Меня правильно информировали?

-- Вас обманули, мистер Андропов. Через десять дней я буду купаться в океане. И через двадцать. Я буду иметь мой отпуск со следующей недели. Независимо от того, выпьем мы с вами сегодня "кока-колы" или не сегодня, отпуск я буду иметь.

-- Я хотел сказать, вы, как США, ваши астронавты летите скоро на Луну и высадитесь на её поверхность. И, самое интересное, потом вернётесь на Землю. Так ли это?

-- Абсолютно, мистер Андропов. Летим, сядем, прогуляемся по Луне, попрыгаем, взлетим и вернёмся.

-- А могу я попросить сувенир с Луны, пользуясь случаем, товарищ Скуллз? Камешек какой-нибудь, кристаллик неземной?

-- Вы серьёзно, мистер Андропов?

-- Нет. Это я вас прощупываю.

-- Мистер Андропов, вы француз? Или вы русский? Зачем меня щупать, давайте откровенно, по-вашему, советскому, подвинем бутылки, выложим секретные карты на столик и будем друг про друга доверять. Даёте?

-- Интересное предложение, товарищ Скуллз. А давайте даю! Вы -- первый!

-- Да, сэр! Мы первый, но мы не летим на Луну сейчас. Не полетим и после. Да, у нас всё готово для полёта, но вскрылось страшное -- радиация! Кеннеди спешил, его предупреждали, он не слушал. Открытый космос своими лучами убьёт клетку и всех хромосомов в ней! Мгновенно! Кеннеди знал, но торопил. Не летите в клетке, летите в свинцовом ящике, говорил он. Но радиация убьёт всех и в ящике. А чтобы нет, ящик должен быть двадцать тонн, что абсурд. Нам не нужны трупы из космоса, у нас полно трупов из Вьетнама, которые нам шлет немиротлюбивая, так, политика прошлого Джонсона. И вам трупы зачем космические? Куда их вам? Следите мою мысль? Мы по одну сторону острых, зазубренных, угловатых, с ядом баррикад. Мы вместе с вами нападаем ради прогресса, а они подло колются больно. Протонами,

нейтронами, альфагрупп частицами. Космонавт Леонов не даст соврать. Именно его полет вокруг Луны вы отменили в декабре прошлого года? Да? Офицер Василий информировал меня в Вашингтоне.

-- Политбюро сочло несвоевременным посылать Леонова к Луне.

-- Мудро. Видите ли? Мы похожие! И Америка и Советы за правильный прогресс! Давайте вместе не лететь на Луну!

-- Э-э. А в чем же тут прогресс, товарищ Скуллз? Не лететь. Это наоборот будет, а не прогресс.

-- Гениальный европейский философ сказал: "Всё то, что нас не убивает, делает нас сильнее". Если мы и вы не дадим, а мы и вы уже не дали, убить себя космической радиации, мы останемся живыми. А, значит, сильными. Мы сильные, вы сильные. Если рванём к Луне на перегонки, нас и вас поубивают эти альфы, беты и гаммы вместе с энергичными такими протонами и нейтронами. До них и не дойдёт! Пояс жуткой радиации имени товарища Ван Аллена, слышали? Вокруг всей Земли. Его не пролететь, не убиваясь. Итак. Пояс пересечь к Луне и обратно, глубокие космические лучи и частые солнечные вспышки. Четыре! Четыре способа умереть с тысяча процентной вероятностью. Но мы не дадим убить себя четыре раза. Мы, вы станем четырежды сильнее. Мёртвый же - это слабость. Выживший -- мощь!

-- Логику тут надо бы подправить, ну да этим пусть Филя занимается, он у нас диалектический материалист. Я вас дальше слушаю, товарищ Скуллз. Вот мы сильные. Четырежды. Что с прогрессом?

-- А всё! Китайский мудрец Сунзы как сказал? Сражение, которого удалось избежать -- выигранное сражение! Следите мировой мысли за мной? И Запад, и Восток согласные в этом. Не убитый -- сильный! Не сражался -- победитель! Не пойман -- не вор. Один раз -- не считается. Это тоже про другое, но вы меня поняли, мистер Андропов. Короче, "Познай самого себя"! Так древние греки писали на ресепшн в своих древнегреческих храмах.

-- Мировая мысль в вашем изложении, Роберт, сейчас взорвет изнутри мою черепную кость. Я даже повторяю, чего обычно не делаю. Мы за

сотрудничество, разнообразное. Возможны, то есть, варианты. Некоторые надо обсудить. Нам с вами сейчас. Потому не торопитесь, налейте себе, я отвернусь, ещё "Дюшеса", а потом давайте подробнее. Вот вы некий совместный прогресс предлагаете. И?

-- Мистер Андропов, а зачем нужен прогресс? Нам, людям? И сам отвечу я. Чтобы иметь счастье! Вот вы, коммунисты, чего хотите?

-- Ну, этого, счастья хотим. Счастья всему этому, трудовому народу.

-- Точняк! А мы, капиталисты, хотим счастья всему остальному народу. Чувствуете? Вы печалитесь о большей части человечества, мы чалимся о меньшей его части, а в целом, мы и вы желаем счастья всему человечеству без остатка! Так чего нам с вами делить?

-- Вот теперь я вашу мысль отслеживаю, Роберт. Продолжайте.

-- Я готовился, мистер Андропов, к нашему разговору. Я искал, что общего между нами, американцами, и русскими. Ходил в книжный магазин, в анатомические театры, в кунсткамеры, консультировался с психиатрами. И нашел! Вы знали, что среди ню ёркских психоаналитиков много таких, с детства хорошо говорящих по-русски? Они подсказали. Русское "счастье" происходит от слова "сейчас". Счастье, оно не бывает потом или когда-нибудь, оно всегда сейчас! В этом его уникальное рыночное преимущество перед райским блаженством. Но и в английском абсолюти также! Счастье - это "happiness", и оно от слова "happens", случилось! Ну, вот не было только что и, нок-нок, то есть, тук-тук, случилось! Ага мою мысль? У вас, у русских, сейчашка, у нас, американцев, случка, но ничего, чтобы где-то там, не здесь. Ни вас, ни нас там не ждёт счастье. Нет никакого там! Happiness здесь, в этом мире. Счастье тут!

-- Ага, товарищ Скуллз, несомненно, ага. Но поясните, как же будущие поколения? Мы, родители, сейчас потерпим, потрудимся, чтобы дети-внуки были счастливее нас. Как тут быть?

-- Прогресс, он же как инвестиция. Он, чтобы жить лучше нам, инвесторам, здесь и сейчас. Никто не инвестирует для прибыли внуков. Изобретатель колеса тут же приспособил его к тачке и смог утащить

гораздо больше зерна из амбара соседа, парень, придумавший парус, немедленно прикрепил его к палке и умчался от лузеров на быстрой лодке с украденной невестой. Дети наши должны сами познать этот путь, путь инвестора, он же исследователь, то есть человек прогресса, питатель, изучатель, покупатель. Нечестно, если потомки будут пользоваться результатами твоих усилий, твоей удачей, твоим успехом! А может, это и не твои потомки будут, ведь да? Любая теперь со всеми. Год девятнадцать шестьдесят девять, сексуальная революция победила, нок-нок! Щастье, щас, случилась, случка! И потом, я же сам себя сделал, пусть и дети сами. Я никого не просил. Пусть и они не получат. Скажите?

-- Скажу. Это как учить дитё плавать. Бросаешь его в воду, пусть барахтается, может, выплывет. Так?

-- О, так!

-- Или, это как учить дитё читать -- бросаешь в него букварём...

-- Так, так.

-- Или, это как учить Родину любить -- бросаешь его...

-- Мы на одной волне, мистер Андропов! И вы все, русские, уже тоже с нами. Помните, Двадцать второй съезд? Нынешнее поколение советских будет жить при коммунизме, сказал съезд. Да? Ключевые слова -- нынешнее и жить. Это был коллективный инсайт, как говорят в Нью Ёрке. Не инсайд, так только на Волл Стрит говорят, а инсайт, то есть озарение, просветление, ожог! Все делегаты Двадцать второго разом всё поняли и перенеслись на другой берег. Не подыхать, геройствуя, а жить счастливыми! Вот зачем всё это!

-- Замечательно! Или даже, окей, как говорят в Нью Ёрке, товарищ, даже мистер Скуллз. Великолепная софистика! Иначе говоря, мудрость. И что же следует из этой мудрости на практике, мистер Скуллз?

-- Радужные перспективы, мистер Андропов, нас ждут, если мы согласные! Мы вместе, Запад и русские. Культурный, социальный, а не какой-то там лунный прогресс, всё во имя человечье! Мы для людей стараемся, не для рептилоидов каких-нибудь, окей, мистер Андропов,

чтоб так? Управляем, короче, каждый своей частью мира, но по одному плану!

-- С этого места поподробнее, мистер Скуллз.

-- Я бы рад бы, мистер Андропов. Кстати, могу я называть вас Юра?

-- В каком смысле? Я как бы Владимирович...

-- Ну какой ты Владимирович, Юра? Ты молоды душой, умны и проникатель! Вы не за костинелых, как Косыгин какой-нибудь. Я же именно к вам пришёл с плёнкой про Косыгина, а не к кому-то какому-то. Как, кстати, плёнка, пригодилась для внутренней политики? Больше года прошло. Надо, чтоб пригодилась.

-- Плёнка замечательная, господин Скуллз. Пригодится непременно. Хорошо, что в политбюро никто не знает, про что это - киномонтаж, впрочем, как и о чём - софистика. Но мне бы подробностей, мистер Скуллз, мы отвлеклись. Я, как вы правильно заметили, хочу счастья всему трудовому народу. И я, тоже должны были заметить, видный представитель этого самого трудового народа. Счастье, которое вы предлагаете в соответствии с новым пониманием прогресса, я и мои преданные товарищи, хотели бы перво-наперво испытать на себе. Проверить, так сказать, пробу снять, рискнуть, опять же, собой ради трудового народа.

-- Посмотри мне в глаза, Юра! Мне тридцать лет, видишь? Как ты думаешь, я в Россию приехал озвучить подробные планы Мирового правительства видному представителю трудового народа? А? Или я "кока-колы" попить сюда приехал?

-- Можно же совместить, мистер Скуллз.

-- Усталый я сегодня, Юра! Совместить надо вас и ваших преданных товарищей с нашими господами в одно целое и уже реально Мировое правительство. Чтоб оно таким по-чесноку называлось. Чтобы любому негру во Вьетнаме можно было объяснить, типа, видал, сучёнок, русские с нами, так что цыц, делай, что сказано, не верти жопцом, не будет тебе Карибского кризиса Два. А вы с товарищами не мой уровень.

Я засланец, Юра. Я приехал совмещать. Но подробности откуда мне знать-то? Багаж всех моих знаний в рюкзачок помещается, ты помнишь? Я помню. На пару раз всей семье подтереться хватит. А на ваших уровнях посвящения, на ваших высоких степенях эти самые знания вагонами гоняют, "боингами" грузовыми. Окей? Мне что передать мой босс, что вы с товарищами готовы совмещаться ради радужных перспектив? Или мне передать, что "кока-колы" в России нет и ещё долго не будет?

-- Майор! Майо-ор!!! Василий! Василий, приготовь, искрой, для нас с господином Скуллзом напиток "кока-кола". И бокалы хрустальные обязательно. Да, да, те самые, из Имперской канцелярии. И что же, по-вашему, дорогой Роберт, нам с товарищами перво-наперво надо сделать ради выполнения никем не отменённых решений Двадцать второго съезда нашей Партии?

-- Гы-гы, как говорит один мой знакомый. Первачом создайте масонскую ложу.

-- Майор! Притормози-ка с напитком "кока-кола"! Что ты сказал, мистер Роберт? Ложу масонскую ты предложил нам, коммунистам создать вот таким бесцеремонным образом? Нам, старым, пожилым и просто зрелым большевикам, ты, американский засланец, предложил создать вот эту самую, фу, какая гадость, масонскую ложу?!

-- Э-э. Я есть русский язык не толковый специалист. Какое слово обида, Юра, Юра Владимирович? Где, что я не там сказать?

-- Масонскими были члены буржуазного Временного правительства, Роберт, в России полвека назад.

-- Зачти мне мою молодость, Юра! Я не знающий. Посмотри мне в глаза опять, видишь там что-нибудь? Просто у нас по традиции собрание лучших господ называют масонской ложей. Давай у вас другая традиция будет. Не масонская, фу, конечно. Большевистская ложа! Во как! Бложа! Годится?

-- Бложа, говорите, мистер Скуллз?

-- О, да! Тайная бложа лучших советских людей, мистер Андропов. И членов не должно быть много, только верящие в прогресс. И название чтоб таинственное и степени посвящения серьёзные. У наших ложистов тридцать три степени посвящения, например.

-- А что? Одобряю. Пусть и у нас будет тридцать три. Но не потому что у вас тридцать три, а потому, что букв в русском алфавите тридцать три. Вот. Мы идём своим путем, как и завещано.

-- Великолепность! Замечательность, Юра! Вы теперь Мировое правительство тоже! Я вас поздравлять от всей! Сегодня родилась бложа! Как назовете?

-- Ну, что-то вроде "Серпом и молотом". Нет? Небольшая группа товарищей будет в бложе, не больше тридцати трех. "Тридцать три"? Нет, Леонову не понравится. Подбирать по фамилиям будем, я думаю. "Избранные большевики"?

-- "Группа товарищей"! Потрясающее название! Это значит о ваших свершениях можно будет в открытую в газетах писать и на Тиви показывать, передавать таким способом послания братьям на Запад. Леонид Брежнев и группа товарищей посетили строительство нового улучшенного бомбоубежища под горой Казбек. Это я пример привел для примера.

-- Ух! Шустрый ты, Роберт, и толковый. Если у нас, у Мирового правительства такие засланцы, то какие у нас министры?! Товарищ подполковник! Василий!!! Я говорю, хорошо, что Роберт Скуллз теперь на нас работает! Несите, подполковник, напиток "кока-кола", отметим это.

-- Оу, йес! Ай дид ит! В смысле, пить очень хочется, Юра. Есть ли у тебя, о, брат, мысли по персональному составу "Группы товарищей"? Брежнев, например, станет членом твоей бложи?

-- Обязательно, Робби. Товарищ "Бэ" очень ценит прогресс. Особенно таких его, прогресса, ярких представителей, как "Кадиллак" и "Линкольн Континенталь". Запиши себе где-нибудь, Роб. Без них никак. И без "Бэ", и без прогресса.

-- Йес, товарищ "А"! Записано! Поднимем же эти бокалы. "Кока-кола" в хрустале! Расскажу потом в Вашингтоне, не поверят.

-- Расскажи, дорогой, расскажи. И список покажи, кому следует. Подполковник передаст тебе список пожеланий от товарищей. У товарищей есть желания.

-- А скажи, о, брат, товарищ "К" будет членом твоей блоги? Очень, знаешь ли, этот товарищ тормоз ожидаемого нами прогресса.

-- Этот товарищ нам не товарищ. И мы его очень скоро, передай братьям из-за лужи, очень скоро мы его. Понял? Постараемся уж точно. Мы, конечно, против тормозов, но всё-таки большинство за газ, тут ничем не смогу помочь, вы бы раньше обратились, на пару лет. Сами, короче, не досмотрели. Выносим это вам на вид.

-- Босс будет не доволен, брат. Но не всё же время ему быть довольным. Ха-ха! Ну да ладно, ещё столько всего надо обсудить. Кто дальше в твоём списке?

-- Товарищ "Я", молодой, перспективный. Товарищ "Ша" с южных гор. "Е" с гор восточных. Очень качественное "Гэ" есть! Даже, чувствую, судьбоносное "Гэ"! Короче, все в списке у подполковника.

-- А теперь расскажи, брат...

-- Нет, Бобби, мне пора. Как-то сразу столько дел навалилось, надо вникать, ведь ещё одно место работы появилось, ну ты знаешь. Василий отвезёт тебя в Москву.

-- Момент, Юра, не всё ещё!

-- Всё, всё. Когда там у вас следующий "Аполлон" к Луне, осенью? Вот и приезжай за пару недель до полёта, посидим, обсудим, планы начертим.

-- Нет! Я хочу продолжать переговоры! Немедля!!!

-- А ну не дыши на меня! Ты с кем разговариваешь, пацан, забыл? Ты с членом Мирового правительства говоришь! Равняйся! Смир-рна!

Вольно. Шаг назад. Всё, пока. Осенью приезжай. Кстати, Бобби, а ты в курсе, что от тебя блевотиной несёт? Гы-гы! Шутка!

-- Я понял, да, понял. Увижу вас, уважаемый мистер Андропов, осенью, йес. Ха-ха, да! Смеюсь над шутка. Русских ценят за юмор. Как говорят в Мировом правительстве, не в самом, в кулуарах, я слышал, русские это открытые, искренние, э-э, личные, расторможенные, зрительные и дружелюбные люди. Ну как не иметь таких русских своими членами? Иметь, иметь русских, иметь!

Документы 200 и 201

Газета "Северо-Американский бандеровец",

Оттава, Канада,

25 июля 1969 года

Америка с нами! Слышишь, боец?! Кончай в своей вонючей секретной землянке, кончай грустить! Взберись по полужидким ступенькам вверх, откинь полог из вшивой шинели убитого когда-то тобой энкаведешника и выгляни наружу. Темно и тихо вокруг? Выползай без опаски, сказал же, с нами -- Америка!

Посмотри на небо! Если над тобой небо Баварии или Квебека, а зассанная землянка осталась позади в прошлом, пусть твой потомок, скрытый сын неизвестного отца посмотрит в небо Галичины, на Луну и улыбнётся.

Это как жеж так, спросишь ты? Репортёр из далекой канадщины предлагает мне улыбаться Луне-предательнице? Той Луне, которая сначала втиралась к нам в доверие, подсвечивая бойцам лесные тропинки, а потом вдруг прыгала из-за ночных облаков и, как прожектор с пулемётной вышки, выхватывала из темноты наши боевые

отряды, подбирающиеся к продовольственным складам?

Не так! Всё-всё изменилось! Нет больше предательства! Луна свой выбор сделала, наплевала на коммунистические значки, вымпелы и разбитые в хлам русские зонды на своей поверхности, все эти большевистские метки и, как когда-то твой отец, переплыла топь, порвала с прошлым, перескочила через бездну на Запад, на сторону Свободы! Астронавты водрузили на Луне флаг Америки! Луна теперь не предатель. Больше скажу -- ты, братюня, тоже. Тоже переплыла и перескочила. Ты должен был сдохнуть в крытой гнилыми ветками смердящей обледенелой яме или где там тыдох, мне растереть. Всё, уже не должен! Подкрепление пришло, откуда не ждали! Теперь и ты сделай себе военную операцию по перемене судьбы! Пусть не жжет тебе более грудь членский билет партии большевиков! Это просто формальность. Большевистская метка. Знак раба. А на Луне -- флаг Свободы, который водрузить там может только свободный человек!

Кто может решать что-либо за свободного человека? Никто! Свободный американский человек решил, что он на Луне, значит он на Луне!

Первым это понял еврей Вернер фон Браун, штурмбанфюрер СС, потомок галицийских немцев, бежавший на Запад, подальше от нацистских жидобольшевиков.

Что -- это? Что понял? Я уже запутался, скажешь ты, побратимо, и будешь прав! Не время ещё. Не время говорить неиносказательно! Только намекну. Раз ты свободен, то никто, кроме тебя и не определит твоё местоположение во Вселенной, будь то сраная крытка в львовском предместье, собрание партбюро с выдачей продуктовых наборов в Киеве, парадняк в Мюнхене, космодром во Флориде или поверхность Луны. Нет никакой инстанции, никакой химеры, как говорил один, не будем вспоминать имени, которая указывала бы свободному человеку где он и кто он. Понял? Поняла? Поняло?

А орды азиатских рабов этого понять не способны и потому скоро будут запутаны, зачумлены, задрочены и замочены, причем сделают это они с собой сами, под нашими презрительными взглядами. Твоими,

моими и наших свободных западных командиров гордыми взглядами.
Очень скоро всё это станет возможно!

Скоро возможно станет всё!

И ты, систер, станешь, кем выбрало.

Стал же штурмбанфюрер СС личным другом президента США и героем Америки!

Газета "Кольза Патрио Похна Муэрте",

Гавана, Куба,

27 июля 1969 года

Бойцы Первого Батальона имени товарища Че - Никсону Не Знаем
Твоего Номера

Слышь ты, гринго, гомосека Джонсона сын, Рокфеллера подстилка,
дьявола шлюха, чорта Кеннеди внук и нашего хуя крюк!

Какой же ты конкистадор будешь, коли голой сракой медузу не
сплющишь? Никсон, свиная ты морда! Не будешь ты никогда на Острове
Свободы, ни кассиры твои, ни сутенеры, ни собаки твои бешеные, ни
котики морские. Не завоевать тебе нас! А знаешь почему? Потому что
вы огромные, а мы маленькие, вашей армии три миллиона, а нашей три
батальона, а жрёшь ты в один день столько, сколько наша деревня в
два!

Пингвин ты карибский, песо конвертируемый, банкир честный,
душевный американец!

Говоришь, до Луны от Америки двести тысяч миль? А до Кубы меньше
сотни! На Луну ты с первого раза десант гринго отправил и живыми
вернул, а на Кубу, напомним, десять раз отправлял, никто не вернулся.

Всё ты врешь, боров испуганный, а лжец и трус свободным быть не может, и значит, на Остров Свободы тебе не попасть!

Документ 210

"Оборвать и кастрировать".

Черновик статьи немецкого философа

Теодора Адорно,

05 августа 1969 года

Был в германской империи такой поэт, Райнер почему-то Мария Рильке. Ну как -- поэт? Не Генрих, конечно, Гейне и не Хорст Вессель, прекрасный юноша, но поэт, да. Не бесталаный, но очень не ровное дарование. Поэтому Рильке иногда на прозу срывался и пытался писать сказки. В одной его сказке, не помню название, есть такие слова: "Все страны граничат друг с другом, а Россия граничит с Богом".

Вообще-то эта статья об экономике. И статья тревожная, сразу предупреждаю всех читателей. То есть не статья тревожная, а автор, я, значит, тревожный за германскую экономику, нет, за германскую жизнь. Почему? А вот! На выставке в Ганновере русский министр Громыко повалил на землю канцлера ФРГ Кизингера и, рассказывают, бил-топтал его ногами. Прилюдно! ТВ снимало, народ вокруг толпился. Долго! Приговаривал, я покажу тебе, сука, арийское превосходство, ты у меня в прямом эфире останки Геббельса жрать будешь, специально для тебя выкопаем! А Кизингер кричал, не бейте, я член НАТО! А за НАТО я тебе щас глаз выдавлю, недобиток, отвечал Громыко. Я хороший, орал канцлер, я прошёл денацификацию! Врёшь, не соглашался и продолжал бить русский министр, не прошел ты никакой дезинфекции, воняет от тебя, напердел со страху что-ли, газами своими всю выставку испортил,

кстати, о газе, господин канцлер, Советский Союз готов поставлять в ФРГ природный газ гигантскими объёмами, вставляйте, что это вы валяетесь, но нам нужны стальные трубы большого диаметра, которые как раз Германия и производит. Давайте подписывать протокол о намерениях, что скажете?

Но на самом деле эта статья о смысле немецкого бытия. Есть в философии Гегеля два центральных понятия -- господство и рабство. Я бы уточнил, это одно понятие, сложное, связь неразрывная, где один край без другого не край, а отчуждённая лишённость. О как! Чо я придумал. Свежее слово в философии! Отчуди, то есть отчужди, лишенец! Новый лозунг для пролетариата, хватайте концепцию, алё, коммунисты! Добрый я. Всем всё раздаю. Я у Битлов духовный продюсер, поняли!? Я им тексты пишу, если не покупают, дарю. Недавно вот гениальные стихи написал: жри ЛСД, пироженку жри, а девка твоя - шизоид.

Возвращаясь к цели данной статьи, к России, то есть. Россия управляется непосредственно самим Господом Богом, иначе не понятно, как она вообще существует. Это не я, это немец один сказал. А я спрашиваю, как так, кто избирал такую форму управления? А были ли вообще выборы?

Что касается экономики. Когда в этом холоднящем тёмном мире встречаются два сознания, пересекаются два не размеченных заброшенных шоссе, два лучика в аду падают на одну чёрную дыру, сталкиваются два одиночества - между ними с неизбежностью возникает война. Не, это громко. Борьба возникает. Драка. Взаимное мочилово. Не важно, какого пола эти одиночества, сразу после встречи начинается рок-н-ролл, детка, с выяснением, кто - чемпион, а кто - лузер, кому -- победа, а кому -- обида, кто -- victor, а кто - victima, кому управлять обозримой вселенной, а кому петь "олл ю нид из лав! Па-па-рам-пам-пам". Мои слова, кстати! Не отвлекаемся! Так вот, выяснение кто главный, кто главнее, а кто рабский раб из двух и более повстречавшихся персон есть закон вселенной. В Солнечной системе понятно, кто босс. А в Галактике наше Солнце подпирает дальнюю стенку, как страшная девка на танцах. Земля, однако, у этой девки на

побегушках. В этой картинке Луна, получается, была бы самой-самой зачуханной жертвой, рабыней всех господ. Если б не капсула "Аполлон" вокруг Луны, а в капсуле -- астронавты. Но это так, к слову.

В чём, собственно, состоит предложение Советов, озвученное их министром Громыко канцлеру ФРГ Курту Кизингеру?

Они предлагают встретиться двум персонам. Немецкая Труба и русский Газ. Потом, правда, вместо Трубы - немецкая Марка, но Труба в начале. Свидание они предлагают долгое, на десятилетия. Что тут важно уточнить, особенно для моих не немецких читателей. Это только издалека Труба такая толстая, стальная и длинная. И всегда блестящая и не вялая. Вблизи-то она с дыркой во всю свою суть. Труба, она - Ди, она -- Она! И Марка немецкая -- Она! А Газ -- Дер! Понятно вам, нет?! Дер! Дер! Дер!!! Газ -- Он! И Он -- русский.

И если вы, читатели, подумали про насильственный секс, то вы облажались, всё гораздо хуже.

Это мы, европейцы, мы, американцы - покорители Мироздания, властители среды обитания, мы вспарываем реальность ножом, тычем этой суке пальцем в глаз, бьем ей кулаком в морду, только что воткнули стрелу Аполлона в эту рожу на небе, короче мы, Запад, ведём себя с ней по-хозяйски. Они же, русские, пялятся на действительность, как на картину в музее, словно какой-нибудь скучный Скрябин или унылый Шостакович вяло машут ладошкой в такт песенкам мира, мечтают чего-то русские эти, глядя на облака или звезды, как неграмотная сельская девка, то есть поведение у них по всем признакам не господское, глупое, а значит - они слуги в этом мире, так? Других-то вариантов нет. Или есть?

Ю а май харт, ю а май соул! Ай кип ит шайнин евривэа ай гоу!
Отличные слова! Не забыть предложить Роллингам, нет, Битлам. Опять отвлёкся, возвращаемся.

Вчера на моём семинаре чужой аспирант призывал меня отказаться от негативной диалектики, мол, время конвергенции пришло, я, говорит, ветеран Вьетнама, я знаю Восток, и если не мы их конвертируем, то они

нас, причём безжалостно, а вы своим нигилизмом плохо влияете на направления мысли в Европе. Речи ваши, говорит, смертельно опасны! Нигилизм! Надо же, американец, башка бритая, глупая, а термин из Хайдеггера использует.

Мне стала вдруг понятна моя мысль!

Мы с русскими расположены перпендикулярно! Мы смотрим на реальность через оптику снайперской винтовки, с подготовленной позиции, умно и остро. А они тупо! Варварской казачьей конницей, широким фронтом. Они лицом к реальности, параллельно, мы последовательно. Пересечение даёт крест! Нельзя Крест! Это будет крест на могиле Европы! Вот оно!

Газопровод - это стальная цепь. Газопровод - это экономика. Всё есть экономика. Всё есть связь господина и раба. Немец согласен на достойного господина! Русский для немца станет господином?

Сваркой отпилить, отрезать и не прижигать эту штуку, чтоб кровящи много, чтоб вся вытекла, и струями, и лужами, чтоб пузырилось! А потом огнёмётом!!!

Нет. Русский не сделает немца рабом. Немец станет для русского братом. Как в Восточной Германии. Это противоестественно. Это невыносимо. Это прекратить!

А вот для Роллингов стихи. Эпплз он зе сноу! Кэн ай гет зе сатисфакшен? Ноу!

Документ 220

Отчёт капитана Ивана Лисицына

о поисках

в мае 1970 года

Это вынужденная реконструкция отчёта капитана Лисицына, составленная из обрывков воспоминаний А. Н. Косыгина и А. А. Громыко, из частей других отчётов майора Лисицына и докладов подполковника Лисицына и из опровержений некоторых журналистских версий, данных генералом Лисицыным, ибо сам отчёт, существовавший в единственном экземпляре, в 1999 году был выкраден из служебной библиотеки Правительства РФ перебежчиком Олегом Калугиным и вывезен в США, где подвергнулся поверхностному контент-анализу офицером ЦРУ, интересовавшимся больше бейсболом, чем буквами, и по результатам анализа -- часто встречающиеся слова Луна, Аполлон, космос - был передан в секретный архив НАСА, где помещён в тот самый несгораемый шкаф габаритами 1 x 4 x 9 метров, в котором хранились все оригиналы кино и фото плёнок, снятые астронавтами на Луне, в Вирджинии, на Луне, в Неваде, по пути к Луне, в Зоне Пять Один и по пути обратно, на Гавайях, а также все 380 кг лунного грунта, и который -- шкаф -- пропал, стоит ли напоминать, в 2006 году, о чем НАСА и сообщило человечеству без заметной печали на официальном лице. Несколько позже перебежчик Олег Калугин, экс-генерал КГБ, зарабатывавший на жалкую жизнь в дорогом городе Вашингтоне проведением автобусных экскурсий по шпионским местам столицы США, скоропостижно скончался от обширного инфаркта непосредственно на рабочем месте. По словам водителя автобуса, обвешанный сувенирными значками пожилой турист из Джорджии случайно уколол иголкой Олега Калугина, заметил свою оплошность, обнял экскурсовода, сказал тому, что это же почти не больно, слушай, сейчас пройдёт, мамой клянусь, а через пять минут вообще всё, брат. И скорбно улыбнулся. Последними словами Олега Калугина, предателя и перебежчика, которые разобрал водитель автобуса были "Дотьянулсо фроклиатий..."

Москва, Кремль,

кабинет Председателя Совета министров СССР

тов. Косыгина А. Н.,

9 мая 1970 года, вечер.

-- Наливай ещё, Ваня, с Днем Победы нас с тобой! Нас с тобою наеба-
али-и, и подмо-ога не придёт!

-- Это старая военная песня, Алексей Николаевич? Не слышал раньше.

-- Это правда жизни, а не песня, Иван. Будем!

-- Есть быть! Ух! Такая грустная песня в такой Праздник? Почему?

-- Сам подумай, капитан, что это я с тобой на работе сижу в Праздник, а не с семьёй отмечаю Двадцать пять лет Победы? Подумал? Наливай.

-- Так точно, подумал. У нас всё плохо, я имею ввиду со Сделкой.
Подозревал.

-- Умён не по годам. Эх, говорили мне гопники лиговские, в двадцатых
годах ещё говорили: не садись играть с урками ни во что! Ни в карты, ни
в шашки. Даже если урка тупой иль пьяный, не садись! Сел, старый
дурак. Тебе мои ошибки, ну не исправлять, тут уж поздно, но
уголовников этих... с-суки. Задание тебе будет, капитан, самое сложное
из всех возможных.

-- Я готов, Алексей Николаевич.

-- Конкретики в задании нет, есть цель, она же - государственная
необходимость. Понимаешь, какой парадокс. Если некая группа
товарищей в высшем партийном руководстве не сдаст нашу страну
Западу с потрохами, а к этому, похоже, идёт, то есть, если нам повезёт,
и этого не случится, то будет Третья Мировая Война. Жуть, да? Хотя.
Даже если нам не повезёт, и предатели победят, война всё равно будет,
не через десять, так через пятьдесят лет. Нам с уродами на одной
планете не ужиться. Отсюда твоя задача -- езжай в США и найди
Старших, с тем чтобы мы могли их всех убить перед началом Третьей
Мировой, тогда может и войны избежать удастся. Такое уже бывало в
американской истории, убей вождя и войско разбежится, ну там Кортес,

ацтеки. Да? Наливай.

-- Есть! Так вроде Старшие -- это банкиры из ФЭЭрЭс? Агент Боб говорил.

-- Ага. Банкиры - официальная элита, их все знают, они на виду. Но вообще-то они второй эшелон власти. Банкиры это просто продвинутые торгаши, нечем им думать на годы вперёд. А Старшие это стратегия, управление движением общества, ключевые решения на отдалённое будущее, высший уровень западной власти. Возможно, именно им бегал звонить Роберт Кеннеди во время Карибского кризиса, наверняка их приказы исполнял Джонсон, когда предлагал мне Сделку три года назад. Старшие не светятся, ни в прессе, ни вообще. То есть официальная элита точно знает, что она не конечный уровень принятия решений, что есть Старшие, директивы от них получает, банкиры с президентами, возможно, кого-то из них даже видят на аудиенциях, но со спины. Лиц нет. Вот этих безликих и надо тебе найти. Как тебе масштаб задачи, капитан?

-- Спасибо за доверие, Алексей Николаевич! Значит, выяснить -- кто это такие, имена, явки, должности. Разрешите применить физическую силу к агенту Бобу, уверен, он очень много знает.

-- Делай, как считаешь необходимым, Иван. На кону судьба человечества. Можешь даже Джонсона кокнуть, или Никсона грохнуть, или Киссинджера замочить, или всех их разом, если будет крайне необходимо для выполнения поставленной задачи. Но, думаю, тебе не придется, ты парень толковый. Вот, держи, козырь тебе для переговоров. Пять цветных фотографий.

-- Ого! Это то, что я думаю?

-- Да. Наш Военно-морской флот постарался в прошлом месяце. Учения "Океан" в Атлантике, слышал?

-- Так точно!

-- Ещё кой чего. Там в Америке есть тайный, добрый и неожиданный друг нашей страны по имени Говард Хьюз. Слышал имя? Да. Самый

богатый человек в США, приятель Никсона. Это его фирма спроектировала аппараты "Сервейер", которые мягко на Луну садились. Загляни в посольство в Вашингтоне, вот к этому человеку, он не из андроповцев, достойный офицер КГБ, он объяснит тебе, как обстоят дела на самом деле, запомни и бумажку уничтожь, и поможет тебе выйти на контакт с Хьюзом. Как ты понимаешь, самый богатый человек в США должен знать дороги к Старшим. Подготовься, изучи всю доступную здесь, в СССР, информацию по этому вопросу, и чтобы до конца мая предоставил мне результат.

-- Есть! Разрешите приступить?

-- Удачи, товарищ капитан!

-- Служу Советскому Союзу!

США, Нью-Йорк, Манхеттен,
угол 22 улицы и 2 авеню,
кафешка,
май 1970

-- Это что, Боб, твоя любимая столовка? Почему ты меня именно сюда позвал?

-- Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ты смешной клоун, столовка, Ваня! Ха-ха-ха!

-- Ну, котлетная.

-- Возьми себе котлету! Гы-гы! Очень вкусные тут гамбургеры, возьми.

-- Спасибо, я лимонаду попью.

-- Лимонаду! Под столом! Это кока-кола! Ой, не смей меня, Ванька. Уф!

-- Я смотрю, аппетит у тебя зверский, четыре порции взял. Оголодал

совсем? Зарплату не платят капиталисты проклятые?

-- Снова уф-ф. Дай отдышаться. Ха! Капиталисты. У нас, у капиталистов, всё хорошо, Иван, и с бизнесом, и с деньгами. Это у вас, у грязных комми, всё плохо. Зачем припёрся?

-- Дело есть, но не к тебе. Однако, ты можешь помочь. И поможешь.

-- У-тю-тю, коммуняшка ты моя! Щас. Чизбургер вот этот доем, а потом вот этот гамбургер, а потом ещё кофе выпью, а потом пойду посру, и снова чизбургер есть буду.

-- Приятного аппетита! Возможно, Боб, мы в последний раз с тобой пересекаемся, так что цени момент, попробуй недолго побыть серьёзным.

-- Ценю, Ваня, уже! Давай, я буду жевать, а ты, ха-ха, говорить. Валяй!

-- Слушай внимательно. Газопровод, авто и другие заводы будут строиться ещё лет пять-шесть. За это время много что изменится, например, Никсона на второй срок не изберут. Отсюда и моя настойчивая просьба к тебе, Роберт, познакомь меня со Старшими. С теми, то есть, с кем можно работать долго, кто принимает главные решения у вас в стране, с кем Джонсон советовался перед заключением Сделки, с теми, на кого, уверен, ты работаешь. Я знаю, что это не банкиры из ФЭЭрЭс, ты меня тогда обмануть пытался, ну да ладно. И, кстати, почему Никсон со Старшими не советовался, когда мы с ним в Белый дом ездили? Сразу много вопросов и просьб, могу повторить, если не запомнил.

-- Настоятельная.

-- Что?

-- Просьба -- настоятельная, а не настойчивая, околодурок Ваня! Ха-ха! Сiju на Манхеттене и учу русского его языку! Ха-ха-ха! А с не той стороны, почему не? Я образованный высоко, из уважаемой в Техасе семьи, в престижной школе учился, абсолютно русский и испанский знаю, потом выпускник Wild West Point. Отчего бы не поучить дикого русского? Да, лейтенант?

-- А я из неполной семьи, Боб. Вырос в бывшем лагерном бараке, в Сибири. В школу ходил по шпалам, за десять километров каждый день, не всегда даже в обуви ходил. Наставниками по жизни у меня были откинувшиеся урки и не раскаявшиеся политические, отчего ножом и базаром я с детства владею лучше, чем карандашом и ручкой. Так что зря ты меня оскорбить пытаешься. У нас в бараке такое не прощали. Окейна? А теперь поучи меня. Поделись знаниями про Старших. И, да. Мое звание - капитан, Боб.

-- Ну, вау! А я майор. Майор ВВС США Роберт Х. Скуллз Третий. Окей. Про Старших. Нет, про Никсон сначала. Никсон не ждал приказа Старших потому, что их представитель у него работает, советником по безопасности нации. Генри Киссинджер зовут его. Умнейший парень! И они уже всё решили ещё до вашей поездки к Джонсону. Дик, головой помятый, правда, что-то мутить вздумал, но ты показал высший пилотаж, я говорю, дипломатии, Ваня, никто не ждал тут. Случайно, нет? Но выдающийся молодец!

-- Если нас хвалят, жди подлянки. Молотов правильно заметил. Дальше. И что этот Киссинджер? Он из Старших или связник с ними, я не уловил?

-- А всё. Я всё сказал, Ваня. И даже много сказал, но это только из восхищения твоей случайной профессиональной удачей. Ну и ещё. Муа-ха-ха!!! Ещё из жалости, комми! Жалкий ты, Лисицын! Лузер из страны неудачников! А я -- евангельский христианин, я тебя жалею, а тебе этого не понять, ты коммунист. Съешь гамбургер, коммунист, на человека станешь похож. Ха-ха-ха!

-- То есть, с Киссинджером ты меня не познакомишь?

-- На, откуси от моего, очень вкусно, я угощаю, платить не надо. Да и денег у тебя нет! Вы попрошайки, комми, шайка попро! Ха-ха-ха! О-ой. Ой что-то, фу-у. Фак! Навалило! Страшно! Ваня, Ваня! Что это вдруг?! Пошли с тобой выйдем отсюда, подышим в переулке. Пошли, пошли скорее! Во-от. Щас пройдёт, пройдёт.

-- Да что с тобой, Роберт? Бледный. Траванулся?

-- Трава, да. О-ой. У-у-уй! Плохая, плохая попалась!

-- Ё! Так ты на наркотиках, Боб? Наркоман, что ли? Мать моя женщина, а я думаю, что такое?!

-- Я не наркотики, это марихуана. Я на измене. Пошли за угол, а то копы. Тихо тут. Дышать, дышать. А зачем тебе нож, Ваня? Ты что?

-- Отрежу тебе что-нибудь, Боб. Надоел ты мне. Кто такие Старшие? Как и где мне их найти? Говори. Заорёшь -- вырву тебе кадык. Не ответишь -- отрежу нос. Соврёшь -- отрежу ухо. Какое тебе не жалко? Левое? Правое? Слушаю.

-- Не делай этого! Иван! Не надо!

-- Ты, смотрю, не слишком испуган, Боб. А теперь?

-- А-а-а!!! Фак, фак!!! Это кровь!

-- Не ори, убью. Ты, похоже, не знаешь ничего. А значит мне не нужен. Читай последнюю молитву, евангелист. Я щас буду жестоко мстить тебе за Вьетнам. За мои невыносимые, запредельные, невозможно возмутительные, фантастические страдания я тебя сейчас медленно зарежу.

-- Стой, стой, стой! Чего ты хочешь? Я всё скажу, что знаю. Остановись, Иван, пожалуйста! У меня кровь, кровь течёт!

-- Царапина. Зажми рану рукой и говори. Где Старшие? Кто такие Старшие? Имена, должности, адреса?

-- Я ничего этого не знаю, русский, не будь дураком! Я просто знаю, что они есть.

-- На тебе, тварь!

-- А! Факинг русский! Окей, оллрайт! У боссов, у лучших людей Америки, то есть встреча очередная планируется со Старшими, это всё, что знаю. Тридцать первого мая, в Богемской Роще на Русской реке, недалеко от Сан Франсиско. Я слышал, как Никсон это с Киссинджером обсуждал на прошлой неделе. Они её называют -- встреча

согласований. Это всё, Иван, честно. Но не ходи туда, не сувайся, тебя сразу же обнаружат и убьют!

-- Посмотрим. Но если убьют -- не страшно. Умереть за Родину - почётно, мученикам все грехи на том свете списываются, да, евангелист?

-- Это не шутки, русский. Там самые серьёзные люди на планете в кружок сойдутся. Они не смеются вообще!

-- Спасибо за заботу, Боб. И благодарю за сотрудничество. Партия тебя не забудет! Я сейчас пойду отсюда. Ты же не вызовешь полицию мне вдогонку?

-- Нет, ты что, Иван, это было бы нечестно.

-- Гарантируешь?

-- Ну, конечно, Иван!

-- Н-на! Полежи тут, не замерзнешь. Нокаут -- лучшая гарантия.

Продолжение приключений Ивана Лисицына в США в мае 1970 года может быть опубликовано только в ночь второго полнолуния после смерти или похорон Генри Киссинджера, в зависимости от того, что наступит раньше.

Документ 230

Дружеская беседа

Председателя Совета министров СССР

А. Н. Косыгина и

первого астронавта на Луне

Н. Армстронга,

Москва, Кремль,

02 июня 1970 года

-- У-у, какой! Дай я тебя вблизи! Прямо одно лицо! Юра, правда, не был таким печальным. Ему-то чего печалиться? В целом, понятно, почему плохая копия, торопились очень. И стратегия ясна, в будущем, надо ожидать, и двенадцатое апреля присвоите. Я имею в виду, рады вас приветствовать, товарищ Армстронг, на советской земле! Как долетели?

-- Э-э... Спасибо, господин премьер-министр. Долетели хорошо. С комфортом.

-- И до Луны, говорят, с комфортом? Выдающиеся успехи показывает ваша индустрия, товарищ Армстронг. У нас таких успехов нет, и, надеюсь, до таких успехов мы никогда не докатимся.

-- Да, господин премьер-министр. Согласитесь, первые успехи СССР в космосе были во многом случайны. Только в Америке передовая научно-техническая индустрия...

-- Я об индустрии кино, сынок. Что ты так побледнел? Улыбайся, бедняга, репортёры кругом! Делай вид, что рад мне, как отцу родному и слушай внимательно. Твои режиссёры или, как их там, продюсеры решили нарушить Сделку, которую заключили я и ваш прошлый президент три года назад. Даже не нарушить, а похерить, переводи ему адекватно. Понял, что значит похерить? Это то, что я сделаю с репутацией твоей страны, если наша Сделка будет расторгнута. Чувствуешь уже запах позора, сынок?

-- Чувствую. Но вы же так не поступите? Иначе, зачем этот разговор? Папа?

-- Разговор этот я бы и не вел, но мне не дозвониться до Никсона, а моему офицеру запрещают встретиться с уполномоченными начальников США. Так что побудешь живой телеграммой, Нил.

-- Не надо, господин премьер-министр. Я уже.

-- Что ты уже?

-- Я уже - телеграмма. Вот, мне дали это с собой, если возникнет такой разговор. А он, я слышу, возник. Я прочитаю, да?

-- Валяй, я весь внимание.

-- Вы, Косыгин Алексей Николаевич, тысяча девятьсот четвёртого года рождения, место рождения Санкт-Петербург знай, что Сделка наша есть больше не действительна. А если вы будете препятствие, мы откроем вашу тайну всем в СССР и по миру. Мы сообщим всем, что вы не Косыгин, а Романов и есть спасшийся от большевиков сын Императора Николая Второго. А это не сочетается с членством в цыка капээсэс. В подтверждение мы представим документы. У нас работают лучшие в мире специалисты по представлению документов!

-- Документы вам придётся переписать, сынок. На самом деле я внук Папы Римского, а ты, соответственно, правнук. И таки да, я есть препятствие. Но я вижу, у тебя три листка в руках. Чем ещё порадуешь?

-- Читать? Не, ну, Алекс, дружище, ну так не честно! Мы же с тобой столько коллекционного бурбона приняли на горло, а ты как будто забыл его вкус! Братишка, родственник! Ты же десять экономических уступок хотел от нас, а получил одиннадцать! Мы честные парни, мы все свои условия выполнили. Так что нашим платежам по Сделке -- конец!

-- Джонсон ваш -- невнимательный пьяница, экономических, как вы называете, уступок должно быть десять тысяч, я это сказал под запись. А конец будет такой: вчера в космос отправился наш корабль "Союз Девять". Да-да, Нил, тот самый "Союз", который спроектирован для облёта Луны. Через семнадцать дней космонавты вернутся и расскажут нам всем в СССР и нам всем по миру что-нибудь чрезвычайно интересное. Так что конец платежам наступит одновременно с концом США. Я имею в виду репутацию США. Хотя...

-- У меня последний листок, господин премьер-министр: мистер Алексей Николаевич, то, что прозвучало здесь в последние несколько минут предлагаем считать недоразумением, окей? Опять бюрократы что-то напутали. Конечно Сделка полностью в силе! Как вы могли

подумать обратное? Однако, вы нас сильно обидели своим недоверием! Вы же подумали обратное? Вы скучный! Вы не любите жизнь во всех её разноцветных проявлениях. Поэтому дальнейшие переговоры о выполнении наших обязательств по Сделке Никсон с вами вести не будет. А Брежнев любит цветастую жизнь. С ним будем говорить. Брежнев смешной!

Документ 240

Запись беседы

Джона Рокфеллера Второго Третьего

с Бакси,

сделанная службой безопасности

Джона Ротшильда Шестого Младшего

Форт-Нокс, Кентукки,

золотохранилище Казначейства США,

15 августа 1971 года

Бакси, золотце мое, где это я? Что тут случилось? Погром? Неужели это подвалы Форт-Нокса? Больше похоже на декорации к фильму про Джеймса Бонда, какой там скоро? Бриллианты навсегда? Бакси, гадёныш, тут должно было быть золото, твоё, сука, наследство, почему я его не вижу? Золото не навсегда? Что скажешь, дешёвка? Все эти разломанные поддоны и вырванные решётки, это что? А?! Я не слышу, Бакси! Молчишь?

Молчит. Надо ещё выпить.

Со стороны, конечно, выглядит жутко: солидный, в возрасте мужчина, в костюме за тысячу, держит в правой руке банкноту номиналом в один доллар, а в левой - бутылочку с зелёной жидкостью. Прихлёбывает из бутылочки и разговаривает с банкнотой. Но брат Карлос сказал, что только так и пробивает к истине. Сказал, берёшь в левую руку ключ, в правую -- икону и идёшь в Место Силы. У ворот Места большим глотком ключа открываешь внутреннее пространство, не спуская глаз с иконы. Это древняя техника американской медитации. Нужно, объяснял брат Карлос, сосредоточиться на том единственном, что не просто так. То есть, всё в этом мире -- просто так, кроме этого. Вот на этом и сосредоточься изо всех сил. Ключ поможет тебе получить ответы.

А ответов нету. Молчит Бакси. Снова глотнем зелёного мексиканского пойла.

О! Я, наверно, неправильно вопросы задаю. Или не те.

Давай, приятель, с самого начала. А где у нас в Америке начало? Правильно. Вид на статую Свободы в ню ёркской гавани. Первая парковка, этакий лимб для будущих американцев, покинувших тот свет ради этого. Начало в пространстве. Во времени началом был Колумб-отец. Его слова -- мои любимые слова. "Золото удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он хочет. Золото даже может открыть душам дорогу в рай". Во-от! Ты слышишь, Бакси? Золото и рай в одном предложении. Тебя Колумб не упоминал. Тебя сегодня свинтус Никсон в Белом доме вспомнил, когда лишил золотого обеспечения. Скотина! Нет, понятно, он ограбил тебя по нашему же приказу, но каков подонок! Посмел трогать тебя, сладкий, своими грязными щупальцами. Как ты, мой маленький, сегодня, а?

Что-то я размяк. Привык я к тебе, Бакси, с детства. Ты такой уютный всегда был, родной, домашний. Мда. Но вообще, это серьёзный вопрос. Как ты сегодня, точнее, кто ты с сегодняшнего дня, Бакси? Изволь отвечать, когда тебя Джонни спрашивает!

Как мне теперь тебя называть?!

Ну?! А может ты не тот, за кого выдавал себя всё это время?! Может

истинный Бакси это тот самый, линкольновский? Или другой, официально усыновленный Кеннеди по указу номер 11110? А ты просто ублюдок, прокравшийся обманом в семью? Кто твои родители, тварь, признавайся! А, ну да. Молчи, молчи. Отец моего отца же твой папа. А ты мне дядя, получается? Или хуже того? И пап у тебя много было. И мой дед -- твой папка, и Джонни Ротшильда, и дед Джей Пи. А мамы ни одной. Ужас! Разве это семья? Что может родиться у кучки старых гомми? Кто тогда я-то? Забористая микстурка у тебя, брат Карлос, одобряю, грант ты отработал.

Что, опять не те вопросы? С самого начала? Окей! Кто ты был с самого начала, Бакс? Как? Кого?! А что значит -- фак зе у. е.? А! Не думать об условных единицах! Быть мудрее, смотреть в суть? Вот как чувствовал, что дойдёт до философии! Сюда бы Ротшильда, он любит такие темы. Но нельзя сюда Ротшильда, только не сюда, я ему последние лет пятьдесят не доверяю. Или шестьдесят. С детства.

Помню, Бакси, как мы с Джонни Ротшильдом, пацанами ещё, лазали через дыру в крыше на чердак Нью Ёркской Фондовой Биржи, а с чердака в вентиляцию и там, затаившись в жестяных коробах, подглядывали в этот огромный торговый зал за бурной жизнью брокеров и разводящих, пялились на быков, медведей и их бригадиров. Джонни даже пытался дрочить. Эту тайную дыру в крыше нам показал Джей Пи Младшенький, и взял за показ для Морганов не дорого, по сотне баксов с Джонни.

О чем это я, Бакси, не напомним, зелёный? Точно! Об удовольствиях. Джонни-то у нас всё хочет тайну денег открыть. Твою тайну, Бакс. То есть открыл уже, говорит. Брошу теперь траст, говорит, уйду в нобелевские лауреаты, буду по миру ездить, по факультетам экономики с лекциями. Я, говорит, самую суть денег теперь знаю, я их неуловимый смысл поймал. Белочку ты поймал, друг мой Джонни, подбирай свой траст обратно.

Как там по твоей теории? Деньги - это яркий блеск, заставляющий получающего их жмуриться от удовольствия, забывать обо всем и терять на мгновения все остальные чувства, покидать, так сказать,

бытиё. А блеснуть может не только золото! Важно, чтобы блеск этот ослеплял всех взглянувших, чтобы это был блеск чего-то исключительного, незаменимого, чего-то сверх! Короче, оргазм такой - деньги. Ла морт петит, как говорят французы. Вот ты типичный банкир, Джонни, деньги только получать привык, верно говорю, Бакси? Лоханулся тут Джонни! Их ещё тратят, приятель! Нефтью что ли займись, жидкой, я имею ввиду, там поначалу надо раскошелиться. В целом, не штырит твоя теория, не вставляет, не плющит, однако, маленькое золотое зёрнышко тут есть.

Ах ты, сука, Бакси, зеленожопая! Опять мои мысли на золото переключил!

Йоу! Что я несу?! Я оскорбил тебя, Бакси, да? Но это не я, это Джонни! Это его идея - заменить твой яркий блеск на слово яркий и слово блеск! Я правду говорю, слышишь?

Не пробивает. Где эта истина? Может это потому, что я с высшей ценностью свысока разговаривал? Как с приятелем, даже со слугой? Я-то всегда считал, что это он мне принадлежит, а на самом деле! Во я дебил. Ты это, Бакси, не бери в голову, что ли. Не принимай близко к сердцу. Дерьмо! Я другое совсем имел ввиду. Ты не правильно меня понял! Верни всё назад, Бакси! Чёрт! Как же слово-то это? Короче, Бакси, мне очень жаль! Бакси, тварь, войди в мое положение!

Фак, что это!? Чуть пальцы не сломал! Кирпич золотой под решёткой! Бухзачистка не заметила. Тяжёлый. С гербом Российской Империи! Тревожный знак. Давай так, Бакси, сэр. На этот поддон, под фонарём, я поставлю слиток, тебя на него ребром, как вопрос, и поговорим, как мужчина с, э-э, валютой. Идёт? Рад, что ты согласен. Ты со мной сейчас не спорь, уважаемый. Я говорить буду. Поймёшь меня, дай знак доллара.

Зёрнышко золотое в теории Джонни есть, я помню, на чём ты меня прервал, Бак! Я сосредоточенный. Я собранный. Я чёткий. Я сижу в подвале Форт-Нокса на корточках с бутылкой в руке, задаю вопросы и получаю ответы. Окей? Я тогда допиваю. О! Осадочек-то серо-зелёный, как ты, малыш.

Ну, Бакси, откроем правду человечеству, то есть мне?

Кто. Ты. Есть. Такой. Теперь.

Итак, Бак, я не буду говорить о твоём возрасте, сексуальной ориентации, политических предпочтениях, это неприлично. Мы поговорим о том, на что первым делом обращает внимание любой цивилизованный белый человек -- о твоей национальности. По национальности, Бак, ты -- деньги. А деньги, как объяснял мне в детстве репетитор по экономике, тот же товар, но со стопроцентной ликвидностью. С тех пор ненавижу это определение. Бред! Товар это металл -- медь, уран, или земля -- острова, уголья, или вода в Африке, воздух в Японии, огонь, газ, нефть - везде. Понимаешь? Стопроцентной, Бак! Я не буду покупать японский воздух, я даже заплачу, чтобы африканскую воду от меня подальше держали. Нет ничего стопроцентного в подлунном мире, Бакси, и в околотунном тоже, кругом обман и подстава, проверено. Сто процентов это чисто понятие. А понятия всегда остаются неизменными, что бы там мистер Доу Джонс не бодяжил. Чуешь, куда я клоню?

Деньги - это не товар, но это сто процентов ликвидности. Было такое с тобой, Бакси? Нет! Когда ты скакал в двадцать девятом году, как наркоша, вверх-вниз, вверх-вниз, люди прыгали за тобой вниз-вниз, без лифта на асфальт Волл Стрит, потому что ты, Бакси, разбивал им сердца! Ты не был верен людям. Ты их губил.

Ты не был понятием, Бак.

Но после Второй Мировой, после заклинаний магов Бреттон Вудса, приравнявших всё золото к тебе, после колдовства ведьм Лос Аламаса, выпустивших огненного петуха из крошечного атома, вдруг стала воплощаться мечта, о которой раньше даже в тайных комнатах штаб-квартиры Федеральной Резервной Системы на Двадцать первой улице столицы говорили только по двое и только шёпотом. Эту мечту гениально кратко выразил какой-то поэт: "Всё куплю, - сказала злато. Всё возьму, - сказал булат". Если поставить тебя, Бак, на подоконник в тайной комнате, реверсом к закатному небу, нагнуться, прищуриться, глянуть сквозь тебя на золотистый свет и вообразить, что Булат это твое

имя на каком-то древнем забытом языке, то увидишь чудо! Капитал и Сила в неразлучном единстве! Деньги и Власть, слившиеся в органическом синтезе в маленькое прямоугольное нечто с торжествующим лицом Джорджи Вашингтона на обложке!

Ты мог стать живой идеей, Баки! Ты мог превратиться в сто процентов!

Эта мечта была на расстоянии вытянутой руки, Бакс. Мы, сука, могли выдать столько кредитов, чтобы навсегда утолить жажду! И нам бы никто не посмел помешать! Это высокая цель! На прибыль ты мог бы скупить всё золото мира! Всё, даже то, что ещё в шахтах. Произнеси волшебные слова "мой фьючерс - моя прелесть", и ещё не открытое рыжью, а значит абсолютно всё золотишко из недр планеты стало бы твоим, Бакси! Вот он - правильный конец Истории: когда не останется ни одной крупинки золота на Земле, которую бы ты не купил, к тебе, Бакси, придут все народы мира, потому что только ты сможешь открыть душам дорогу в Рай!

Ты просрал мою мечту, Бак!

Ты зачем-то полез в Азию и жжёшь там напалмом! Ты, сука, платишь неграм пособия по безделью, когда пуля в тыщу раз дешевле! Ты рисуешь нам Луну за бешеные миллиарды, хотя таланта художника у тебя на цент, ублюдок! Ты продаёшь русским хлеб по дешёвке и строишь им заводы за так, а мог бы купить их за джинсы со звёздно-полосатым на жопе! По каждой вонючей тропинке скачешь, на любом поле посрать садишься!

Ты - ёбаный комми, Бакс! Почему ты платишь, урод, почему не тебе?!

Ты, гадёныш, обманул нас в очередной раз.

Всё. Некому больше за тебя вступиться. И никто не оплатит твои счета. Это только золото может открыть душам дорогу в рай. А ты, ублюдок, не светишься, как раньше, не греешь души, темно вокруг и холодно.

Теперь перед тобой только мрачная бездна, и ты будешь прокладывать нам всем путь в эту тьму. Никакой больше романтики. Ты стал взрослым, вижу, какие у тебя зубы сильные. Вон косичка

металлическая - недавно была решёткой, а эта фанерка - поддоном. Решительно ты, Баки, с райской мечтой порвал.

Я понял, кто ты теперь, Бакс. Место, которое людишек удерживает в месте, вместо того, что их должно удерживать вместе. Как-то так. Короче. В поте аверса своего станешь пахать тьму беспредельную, а в ней построишь уже не домик лично для себя, а самый большой барак, где мы сможем хранить все-все людские души.

Вот так. Мечты нет, но ты-то есть.

За работу, бумажка!

Документ 250

Председателю КГБ Ю. В. Андропову
доклад Службы наружного наблюдения
о встрече объекта "Иван" с объектом "Филя".

Место - МГУ, философский факультет,
кабинет Кафедры диалектического материализма,

31 января 1973 года

Объект "Филя":

Берите стул, вот тут садитесь, товарищ майор, ничего, что я по-простому с вами, Иван, я же вас старше лет на десять всего, и Алексей Николаевич тебя так называл, Ваня, когда просил по телефону, чтобы я объяснил тебе, чувак, как обстоят дела на самом деле и действительно ли ты -- предатель Родины.

Я, доктор философских наук, сейчас тебе всё объясню. Моя

специализация -- природа Истины, так что ты сидишь по адресу. Начнём издалека, слушай внимательно, записывать нельзя. Поехали, как говорил Юрий Алексеевич.

Ты кто вообще по жизни? А я кто? А Косыгин с Никсоном? Люди мы с тобой и Косыгиным, несовершенно существа, сделанные из мяса, костей и амбиций, люди пожизненно сосланные за забытые преступления в этот уродливый мир. Это не я открываю тебе горькую истину, она давно известна. Был такой философ в Древней Греции, кличка - Платон. У него в книжке "Государство" описывается модель окружающей нас со всех сторон действительности, посвящённым известная как "Миф о Пещере". Там, короче, худшая часть человечества, то есть все люди вообще, с рождения до смерти парятся в мрачной темнице естественного происхождения, а лучшая часть человечества дразнит сидельцев, загораживая свет снаружи своими телами и специальными фигурками. Несчастные, значит, сидят в пещере, скованные цепями по рукам, ногам и голове, лицом к Стене, спиной к выходу, Солнца никогда не видят, о существовании белого света не подозревают, наблюдают только мутные тени и слышат только эхо неизвестного происхождения. Люди не видят Солнца, значит, люди не знают Истину. А Истина, по Платону и его древним корешам, это что-то нездешнее, не подверженное влиянию безответственных товарищей, это небесный огонь, освещающий вечные и неизменные Идеи, которые, в свою очередь, отбрасывают тени на Стену в платоновой пещере. Истина, продолжим мы в двадцатом веке, это краткий и исчерпывающий ответ на окончательные вопросы, типа, что это за шняга вокруг под названием Мир, зачем мы здесь, когда и чем всё это кончится?

О существовании этого лживого мира нам сообщают зрение, слух, осязание, нюх и так далее, чувства, короче. А наши чувства, по природе своей, убогий инструмент, там, где нужно, не помогают. Радиоволны мы не видим, ультразвук не слышим, уран от плутония по запаху не отличим. Но и там, где могут, чувства не говорят нам правду про реальность, а точнее, с нашего рождения про неё врут. Вот, например, колючая проволока. Простейший предмет. Но если смотреть на неё

снаружи, испытываешь сложный компот эмоций, сваренный из счастья и страха. А если смотришь изнутри, чувствуешь отчаяние и уныние, сдобренные для остроты маленькой капелькой надежды. Улавливаешь? Те же самые глаза, та же колючка, а какие не похожие эмоции! Или, к примеру, стул. Объект, не достойный и секундных мысленных усилий. А если поставить его в подвал, в комнату для допросов? А по какую сторону от стола с яркой лампой его поставить? Понимаешь? Одна и та же жопа, один и тот же стул -- радикально разные ощущения! Наши чувства и есть наши цепи. Мы не видим, не щупаем, не нюхаем, не хаваем вечную Истину и никогда не сможем этого. Сказывается обезьяна в предках.

Итак, давным-давно Платон выяснил, а мы головой покиваем, что где-то там, на небе есть некая Истина с большой буквы, подсвечивающая Идеи, которые отбрасывают тени в наш лживый мир, и только эти тени мы и принимаем за реальность. Стул, на котором ты сидишь есть тень, искаженный образ Идеи седалища, ты -- тень Идеи человека, мальчишка, подслушивающий за дверью -- тень, я, Косыгин, МГУ, планета Земля, Луна твоя любимая суть еле заметные двухмерные призраки на серой Стене.

Однако, не забываем, что Платон и братва жили в рабовладельческом обществе, унылая пещера без канализации и электричества, цепи на руках и ногах знакомых и соседей были для Платона не страшной сказкой, а наблюдаемой повседневностью. С тех пор общество и науки о нём одолели тяжёлый путь и сегодня мы живём, без скромности, на вершине прогресса, в первом в мире государстве победившего, назовём его так, социализма, для изучения которого у нас есть окончательная, даже скажу, последняя наука -- марксо-ленинская философия, в коей я, как ты понимаешь, преуспел, ведь тебя ко мне послал не кто-нибудь, а сам Косыгин. Далее. Не изменившись существенно за тысячи лет, сейчас платоновская картина мира выглядит более развитой и снабжена подробностями. Эти подробности я тебе опишу в их диалектическом развитии.

Ты же из Сибири, да? Не из каких-нибудь швейцарских Альп родом? Значит с детства тебе ближе реальность не пещеры, а лагерного барака.

В классической такой зоне, сибирской, которая помнит Солженицына и куда Сахаров сухари сушит. Представь, что ты зэк, погоняло твоё Ванька Лис, и вместе с остальными ты находишься в огромном бараке, протянувшемся по всей зоне с Востока на Запад, длинном очень бараке. Северная стена внутри барака глухая и ровненько вымазана цементом, а в верхней части южной стены во всю её длину прорублено окно. Все заключенные в бараке живут тут с рождения. Бытовые и гигиенические подробности оставим за скобками. С малых лет у вас на ногах и на шее оковы, так что никому не двинуться с места, и видите вы только то, что у вас прямо перед глазами, ибо повернуть голову не можете из-за этих оков. А сидите вы в один ряд, плечом к плечу, лицом на север, спиной к южному окну, сразу за которым тянется высокий деревянный помост или, иначе, узкая платформа во всю длину окна. Все вы видите только Стену, и никто из вас не подозревает, что за спиной есть окно. Зона у нас промышленная, так что по платформе бегают работяги с брёвнами, инструментами, на пилораму, например. А навстречу им другие, с бочками воды, тачками песка, арматурой -- на завод железобетонных изделий. Промышленность эта нужна, как нетрудно догадаться, для укрепления и расширения самой зоны. Днём Солнце освещает помост, ночами - прожекторы и да, Луна. Зона работает в три смены без выходных. Все тени от людей и производственных процессов на помосте отбрасываются на северной глухой Стене барака. Эти тени -- единственное, имеющее отношение к внешнему миру, что заключенные видят за свою жизнь в бараке. Рабочие волокут мимо окна доски, железные прутья, гремят, задевают друг друга, матерятся, дерутся с дикими криками. Эти звуки -- всё из заоконной реальности, что заключенные слышат в своей жизни. Ещё, конечно, зэки друг с другом иногда общаются, выгнув до упора шею и скосив глаза, могут разглядеть цепи ближних соседей, чувствуют их запах и даже отличают его от ароматов зимней Сибири, проникающих сквозь щели в бараке, но о том, что есть окно, многолюдная платформа за ним, солнце, прожекторы да и вообще целая зона, заключенные не подозревают. Да и с чего бы вдруг подозревать? Ваня Лис, как гвинейский папуас с неоткрытого острова, у нас по жизни серо и холодно, у них в джунглях всегда влажно и зелено, и ни тот, ни другой не догадываются о существовании цивилизации и передового учения. Если в потном ряду

зэков родится и случайно вырастет авторитетный мудрец, какие суждения про реальность он сможет озвучить, какие образы будущего он сможет предугадать? Мир - это серая Стена, на которой круглосуточно пляшут глухо матерящиеся тени? Или, смотри, братва, вот эта тень слева, с топором которая, ведь у ней борода, а значит боец опытный и того молодого справа, с лопатой наверняка забьёт! Вот как воткнется тень-топор в тень-башка безбородого, так и победил, считайте, старик! Да? Такую фигню может поведать аудитории любой закованный сиделец, все мы видим одну и ту же одноцветную картинку, мы все мудрецы в нашем бараке. Сосед слева, сосед справа такой же как и ты без вины виноватый, такой же страдалец. Отличается от тебя разве что рисунком ржавчины на ошейнике. Серая Стена, чёрные тени, холодная вонь и негромкий мат одинаковы для всех вас, эту предельно возможную в вашем мире истину каждый русский зэк видит, нюхает и слышит также, как и его сосед по несчастью.

Печально, да? Зачем жить в таком мире и не лучше ли не жить? Вы там, поди, легенды друг другу пересказываете, да, Ваня, о том, что с мёртвых снимают оковы и умереть, значит стать свободным. Однако, это только начало истории.

Представь, что оковы сняли с тебя, ещё живого зэка. Заставили встряхнуться, размять шею, посмотреть в южное окошко. Да что посмотреть! Солнечным летним днем отвели тебя на помост, поставили у перил, руки бледные с пальцами дрожащими протяни и коснешься спешащего мимо трёхмерного работяги, тусклое стёклышко дали, чтобы не ослеп с непривычки. Даже не говорили ничего, ты сам понял -- вот это и есть настоящее! Подставить лицо Солнцу, вдохнуть дым соляры полной грудью, услышать ясно и отчетливо запах перегара и "убери грабли, чувырло!", это ли не счастье? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтешь ты блаженством перемену своего положения и разве не пожалеешь ты своих корешей, а, Ваня?

Не пожалеешь. Сам прикинь. Ты стоишь на помосте под открытым небом, головой вертишь в разные стороны, дышишь полной грудью, руками машешь, а тени, эту свою недавнюю реальность, различаешь

разве что среди мусора под ногами, вопрос - вспомнишь ли ты о товарищах? Только как о кошмаре, галлюцинации, страшном сне. И пожалеешь, но не других сидельцев, а себя.

Когда притащат Ваню обратно и закуют в привычное, разве не станет он плакать, проклинать судьбу, презирать соседей? И разве не задаст он вслух вопрос -- кто виноват? Кто поместил его в заключение, кто издевательски освободил, а потом, коварный, вернул назад? Зачем и за что?

У Платона нет ответа. У нас есть. Никто, ни зачем и просто так.

Во-первых, никто его не выведет наружу под конвоем, свежим подышать, солнышком полюбоваться. Некому выводить, это раз, и нет дверей из барака наружу, конструкцией не предусмотрены, это два. А те урки, кто уже на помосте, Солнца не замечают, про барак не помнят, вообще ни на что не отвлекаются, ибо они находятся в настоящей действительности, а не в мире теней, а значит вкалывать надо, действовать, ведь на пулемётной вышке сидит некто, искренне и давно желающий тебе смерти. Арбайтен, зэчара! То есть, если зону строить и укреплять, с вышки не начнут стрельбу. Если не халтурить, не прятаться в бочку или под перевернутую тачку, получишь не пулю, а дневную пайку. Во-вторых, обратно в барак зэка никто с проклятиями не возвращает, тоже некому. Нет таких посредников-конвоиров между мирами. Почему? Потому что конвой - это работа для ответственных личностей. Для кого, для кого, спросим мы?

Всё дело в том, что ты не есть личность, как самоценная единица Бытия. И я. И он на портрете. И пацан за дверью. Ты -- винтик, член класса, следствие экономических отношений, герой, мля, труда. Относишься к средству производства так, как хочешь, чтобы реальность относилась к тебе. Ты есть объект, такой же как остальные, тачка с песком, например, или прожектор на вышке, просто сложнее организованный. Ты есть претерпевание. Ты просто страдание. Это с тобой происходит, а не от тебя исходит. Единственный субъект во Вселенной это злой рок, он же -- второй закон термодинамики, гласящий, что всё плохо и будет только хуже. А никаких личностей в

природе нет. И над природой, и до Вселенной нет, и в прошлом не было, и не родятся никогда! Ни тут, ни там. Нет никого, кто был бы в ответе за всё. Мы обречены рождаться в оковах, страдать просто так и умирать во тьме. Новый русский космизм Сергея Павловича Королёва всего лишь обман населения. Никому нет дела до истины, и потому, что истине на нас наплевать, и потому, что истины никакой нет. Это я тебе как специалист говорю. А королёвское "братство" всего лишь древняя тактика обороны слабо укреплённого населённого пункта от монголо-католического десанта.

Ты скажешь, наговариваете вы на нашу Сибирь, товарищ! Нет у нас таких зон, чтобы одни зэки всё время в цепях, а другие круглосуточно вкалывают. Отвечу. Нету, конечно. Этот миф Платон придумал, к нему претензии, мы просто расширили и углубили.

Что там, на помосте за окном? Солнце, воздух, нет цепей! Рай? Нет! Суровая действительность. Враги кругом. Ад.

Кто эти люди с тачками и арматурой? Почему они, кажется, свободны? Почему они, а не мы на свежем воздухе? Они ли -- лучшая часть человечества? Платон темнит, а мы расскажем. На помосте такие же точно заключённые. Точнее, те же самые. Вот такой парадокс. Там в бараке -- страдание, оно же претерпевание, на помосте активность, действие, оно же действительность. Две стороны одного и того же тупого, бесцельного бытия. Когда заключённый в цепях, измучившись, засыпает, он обнаруживает себя в мире грез, под бездонным небом, бегущим по доскам навстречу ветру с мешком цемента на плечах. Когда вольный работяга устаёт в этом аду, он просыпается в другом аду, где только и может отдохнуть от бессмысленных движений своего тела в мире якобы свободном от оков.

Не мы такие, жизнь такая, как говорят уголовники. Хе-хе! От жаркой работы тает твой срок! Ещё ха-ха. А вообще-то правда. Дело в географии, как считает сын поэта Анны Ахматовой. Я тут вспомнил историю, на Россию до времён Ивана Грозного и после чужие не нападали только с двух из восьми сторон света -- с севера и северо-востока. А так, по часовой стрелке -- монголы, персы, горцы, крымчаки и

турки, поляки и литва, шведы и прочие немцы, каждый год и по нескольку раз в год. Вся жизнь русского перед лицом насильственной смерти проходит. Принимай форму, Россия, формируйся, дух нации! Трусы первыми гибнут в бою, так как спину подставляют. Сильные выживают и дают потомство. Вот мы и появились, стали пассионарными, как обзывает нас сын другого поэта, Николая Гумилева. Короче, бытиё определяет сознание, задает сознанию, так сказать, рамсы, которые в нашей культурной традиции принимают образ платоновской зоны.

В Сибирь мы ещё вернемся, пока нам придется вспомнить о западной части нашей зоны. Да-да, ты правильно понял, у зоны нет периметра, она занимает весь наш шарик. И каждая культура и цивилизация в нашей зоне представлена своим помещением без дверей и с одним окном. У них это опять чёрный барак, только не из брёвен, а из фанеры и крыша плоская. Также с востока на запад ориентирован, тоже длинный, но не такой узкий, как наш, расположен где-нибудь в пространстве от Турции до Калифорнии, окно на южной стороне, Стена на севере, цепи никелированные и пахнет пустыней. Солнце поярче, тени контрастнее, холода нет, но с водой перебои. И закованы сидельцы не так, как в Сибири, на Западе свои цивилизационные особенности. Или это у нас свои? Не важно.

Далее, как говаривал Аристотель.

Что у них с чужими? Очень всё хорошо у них. За полторы тысячи лет послеримской истории на Запад нападали по-серьёзному два раза, арабы в восьмом веке и турки в семнадцатом. До и в промежутках между этими нападениями западная братва очень успешно резала, грабила и насилвала себя сама. И с переменным успехом они делали то же самое с дальними и ближними соседями. У себя же внутри Запад проводил как бы непрерывный чемпионат по стрельбе с фехтованием, но без судейства и потому до последней крови. Тысяча-полторы лет спортивно-криминального естественного отбора распределили всех западных участников по местам -- от чемпионов в законе, через серебро и бронзу блатных, до неудачников у параши.

Чуешь, куда я клоню? Там точно такие же блатные и пассажиры, как и мы, с теми же обманутыми чувствами, просто у них другие лагерные традиции. И эти традиции распределили их в бараке совершенно иначе, нежели нас. В их пещере скорее не Платон, а смесь Гоббса с Шикльгруббером. Выглядит же их тюрьма изнутри так.

Все сидельцы закованы, как и у нас, спиной к свету, лицом к Стене, но стоят, а не сидят, и не в одну линию, а толпой во много-много шеренг всё меньшей и меньшей ширины, то есть клином, или готовой к атаке боевой свиньёй, это такой способ построения немецких рыцарей на апрельском льду Чудского озера. Короче, треугольником - вершина у цементной Стены, а основание, большая часть зэков - у окна.

У тебя, русский зэк Ваня Лис, есть уникальная возможность сравнить два барака -- в западном живёт твой собрат по несчастью родиться. Бобби Черепок зовут, помнишь его? Этот Бобби тебе поведал бы о всех преимуществах их места заключения. Например, западный зэк видит и чувствует в своей жизни гораздо больше, чем наш. Боб Черепок наблюдает впереди себя целую шеренгу заключенных, продвинувшихся дальше него на пути к истине. И за ней ещё одну, и ещё. Насколько полумрак барака позволяет. Сзади же нашего, то есть, твоего Бобби, постоянно осыпают гнусными матюками, плюют ему в спину и, в минуты социальных волнений, изобретательно награждают незаслуженными поджопниками. То же самое Боб получает от соседей справа и слева, только вместо плевков и поджопников -- тычки локтями и подножки. Почему так? По природе! Все люди от природы стремятся к истине, Аристотель сказал. Вот все эти люди и стремятся, не жалея ни себя, ни соседа. Истина где-то там, где Стена. Но вид на Стену мне перекрывает шеренга более успешных сограждан, а им -- шеренга ещё более успешных, а тем -- ну и так далее. Таким образом, объясняет Боб Черепок, если ты отказываешься считать истиной немый затылок и заплеванную спину соседа спереди, а все отказываются, ты должен любым способом продвинуться вперед, поближе к настоящей истине, то есть занять места передних. Того же самого желают всем сердцем твои соседи справа, слева, сзади, через одного, по диагонали, по ходу конём, короче, здоровая западная конкуренция в чистом теоретическом

виде.

Почему так, спросишь ты Боба? Почему у вас такие культурные особенности, братишка?

Боб не ответит тебе, запахло. А я объясню.

Тысячу лет назад они на Западе были такие же бродяги и арестанты, как мы, жопой у окна, лицом к Стене. От нас отличались разве что деталями. Подтверждение этому мы находим в малявах Анны Ярославны, русской княжны, по этапу переехавшей из Киева в западный барак и ставшей королевой Франции. Потом что-то случилось, реально недоброе. Предполагаю, кто-то один из западных зэков сказал: "Ша! Я тут главный, я тут папа!" А другой его сосед по шеренге ответил: "Это ты что ль, гарпогон римский?! Да я один тут коронованный, ну-ка, бомбило, целуй императору"! Естественно, и у первого, и у второго нашлись союзники, наёмники и просто шестёрки. Понеслось оно по трубам! Или по-научному, началась война всех против всех, в которой каждый побеждает каждого, но на следующий день каждый мутит реванш, и на этот раз каждый берёт верх над каждым!

Кто же там, на Западе, у Стены? Кто тот победитель? Кто прошёл свой путь из глубины вонючего барака к самой Стене? Кто созерцает единственно доступную человеческим чувствам истину? Для начала, там не один зэк, впереди. Там их несколько, Бобби не даст соврать, там всё в динамике, западные лидеры часто меняются. Демократия! Папа Римский, конечно, королева английская, всенепременно, Дарвин был, прикинь, меньше суток, об Стену его и замочили в соответствии с его же теорией, банкиры там, понятно, Гитлер был недолго, в краткий период западной растерянности, Махатма Ганди, веришь, нет, на пару часов попал в передовики, увидел, говорят, Стену, и сам сбежал обратно в сансару. А вот товарища Сталина там быть не могло. Товарищ Сталин в нашем бараке сидел, ровно по центру всей шеренги, чтобы и слева и справа чутко слышать вонь общества, его боль и проклятия и потому успешно контролировать степень натяжения цепей. Подробнее об этом тебе товарищ Суслов может рассказать, секретарь ЦэКа по идеологии, попроси Косыгина, чтобы встречу вам устроил. Шучу.

Далее. Получается, западное общество представляет собой усечённый треугольник. Основание его, низшие классы закованы в цепи у окна. На Западе, кстати, нас заслуженно презирают, называют тысячелетними рабами, ибо мы все жопой у окна, а у них не так, у них есть лучшие, лидеры, немногие мудрейшие, в смертельной борьбе достигшие компромисса. Эти высшие стоят лицом к Стене, жопой к обществу и созерцают максимально возможную в этом мире истину. Что именно они созерцают, никто не знает. Сведения в литературе противоречивые. Но хорошо известна мудрость, которой они делятся с остальными.

Да! На Западе гораздо более счастливые зэки. С ними делятся! Им доступна односторонняя связь с видящими истину передними, качеством, как в детской игре в испорченный телефон. Не лучшая связь, согласен, виноват всё тот же второй закон термодинамики, но у наших зэков и такой нет, смотри себе на истину в упор и толкуй как хочешь, никто не разъяснит. Как сказал бы Витёк, который подслушивает за дверью, в России и так все всё знают, а толку? У них же лидеры заботятся о задних и сообщают им: "Ты спрашивал о Счастье и Свободе, гражданин, они -- там"! Каждый из лидеров, по слухам, говорит только одно слово.

Сообщение о том, как обстоят дела, доходит до средних и дальних рядов непредсказуемо искажённым. Юноша, будущий пехотинец, гордо и ритмично звенит своими цепями, услышав: "Ты -- гражданин"! Параноик, нашедший всемирный заговор, кивает головой: "Спрашивал, гражданин, они -- там"! Шизофреник верит: "Ты -- Счастье"! Кому-то даже везёт обрести высокую мечту: "О, Свободе"! Но до масс послание передовиков реальности доходит в окончательно перевернутом виде, большинство слышит только слова с тишины начинающиеся и тишиной заканчивающиеся. "Ты -- там", что мистическим образом передает самую суть этого послания. Ну, а раз я там, в то время как я здесь, то надо туда, а не тут, кроме того, сосед-то думает также, а места впереди всё меньше, следовательно хочешь не хочешь, а надо убить всех соседей, что мешают, а мешают все. Лишь кто достоин счастья и свободы? Гёте спросил, большой поэт.

Это трагедия западной жизни, но и комедия, и драма, и фарс, и

балаган, и, само собой, боевик с ужасиком. Другими словами, полный винегрет жанров, выбирай на вкус.

Пока ты на дальних от Стены рубежах, ты можешь мечтать о принцессе, о подвигах, об открытии тайн мироздания, о путешествии на какую-нибудь Луну, но пространство мечты ближе к Стене сужается, а вход на следующий уровень стоит всё больше и больше, ты приближаешься всё ближе к реальности, вынужденно взрослеешь и начинаешь делать деньги, меру этой самой реальности. Прайс на вход нигде не написан, но соседи подскажут, зависив цену для снижения твоей конкурентоспособности.

Этот процесс, когда передовики реальности рассказывают про неё задним рядам, называется соблазнением, речи их -- рекламой и пропагандой, а цели их -- массовое жертвоприношение заблудших в западный барак душ, так считают религиозные мракобесы. Либеральная же интерпретация квантовой механики называет этот процесс созданием разности потенциалов между социальными классами, нужной, чтобы питать энергией желание задних рядов двигаться к успеху и, главное, задающей вектор этого движения. Мы за научный подход.

Конечно, одних рассказов про реальность и рекламных лозунгов мало, чтобы подстёгивать задних. Над боевой свиньёй общества нависает ещё один треугольник, невидимый, денежный, вершиной в противоположную сторону сориентированный. Но это совершенно секретная часть платоновского символизма, доступная для служебного пользования только небольшой группе товарищей с высшим допуском.

Правда, и с научным подходом не всё гладко получается.

Тот, кто в западном бараке стоит в самом последнем и многочисленном ряду, спиной к окну и свету, жопой чувствует: что-то не так. Тепло и свежий ветер чувствует он, исходящий, однако, не из глубины барака, где вроде как мечта, а совсем с противоположной стороны. И ветерок этот и свежесть вызывают у задних не романтические чувства, а липкий ужас. Как известно, в последнем ряду стоят отбросы ихнего социума, по-нашему -- бедняки и пролетариат.

Молодые авторы журнала "Как коммунист" называют заднюю шеренгу лузерами, не вписавшимися в рынок, что в корне неверно. Задние суть очень влиятельные члены западного общества. Представь, огромная масса, все низшие классы принялись ёрзать жопой. По одинаковой причине, а потому синхронно, начали гнать волну, колыхание толпы дойдёт до остальных зэков, и те начнут через боль вертеть головами, или, что то же самое, будут пытаться получить информацию с альтернативных направлений, у людей лучше устроившихся в жизни станут сбиваться моральные принципы, передадутся ли эти общественные волнения элите? Конечно! Все же связаны стальными цепями. А если огромная толпа колышется, а если она в резонанс войдёт, как у нас в семнадцатом, а? Это уже не стальные цепи будут, а рваные детские бантики! Что делать верхам общества? Что, что? Контрреволюцию! А как?! Правильными идеологическими пинками ориентировать общество по оси Солнце -- Стена, перпендикулярной Стене. Вектор капиталистического прогресса должен быть направлен в сторону строго противоположную свету из окна, тогда посторонний и необъяснимый блеск не попадает никому даже на край глаза, и тогда общество бодро и динамично, а Запад успешен. Но это в теории. Облом, однако! Ничто из этого не работает - окно открыто! Идеи по управлению западным обществом для элиты вырабатывают философы с определённым положением в этом обществе, представители, как у них говорят, среднего класса, зэки из центральных шеренг, то есть те, кто ни Стены не видят, ни жопу как термометр не используют. Много ли нового и ценного, априори синтетического они наплодят? Ну, постмодернизм придумают и что? Окно-то открыто.

Правда, ещё есть маргиналы. Это зэки, прикованные по краям своих шеренг. Маргиналы слева, маргиналы справа, им бы объединиться в цельного андрогина, но между ними встало общество на свою защиту и политическая система на беду.

Те, кто с края, краем же глаза видят кое-что на Стене и рассказывают остальным зэкам, что ценности, которые предлагает западному обществу его элита, противоречат реальности.

Те кто справа, смотрят в стену одним правым глазом, который

управляется левым, рациональным, числовым полушарием, а значит, идеи правых маргиналов по переустройству общества сводятся к орднунг и дранг нах. Те, кто слева -- левым глазом и правым полушарием, а значит, образным, геометрическим мышлением, эти мечтают, ну, например, переделать общество из плоского обрезанного треугольника в усечённую пирамиду, похожую на пирамиду из самой главной, с юных лет любимой картинки.

Поэтому толку с них мало, с маргиналов и с философов, и верхи после долгих мучений и двух мировых войн выработали тупое до гениальности решение этой принципиально нерешаемой проблемы. Постоянное умножение задних рядов. Чтобы люди, чувствующие жопой, что есть другая правда, не успевали утвердиться в реальности своих ощущений и задумать недоброе, чтобы тепло и свежий ветер из окна закрыл им новый задний ряд, а они, став предпоследними членами общества, повисили, значит, свой социальный статус. Такая технология борьбы со свежим ветром на Западе называется модным термином "глобализм".

Кстати, любой безработный на Западе живёт лучше, чем африканский труженик, факт чего для африканского труженика не повод горевать, а причина собираться в дорогу. И пока в западном бараке открыто окно, сквозняки, которые гуляют по планете, в смысле, по зоне, должны из него в другие бараки приносить привлекательные запахи, чтобы африканский труженик сориентировался, куда двигаться, не перепутал, не дай Фед, то есть Фрейд, с Востоком. Питание в западном бараке потому должно быть богатое и разнообразное, всем доступное и то, что оно как раз такое, лучше всего донесет запах сортира. Когда зэки, как у нас, питаются мочёной брюквой и мороженым картофелем, запах нужника будет, согласись, унылый. А когда мясом и разными тропическими фруктами, м-м-м! Если люди так срут, подумает африканский путешественник, то как они едят! Это ни разу не шутка. Для привлечения новых активных зэков Запад пахнет возможностью получить в своем бараке все-все запретные удовольствия -- разврат, безделье, наркотики, насилие. В задний ряд, новыми членами, нужны, совершенно понятно, энергичные и бесшабашные зэки. Конкуренция

внутри барака не должна ослабевать.

Забыли выяснить, а что там на помосте за окном барака? Чьи тени, отброшенные на Стену, рекламируют господу своим младшим товарищам? К чему конкретно, к отбросам каких Идей должны стремиться члены западного общества?

Ничто, ничьи, ни к каким! Нет там никого сразу за южным окном! Давно, говорят, лет шестьсот назад, там турниры рыцарские проводились, еретиков потом жгли. Ещё говорят, что опустел помост то ли в Реформацию, то ли после Тридцатилетней войны. Но буду честен с тобой, Иван, это мне интересно, кто там, на западном помосте. Наши американские и европейские коллеги уже отвергли само понятие каких-то отдельных от зрителя эстакад, подмостков, сцен и подиумов. Весь мир театр, как сказал Вильям Шекспир. В нём женщины, мужчины -- все актеры. То есть, это только в нашем бараке все тупо зрители Стены и наблюдатели за тенями. А у них -- ревнивый к чести, забияка в ссоре, готовый славу брэнную искать хоть в пушечном ядре. Мир -- театр, понял? И вообще, весь западный барак в голливудском павильоне построен и светит в их окошко никакое не Солнце, а много-много софитов фирмы "Генерал Электрик", закрытых таким специальным экраном, чтобы тень была как от одного источника. Не помню, как эта штука называется, ну да ты понял, ты же был в Зоне Пятьдесят Один и сам, как я понимаю, видел все эти неземные технологии. Короче, ты в театре, парень. А ты за вход платил? Билет ты покупал? Нет! Но ты -- в театре. Значит, ты -- актёр! Показывай давай, на что способен. Логично же. Так рассуждал классический капиталист. Современный же инвестор попросит не показывать ему фокусы, он такое и сам умеет, а дать пощупать, понюхать, помять, попить и пожевать. То есть будет считать мир большим универмагом, а эков покупателями, скопившимися толпой перед огромными дверьми в день скидок за пять минут до открытия. Немногие добившиеся успеха, где-то там впереди, думает современный инвестор, расплющили, счастливики, свои носы и щёки об прозрачное и одним глазком видят горы ништяков в ярких упаковках, и слюни стекают по толстому стеклу, и жирные пятерни пачкают створки, ища телу равновесия. Какое Солнце, какой помост?

Какая Стена?!

Короче, понятно. Западной мысли не интересен помост, Западу подавай человека! Человека как цель умственных, нравственных и бизнес усилий. Гуманизм как он есть. Кем бы ты ни был, актёром, покупателем, рядовым ээком, ээком-сержантом или полковником, ты ценен сам по себе. Пока ты не дошёл до Стены -- вы все равны. Не интересны тени, не замечаем цепи, прочь от ветра и света, главное - движение, главное - вперед! Цивилизация взяла свое! Больше нет необходимости каждому видеть грубую истину, каждому смотреть в Стену реальности и толковать её тени, это занимает до половины ресурсов обыденного сознания, а мотать жизнь - штука архисложная и требует не части, а вообще всех сил души для выживания и ежедневного финишного рывка.

В нашем бараке -- воины, они всегда перед лицом смерти. А значит никакого прогресса. Фатально всё, голимо. Зачем развиваться, если завтра или в пятницу гарантировано умрёшь? А на Западе -- движка, весёлые старты, перезвон цепей, куул, умат! Вообще не скучно! Можно начать карьеру пионером у окна и закончить олдовым мудрецом у Стены!

Прогресс почти победил. Благодаря развитию науки и техники человечество скоро забудет о таких своих много тысячелетних бедах как голод, холод и тоска по дому, то есть обо всех своих проблемах. Отсюда, не кстати, у западных смотрящих появилась ещё одна смертельной важности проблема. Довольство. Пресыщение. Усталость, выгорание. Как вычислили инженеры Рэнд Корпорейшн, если у тридцати процентов членов общества пропадает желание мочить соседей, чтобы двигаться к успеху, обществу конец.

И я почти закончил.

Получается, перед западными мудрецами стоят две основные задачи: не обращая внимания на время суток, погоду и происки Второго Комитерна, построить всё человечество в боевую свинью и, главное, притормозить научно-технический прогресс таким образом, чтобы решение всех материальных проблем человечества совпало по времени

с занятием своего места в задней шеренге последним негром. Мне почему-то кажется, что это будет негр, а не, например, вьетнамец.

Им нельзя оставлять в тылу никакие другие бараки! Ни наш, ни китайский, ни исламский, там же зэки сидят и за дело, опасные, значит, люди, не забываем. Социалистическая революция победила не там! Мы стали что-то не по Марксу строить, какой-то не научный, а русский, отдельный коммунизм, с какой-то стати подняли человека на пьедестал, в цари природы определили, а он всего лишь функция, ресурс, член класса. Решение материальных проблем возможно только для всего человечества целиком и сразу. Здесь, парадоксально, марксоловинская мысль совпала с теоретическими выкладками Христофора Колумба, и открыла богатую Восточную страну, руля на Запад. Коммунизм будет построен капитализмом. Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый! Гёте сказал! А каждый это кто? Это каждый! И как построят -- можно будет заколотить окно. Стена останется, цепи никуда не денутся, и тогда, в более не проветриваемом помещении, в полной тишине и окончательной темноте прозвучит последний ответ на древний вопрос смысла жизни, вселенной и всего такого.

"Ты же этого и хотело. Рот закрой теперь, блюдо".

Картина на русский взгляд - да, мрачная. Но прогресс не остановить. Иной раз промелькнёт мысль, насколько всё-таки счастливее были наши предки, хотя в худших условиях жили в тех же бараках, они нафантазировали своей зоне Хозяина, а Хозяину -- доброго Сына, освобождавшего зэков ещё задолго до наступления капитализма. Типа, так Хозяин возлюбил зону, что послал Сына своего единственного освободить узников вот просто за так, за искреннее раскаяние до суда ещё на этапе следствия. Согласись, нелогичная легенда. Раз уж зона -- какое следствие? Всё уже, по приговору с рождения. И опять же, раз уж зона -- какая любовь? Кто, скажи, кто может не то, что возлюбить, не то, чтобы мечтать, а вообще добровольно хотеть работать на зоне? Врагу не пожелаешь. И отсюда всё остальное -- ни Любви, ни Сына, ни Спасения. Кончились мечтатели, сплошная наука и цифры остались. Скучно. Помост, тачки с песком и мусором, цепи и телевизор во всю стену. И больше ничего! Но ведь кто-то снимает с нас оковы?! Кто же

этот невидимый, пробуждающий нас к Свету, а кто другой невидимый, усыпляющий нас в барак?! Но не успеваешь поймать и додумать мелькнувшую мысль, как получаешь бревно на плечо и задание на день. И кивнёшь, коли спросят к концу смены, усталый и равнодушный, что не будет нам ни свиданки с любимыми, ни передачи с воли, ни УДО, ни даже расстрела из милосердия, и что стоит наш барак в глухой тайге, в безлунную полярную ночь. А светит нам только прожектор с пулемётной вышки.

В западном бараке всё рациональнее. Если кто-то принялся бы освобождать узников, чтобы повести их вон, того разве они не убили бы, попадись он в их потные руки? Убили бы. Освобождая меня от цепей, он освобождает моё место для моих конкурентов. А такое не прощают.

В старости, на вершине мудрости Платон решил пересмотреть свой "Миф о пещере" с высоты разочарований или прожитых дней, направить с той же вышки, так сказать, прожектор пытливого мысли под другим углом на контрольно-следовую полосу и всё то, что она определяет. В редко публикуемом диалоге "В законе" Платон пишет, что окно пещеры надо завалить, в натуре, камнями, тех, кто будет этому сопротивляться тоже завалить, уже из пулемёта, а диалектиков, рассказывающих, что они сбежали из цепей наружу, что-то там видели и вернулись просветить, публично, в назидание остальным, лишать ржавыми ножницами органов речи и размножения. Дабы не умножали ересь и не плодили глупость! И это не жестокость, а мера социальной защиты. После такой меры якобы сбежавшие из пещеры не смогут рассказывать окружающим басни об ином мире, о разнице между чувствами и истиной, словами и делами, ни даже продемонстрировать на себе двойственность человеческой природы.

Это вершина творчества Платона, да и всех достойных упоминания философов, все приходят к таким выводам - то, что ты чувствуешь, и есть Истина, то, что тебе хочется здесь и сейчас, и есть Цель. Счастье это сейчас!

Мир полностью, исчерпывающе, окончательно, до дна материален!

В чём же смысл всего этого символизма? Мрак и ужас я нарисовал, а что тут правильное и прекрасное? Что делать, короче?

Выполнять решения Двадцать второго съезда коммунистической партии. Ха-ха! И Двадцать третьего, и Двадцать четвертого. Снова ха-ха!

Не беспокойся о моем смехе, Иван, в этом кабинете нет прослушки. Здесь, именно здесь бьётся сердце коммунистической идеи, и слышен только стук, хе-хе! А вся прослушка тут это десятилетний мальчонка по имени Витёк, сын преподавателя английского языка. Дождется свою маму в коридоре и подслушивает у дверей лекции и экзамены. Особенно любит кафедру философии восточных мракобесий, но и нас не пропускает.

Помнишь, какое главное решение приняла наша коммунистическая партия на Двадцать втором съезде? Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! Сказано -- будет жить. Не сказано -- будет строить. Пол поколения прошло, осталось чуть-чуть.

Вы с Алексеем Николаевичем те самые люди, которые своими личными действиями приближают коммунизм. Общество наше коммунизм не строит, устали все, обленились. Въехали на отдельную жилплощадь и больше ничего не хотят, чем-то западных лузеров напоминают. Коммунизм строят на Западе, и не подозревают об этом. У них есть цель, у каждого члена общества на Западе есть цель. Они цельные натуры! Они хотят чего-то, они движутся вперед, а не созерцают. Они убьют любого замешкавшегося и правильно сделают, ибо слабому не место у Стены.

Обрати внимание, как Запад двигается. Это прекрасно, это хороший голливудский мюзикл! Он вовлекает в свой танец разные страны и культуры, даже не западные изначально - Япония, Корея, только мы, да Китай с Индией тормозим, ислам уже подтягивается, Южная Америка. А мы всё в своеобразие играем.

Коммунизм - это от каждого по способностям, каждому по потребностям. Очень скоро наука этого добьётся. Наука -- западное изобретение, как и теория коммунизма, им и строить. А нам -- успеть

встать в ряды строителей! Успеть до негров, успеть до Китая, шепиловым примкнуть, пока Мао ещё жив!

О, мы будем хорошими строителями, мы талантливые ребята, Запад это признаёт. Один наш зэк, давно уже, опубликовал рассказ о жизни в сибирском бараке в своих "Записках...", и что же, считается на Западе лучшим писателем всех времён и народов! Другой наш зэк изобрел реактивную тачку, на которой Гагарин за полтора часа всю зону облетел. И таких примеров -- тайга бескрайняя!

Мы достойны встать в ряды! Мы будем очень полезны Западу. Они примут нас как равных, и вы с товарищем Косыгиным этому прямо способствуете.

Вы -- первые и последние русские супер герои!

Объяснил я тебе, Иван, природу истины? Развеял твои сомнения?

Объект "Иван":

Сомнения развеялись, так точно. Я думал, Алексей Николаевич отправил меня сюда послушать о предателях, а я тут, оказывается, посмотреть.

Документ 260

Рассказ о "Встрече четырёх Генсеков",

состоявшейся на

ж/д станции "Минеральные воды",

Северный Кавказ, РСФСР,

19 сентября 1978 года.

Из семейного архива автора,

записано на даче в деревне Мшинская,

садоводство "Буревестник",
Ленинградская область, РСФСР,
01 октября 1993 года.

Крути свою бобину, внучок, давай микрофон. Как ты её назвал? Ну запуская кассету. Хотя бобина звучит романтичнее. Не шуршит? Прогресс!

А ты получил уже бумажку эту, как её, ваучер, на которую можно обменять трудовую биографию твоих папки и мамки? Нет? Молодца! Это нельзя ни на что поменять, хотя гниды и пытаются.

Я поведаю всё, как было, настойчивый ты парень, жаль, не сибиряк. Тебя же встреча Генеральных секретарей интересует? Встреча мёртвых и полумёртвых Генеральных секретарей ЦэКа на курорте Минеральные воды. Я расскажу, внучок, об этом сказку, которая была. На тот случай, если твоя бобина сдаст тебя органам, я представлюсь: Иван Иванович Иванов, пенсионер союзного значения. Много знаю, скоро умру, мне уж за восемьдесят. Хе-хе! Дай-ка подушку кислородную.

Но им меня не достать, внучок, как бы гниды не старались. По телеку говорят, что ищут даже в Швейцарии. Репортёры пишут и называют вслух мою случайную партийную кличку, но совсем не понимают, о чём речь ведут. Умом же чпокнулись! Говорят, ну, ты слышал, как найдут меня, так все проблемы решатся сами собой и заживём мы как в Европе и Америке! Пердуха какая-то! Однако, меры предосторожности не помешают, поэтому обещай мне, что опубликуешь мои воспоминания не раньше чем через двадцать лет, например, в год столетия Великой Октябрьской Революции. Это чтоб я был за тебя спокоен. Вот и чудненько!

Было это, Богдан, в сентябре тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, точно день не помню. Факт этой встречи уже не тайна, журналы писали, по ящику что-то говорили. Поехал Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев с визитом в город Баку, в Азербайджан. А я его

сопровождал, вроде свиты. Поезд у нас небольшой был, два тепловоза и шесть вагонов. Ехали мы, ехали целый день и вот вдруг тормозим под вечер.

Я в окошко смотрю -- станция провинциальная, пустые перроны, гора одинокая вдали торчит. А погода какая тёплая! После Москвы-то. Спрашиваю я, значит, Леонида Ильича:

-- Лёнчик! Мы чего здесь?

-- А это Юрка Андропов меня попросил уделить ему времени полчаса, как на Кавказ поеду, - Брежнев отвечает. - Я, говорит, Леонид Ильич, с судьбоносным человеком вас познакомлю. А мы, ты знаешь, любим всё судьбоносное.

А Юрий Владимирович тогда начальником КГБ был. Понял? Не удобно было Генсеку ему в просьбе отказать.

Андропов уже на перроне стоит и с ним ещё двое -- Мишка Горбачёв и какой-то неизвестный помоложе. Охраны рядом нет, obsługi нет, пассажиров не видно, только вдалеке оцепление выставлено. Асфальт свежий везде положен, чёрный, аж блестит!

Выходим мы, не торопясь, на перрон. Я и Брежнев. Стрелки часов на полшестого, настроение умиротворённое, воздух чистый-чистый! Так я его и запомнил, этот последний славный вечерок. Дальше всё покатилося по наклонной.

Горбачёв нам лыбится, Андропов шляпу свою приподнял и говорит:

-- Дорогой Леонид Ильич! Товарищ Генеральный секретарь! Разрешите радостно вас поприветствовать и позвольте я нас всех нам всем представляю.

Не успел Андропов договорить, как этот второй помоложе хватается Мишку Горбачёва за плечи и оттаскивает от вагона в центр перрона. Вытаскивает этот неизвестный из своего кармана верёвку, один конец её сует в руки Мишке, а со вторым концом сам пятится на пару метров и командует Горбачёву:

-- По моему сигналу начинай вращаться вокруг своей оси против часовой стрелки, - привязывает к концу верёвки кусок мела, наклоняется к асфальту и смотрит на часы.

Андропов не удивился, не то что мы с Брежневым. Неизвестный дождался, как я заметил, семнадцати тридцати и запел:

-- Мишка! Мишка! Где твоя улыбка? Полная задора и... Огня!!! Занялось!

Горбачёв давай вокруг себя вращаться, а второй натянутой веревкой начал рисовать мелом на перроне окружность метра три диаметром.

-- Перед вами, дорогой Леонид Ильич, в центре, тот, который крутится налево, это Михаил Сергеевич Горбачёв, глава местного обкома партии, - подал голос Андропов, - Товарищи сейчас проводят подготовительные мероприятия к церемонии посвящения нас всех в это самое... Во что, я забыл, Филя?

-- В окно возможностей, товарищ Андропов, - отвечал, не разгибаясь, тот, который с мелом.

-- Ага. Посвящение, Леонид Ильич, Константин Устинович, нас всех в окно возможностей в соответствии с древним и принятым ритуалом первобытного коммунизма. Вот такое длинное и судьбоносное название. Второй товарищ - это командир кафедры диалектического материализма, доктор философских наук Филипп Александрович Донский, крупнейший в мире специалист по вот этому всему.

-- Товарищи! Всего двадцать две минуты вашего драгоценного времени просят у вас коммунисты всей планеты Земля в моём лице, - Донский закончил круг и, не разгибаясь, принялся чертить вокруг неподвижного Горбачёва вписанную в окружность пятиконечную звезду, неровными линиями, но ловко, человек, несомненно, много тренировался.

-- Товарищи ответственные коммунисты! - продолжал Донский, - Прошу вас, под моим чутким руководством занять подходящие вам места на вершинах вот этой звезды. Дорогой Леонид Ильич! Позвольте

оказать вам политическую поддержку! Вставайте вот сюда, ага, замечательно, лицом в центр круга. Вот, товарищ Генеральный секретарь, держите эту брошюрку. Узнали? Она самая, первая книга вашей трилогии, "Малая земля". Крепче держите, это важно. Вы теперь и навсегда будете символизировать "Землю" коммунизма. Далее. Михал Сергеич, выходите за пределы круга! Вот сюда, справа от Генерального секретаря, на эту вершину звезды. Держите зажигалку, товарищ Горбачёв, американская, "Жипо" называется, зажжёте огонь по моему сигналу. Да! И всё время смотрите в сторону заката. Юрий Владимирович! Товарищ Андропов, вы уже знаете своё место, рядом с "Жипо", да, прошу вас. Деревяшка с собой? Покажите. Какая прелесть! Карманный Буратино! Держите его на виду. А вы, Константин Устинович, становитесь по левую руку от товарища Брежнева. Вы у нас будете "Металл". Сейчас-сейчас я всё объясню. Вытяните пальчик, нет, левой руки пальчик, я аккуратно повешу вам на него этот брелок. Это маленькая золотая Луна! Девятьсот девяносто девятой пробы! Её мне подарил американский астронавт, человек самозабвенного мужества, четвёртым ступивший на Луну. Не уроните, товарищ Черненко, я потом его заберу. А сам встану рядом с вами. Я буду "Вода", вот она у меня во фляжке. Тут её и набрал, мы же на станции "Минеральные воды", ха-ха-ха! Итак, товарищи! Нас никто не видит. Охране и бригаде поезда приказано отвернуться. Вражеские спутники над этой территорией сейчас не пролетают. Птиц с утра ещё разогнали. Мы с вами впятером, можно сказать, одни в целом мире! И нам никто не сможет помешать немедленно, здесь и сейчас воплотить в жизнь решения двадцать пятого Съезда Коммунистической партии! Партия на Съезде торжественно поклялась окончательно улучшить жизнь народа. И мы сейчас с вами эту клятву исполним, товарищи! О чём это я? Краткая справка. В тысяча восемьсот восемьдесят втором году знаменитый русский антрополог и криптогуманист Николай Николаевич Миклухо-Маклай прибыл из Новой Гвинеи в Берлин, где на секретной встрече с суррогатными отцами европейского коммунизма Фридрихом Энгельсом и товарищами, проходившей на Майстерэкхартштрассе, в неприметном особнячке с большим потайным садом, рассказал собравшимся о главном ритуале первобытного коммунизма. Вот об этом, товарищи, который мы с вами сейчас и проведём. Миклухо-

Маклай долгие годы жил среди папуасов, в нетронутых теоретическими выкладками джунглях, при самом настоящем, пусть и первобытном, коммунизме. Он стал членом большой папуасской семьи, и они посвятили его в свою главную коммунистическую тайну -- обряд революционного преобразования мира. Это ритуальное действие в Европе ещё никто никогда не проводил, воспоминания Троцкого о туалете на Финляндском вокзале Питера в апреле семнадцатого являются позднейшей подделкой. В самом действе нет ничего мистического, это исчерпывающе материальное явление культуры. Но сам факт того, что первобытные коммунисты во времена первобытного коммунизма совершали эти свои ритуалы и в результате оказались там, где мы сейчас, а именно, на вершине цивилизации, говорит о наличии глубокого научного смысла в них, просто наукой не до конца открытого. В ритуале главное -- внутреннее содержание, вера участников в то, что они тут решения двадцать пятого Съезда воплощают в жизнь, а не в игрушки играют! Это понятно? Видимая сторона тоже имеет решающее значение, но может быть разной, одна в джунглях, другая на платформе станции "Минеральные воды". Я вот выбрал вариант не с привычным нам, европейцам, греческим списком стихий, а с китайским. В Греции сейчас капитализм, а в Китае уже два года, как нет Мао Цзедуна, и секретарь ЦэКа по идеологии товарищ Суслов одобрил мой выбор. Итак, объясняю, товарищи, что кому делать. Весь обряд очень короткий, повторяем его два раза, обращаясь, так сказать, к телесному и идеальному аспектам бытия с целью объяснить второму, кто тут первый. Как только я подпрыгну на месте, каждый из нас, по очереди, левой рукой перед лицом проносит символ стихии к правому уху и кричит в центр круга заклинание: "Мать!" Начинаем с товарища Черненко. Далее, товарищ Брежнев тоже самое и кричит "Мать!" Потом также Горбачёв, обязательно зажги, Мишка! Товарищ Андропов обозначает начало конца и кричит "Материя!" Я завершаю круг своими заклинаниями. После чего снова прыгаю и всё повторяем, также против часовой стрелки. Всем понятно? Ответственно подходим к процессу, товарищи! Если всё сделаем как надо, через десять, максимум, пятнадцать лет мы не узнаем свою страну. И никто её не узнает! Готовы? Прыгаю!

-- Мать! - я замешкался, но крикнул.

-- Мать! - Брежнев продолжил.

-- Мать! - Горбачёв провёл у себя перед глазами огоньком зажигалки.

-- Материя! - Андропов потряс в мою сторону игрушечным Буратино.

-- Маммо! - заорал Донский. - Оу йза! Дас ист! Дазайн! Повторяем!
Прыгаю!

-- Мать!

-- Мать!

-- Мать!

-- Материя!

-- Маммо! Маммо! Дас ист! Дас айн! Всё! Мы сделали это, товарищи!
Это поворотное! Это духоподъёмно! Партия нас не забудет!

-- А что это в конце по-немецки у тебя было? - спросил Андропов.

-- Очень правильный вопрос, Юрий Владимирович! Дас ист, дазайн --
это диалектические добавления в ритуал, внесённые Фридрихом
Энгельсом. Классик! Последнее слово всегда за ним.

-- Я хочу спать, - сказал Брежнев.

-- Ещё пара минут, товарищи, - попросил Донский. - Осталась
последняя, но самая важная вещь!

-- Смотрите! - заорал Горбачёв. - Если её не гасить крыжечкой, то она
горит и горит себе!

-- Заткнись, - сказал Андропов. - Давай, Филя, побыстрее, что там ещё
осталось?

-- Даю! Чтобы распахнуть окно возможностей, чтобы новый русский
революционный поворот состоялся, а вы не вспоминали себя потом
членами хоровода на жэдэ платформе, а вспоминали себя вершителями
судеб мира, нам нужно принести окончательную жертву.

Судьбоносную. Чтобы на это архиважное дело от остальных участников обряда получил санкцию начальник КГБ, наша деревяшка, товарищ Андропов! Жертва должна быть, конечно, символическая, бескровная, мы же не садисты какие-нибудь. Я думаю, яд -- лучше всего. Даже не удавка. Да, отравим его.

-- Кого? - спросил Андропов.

-- Священника, товарищ Андропов. Мы должны убить Отца, всю свою жизнь посвятившего Идее!

-- Предлагаешь замочить Сулова?

-- Я рассматривал этот вариант. Но нет. Мы должны грохнуть того, с кем вместе умрёт идея, а не только её носитель. Для поворота истории валить надо священника, который одновременно король, как единство духовной власти и мирской, идеального и материального. Нужно рубить безжалостно сей гордиев узел! Чтобы все нитки, ранее связывавшие тонкое и грубое, идеи и воплощения, короче, всё со всем, покромсать, бля, чтоб вообще! Порвать, ёпта, как целку, ради свободы! Выкопать старое с корнем и сгноить! Вырвать у него пупок! Вбить клин в темечко дряхлому миру и бросить его подыхать на амвон склада стройматериалов! Вырезать солнечное сплетение, пока живой стонет, и этот окровавленный сгусток кинуть на солею в овощехранилище и раздавить в жижу каблуком свеженького, сука, только с завода кирзового сапога!!!

-- Ну и где будет такого взять? Единство чтоб духовного и мирского? - спросил Горбачёв.

-- О! Американцы, когда их припекло, быстро нашли подходящего, - обрадовался Донский. - Десять лет назад пастор по фамилии Кинг, Мартин Лютер который, был в ноль угандошен ради американской космической революции. И всё получилось! Они покорили Луну!

-- Не томи, Филя, - попросил Андропов. - Я же вижу, ты всё уже продумал.

-- Есть не томить, товарищ! Несколько дней назад в интервью

газетчикам, то ли в шутку, то ль всерьёз, нынешний Папа Римский Иоанн Павел сказал следующее: "Католическая церковь сегодня есть продолжательница дела Ленина на Земле". Эта идея должна умереть вместе с Папой Римским, который одновременно является королём страны Ватикан. Да, Юрий Владимирович?

-- Кто нам подходит -- двух недель не проживёт, - ответил Андропов.

-- Ну что, товарищи? Даём санкцию коммунисту Андропову на принесение в жертву монарха Ватикана, Папы Римского Иоанна Павла Первого? Эта санкция сделает весь наш обряд завершённым и действительным, а новый русский революционный поворот неизбежным и успешным. Ваше "да" это поднятый над головой элемент и громко произнесенное его название. Поняли? Будьте предельно собраны и внимательны. Это очень важно! Леонид Ильич, поднимите вверх книжечку и громко скажите: "Земля". А остальные подхватят.

-- Земля! - крикнул Брежнев.

-- Огонь!

-- Дерево!

-- Вода!

-- Пиздец! - это у меня вырвалось. Я и в самом деле не в себе был от этих разговоров. Убить Папу Римского! Серьёзные же мужчины в кружок собрались. Как сказали, так и будет. Оно же так и стало! Умер Папа через девять дней!

-- Дорогой наш Константин Устинович, "золото партии" вы наше, что это вы мне тут ритуал обнуляете, поднимите-ка Луну над головой и назовите имя стихии, - это Донский с угрозой в голосе проговорил. Ну что ж...

-- Металл!

-- Свершилось! Двадцать две минуты истекли. Тьма накрывает Минеральные воды! Не смею больше вас задерживать, товарищи. Настоятельно рекомендую всем нам основательно напиться сегодня.

Всем, кроме Горбачёва. Он должен наблюдать за пьянкой и разжигать в своей душе огонь! Так завещал великий Миклухо-Маклай. Ура. До свиданья, товарищи! Пролетарии всех стран, до свиданья!

Вот такая загогулина со мной произошла пятнадцать лет назад, внучок. Ну я-то ладно, а со страной загогулина происходит и происходит, каждый день, конца не видать. И чувствую я, что и моя тут вина немалая. Считаю, это я душу облегчаю. А заодно объясняю тебе, что же это за хрень вокруг творится.

Ну а дальше? Земля вернулась к земле, деревяшка сыграла в ящик, а я не дал отлить себя в бронзу, внучок, не захотел раньше времени, решил -- пусть молодёжь похороны мои сымитирует и позажигает, сбежал, короче. Верные люди помогли. Одного не учёл, что капитализм наступит у нас, а верность при капитализме, ну ты знаешь, как и всё остальное. Пришлось снова побегать. Родня родней хоть осталась. Хоро-шо!

Ты думаешь, гниды эти толстожопые золото партии ищут везде? Слитки с гербами, самородки из золотого фонда? Пинкертонов наняли искать, Холмсов. Вот-вот найдем золото партии, пишат, продадим за доллары и заживём тогда. Нет, конечно. Меня они ищут. У них что-то не так пошло, с ритуалом этим. Не принимает народ грабёж, как естественное развитие событий. Что-то сбилось в магии ихней. Неправильное слово прозвучало в конце обряда, вот, думаю, и хотят как-нибудь всё переиграть.

Но хуй им, внучок. В Ад, все -- в Ад! Не будет вам золота, Иуды. Только бумажки вам будут. Удавитесь. Обосритесь. И подотритесь.

Документ 270

В Управление контрразведки

Донецкой Народной Республики

от полевого оперативника N 13

докладная записка

Вчера, 05 июня 2015 года, во время патрулирования местности на востоке Марьинки, в канаве у реки Осиновая было найдено тело (труп) в иностранном камуфляже и со сплющенной головой. Труп (тело) принадлежал Джеймсу Уотсону (предположительно), полковнику британской Частной Военной Компании имени Олдоса Хаксли (совершенно точно). Тело трупа было свежее, не более суток занимающее канаву и оставшееся там после отбития нашими атак бандеровцев. Рядом со сплющенной головой полковника лежал принадлежащий ему (точно) военный рюкзак, который он удерживал мертвой хваткой, пришлось перерезать лямки. В рюкзаке, помимо обычного, было обнаружено письмо, написанное от руки корявым почерком по-английски, несколько листков пожелтевшей бумаги. Ниже -- текст письма в переводе.

Привет, сыног! Да! Это тебе твой папан пишет. Нежданчик? Ошарашка? Ан да! Ты меня никогда не видел, я тебя никогда не тискал, но теперь мы станем лучшими партнёрами, обещаю. Тогда, в 1968, я был молод, дура конченная была и твоя мамонка, тобой беременная, мы жили на востоке Лондона в грязи и нищете, можно сказать в полной дерьма канаве. И поэтому я, наивняк, только дембельнувшийся из армии и единственно, что умеющий, это метко стрелять, согласился на заманчивое предложение. Убить Мартина Лютера Кинга. Знаешь же этого ниггерского вождя? Должен знать, зына! С его трупа ты кушал, одевался и приобретал знания вплоть до сегодняшнего дня. Так вот вот. Не этот придурок Эрл Рей, которого посадили за убийство, а твой папаха, Жон Уотсон грохнул ниггера! Гордись, ссын! И хвастайся обязательно! Всем расскажи! В авторитете будешь. Вот прям берешь этот листок, исписанный лучшим лондонским медиумом, старухой Джейн Вульф, её почерк вся Палата лордов знает, и хвастайся! Почему медиум тебе письмо пишет, спросят? Так я из Ада с тобой на связи, сынз. Меня на следующую ночь после дела чикнули во сне штыком в глаз. Хорошо деньги предоплату деньги хорошо взял взял заранее

немалую я молодец хвали возноси а ну меня! Жон Уотсон папен Жеймса Уотсона 04 апреля 1968 года одной пулей завалил ниггера и изменил ход истории! Ха! Стайся!

А теперь с нового листка и уже не для чужих глаз, зын. Я же сказал, мы с тобой запартнерим теперь по-крупному? А ну заткнись, ублюдок! Я сказал! Мы теперь, дорогой ты мой, единственный родной, с тобой таких делов наворотим, ты в материальном мире будешь ой какой, а мне тут, во Тьме прибыльок с того станет. Понял, сука?

За секретность не дрожи, малявка. Джейн Вульф допишет это письмо, и, не выходя из транса, отправит его тебе Королевской почтой, после чего повесится. Я прикажу. Проверь потом, эту тварь все знают, она ещё Черчиллю мозг ела. Вот и узнаешь о моем могуществе. Обожаемый ты мой, мы теперь с тобой весь мир, вжжж! Всосал ушлёпок?

Проверил?

То то то то то.

Для трепета твоего, для почитания, стра Ха и важения, я расскажу тебе, как у нас тут в Аду всё устроено, и кто тут твой папук, он же старший партнёр нашего будущего предприятия.

Для начала, не так уж тут и жарко, фсынка, тут другое. Врут цырковники. Место оказалось оболганным, но это, конечно, Ад, а не Белгравия. Жгут нас тут только эти, с Той стороны которые, и то, если мы неосмотрительны будем. Я говорю мы, хотя я ведь не бес, не черт из местных, я тут просто дохлый человекогрешник, как и миллиарды остальных туточки. Но но но но но!

Привилегия! Да! Я у Хозяев ага ничего другим на зависть! Об этом потом.

Устроено не. Тут тлен прах мрак вой жуть и самое нежное и отдохновенное из всего это тоска. Тоска только чтоб отдохнуть от ужаса вот вот стотысячной смерти по-новой отчаяния стрёма кошмара и крючком раскалённым так в простату тебе и вытягивает и наматывает её на позвоночник тебе же, а ты смотришь, она не может мотаться, ей

нечем, и нет у тебя ни позвоночника ни простаты но они да а ты гляди и чуй. Я глядел. Я боль. Не хочу. Поэтому пишу.

Не устроено у нас. Раздрай, вонь, драки. Мы живём очень быстро тут. Очень. Вы живые для нас как статуи каменные. Гыыыы!

Это наши Старшие черти в ваш мир подкинули идейку типа живи сегодняшним днем, наслаждайся моментом сейчас! Это мы так гживём тут! У нас у всех перед глазами только Тьма, всё более и более черная. Дна нет у неё! Без дна! Мы живём жопой к вашему миру, рожей во Тьму. Никто туда не хочет. Там ещё быстрее. Мочат каждый ближнего. А не успеешь -- глубже в дно, а дна нет! Их много много, Хозяев. Конкуренция! Людишки местные, но без привилегий, как и я, служат нашим Хозяевам полом, подставкой, грунтом, опорой от сваливания вниз. Потому как оно мы тут невыразимо страдаем, а страдание тут во Тьме это всё равно, что бытиё, вон оно как, хсын. Типа под копытами у Старших демонов есть опора из хоть какого-то бытия, и можно поторопиться успеть подняться повыше. Куда это выше? А к вашему миру, щенок, ближе!

Самые крутые Хозяева как раз тут, совсем рядом. На мне, собственно и топчутся. Привилегия. Я то есть тоже высоко близко. Пишу тебе.

А зачем пишу. А чтоб тут и оставаться как можно дольше не упасть вниз до победы наших над вашим миром и тогда меня возьмут заберут обратно к вам с собой обещают очень хочу.

А за что привилегия?

У наших Хозяев тут тоже своя такая жизнь. Есть амбиции, иерархии, лузеры и чемпионы, тут союзы и войны, только всё очень очень быстро. И ещё Хозяева кушают питаются пополняются энергией. Ну а как? Не кушаешь вкусно лузер значит нищеврод пшёл вон в дно. Низшие бесы питаются мелкими земными уродами пакостниками подонками но ссыкливыми не огромно грешащими а много по чутка. Ну типа друга подставил кошку задушил. Средние черти побогаче и разнообразнее, скажем, британским парламентом кушают. А главные Хозяева -- для них лондонский Сити, Волл Стрит и всё аналогичное. Но есть и карнавалы

тут у нас. Наслаждаются вкуснейшей жратвой все высшие и большинство средних. Это когда в вашем, сысын, мире, происходит что-то очень очень. Война, например, мировая. Тогда у нас пир пир пир! Но войны и у вас давно нет, а для наших это миллионы лет назад.

И вот через несколько миллионов после последнего пира вдруг Хозяева получают огромный роскошный стол из взрыва ненависти, отчаяния, злобы, страха, желания мстить, уныния, слёз и самоубийств. Это сто миллионов ниггеров одновременно узнали об убийстве Мартина Лютера Кинга. Какое тут было торжество! А через сутки и повар пожаловал, папеция твоя, зыночик. Ну встретили меня как всех, без Ви Ай Пи, но потом вытащили из канавы полной кипящего дерьма, в ней все начинают, и подняли наверх, к вам поближе. Это как ты понимаешь, не награда, тут так не бывает. Это чтоб я ещё чего-нибудь устроил из вкусно и много пожрать. В прошлый раз я устроил Хозяевам пир, но живой был. Они хотят, чтоб ещё повторил. Но я мёртвый, а они не врубаются, не светят интеллектом, да и вообще свет тут жжётся сильнее, чем крюком в простату.

Что я могу сделать-то?

Уже приготовился обратно в кипящее, но тут вдруг подтягивают к нам наверх, ко мне по соседству одного убитого русского. Накормил, оказывается, главных Хозяев просто изысканным деликатесом вкуснейшим. Многие Хозяева, с низов пробившиеся, даже не пробовали такого никогда, только в легендах слышали. То есть это не гора жратвы была, как я сделал, это эксклюзивное блюдо у него, для самых верхних Старших.

Что такое, тайком спрашиваю русского. Оказывается, он офицер Красной Армии, воевал в Афганистане. Был смертельно ранен и попал к нам прям с поля боя. Ну и? В чём блюдо-то? Он говорит, что и сам не знает и фишку не рубит. Я разрублю твою фишку, говорю. Да что ты, англичанин, понять можешь про нас, русских? Мы другие, говорит. Я ваших русских много тут повидал всяких, и древних и молодых, я ему, разберёмся. Я тут самый крутой из подставок. Я убил Короля-Священника, отчего накормил не легион, врут цырковники, а легиард

обкресчённых, спрашиваю. Не знаю, говорит, это вроде как не запрещено и модно, но разве что кресты носят, а молитв не знают, в церковь не ходят. Не ори, говорю! То есть у вас, у русских, есть защита защит, а вы её в самый важный момент в жизни сбрасываете, даже можно сказать, сплевываете, кидаете под ноги или в лицо Тому, кто вам эту защиту дал и зовёте машете приветствуете наших Хозяев, чуть ли не копыта им и под хвостом с готовностью лижете целуете ещё живыми? Хотя мученикам и так в Прай сразу положено. Да? Молчит русский. Ай ты мой хороший замечательный, говорю я ему. Я бы тебя обнял, но не хочу Хозяина своего тревожить. Всё, отвянь, гнида, говорю я ему. Я медиума вызываю.

Тебе сейчас шестнадцать, отпрыск, и ты нищеврод как я был. Шансов ноль, как и у меня. Мы с тобой это исправим. Иди в военные, я помогу и связями в высших кругах, я тут всё про всех знаю, и деньгами, этой штукой как раз наши Хозяева заведуют.

Сделаешь хорошую карьеру. Но для этого, сыног, ищи возможности по всему миру, ищи! А найдёшь, позови мысленно по имени папко, меня, то есть и убивай, убивай, убивай, убивай, убивай русских!

Документ 280

Письмо в редакцию

"Wikileaks Daily"

от генерала Роберта Скуллза,

30 ноября 2018 года

Сэр!

Мое имя Роберт Хью Скуллз, мне семьдесят девять лет. Вы, конечно,

обо мне слышали. Я тот самый главный координатор операции "Голодный Исав", личный друг президентов США Джонсона, Никсона, Форда и Рейгана, боевой лётчик и почётный сотрудник Госдепартамента, ветеран войны с вьетнамскими комми, генерал-лейтенант ВВС США в отставке, особый старший агент ЦРУ на пенсии и человек, лично разваливший Советский Союз. Это моя краткая биография. Полную же историю своей жизни и невероятных, но абсолютно правдивых приключений, я изложил в мемуарах, которые, к сожалению, уже больше года не собираются публиковать все американские и английские издательства. Канадские и австралийские тоже все.

Мы живем в удивительное время! И те, кто жил в другие времена, нам не завидуют. Двадцать первый век, этот свихнувшийся развратник, взрывает изнутри мою старую черепную кость. И если я вдруг задел ваши чувства с самого начала обращением "сэр" - прошу не оскорбляться, а учесть мой возраст и государственные награды.

Дорогая редакция!

Я начал писать свои мемуары, как только вышел в отставку, то есть много лет назад. Закончил я свой огромный труд пять лет назад, но публиковать его нельзя было до 25 июня прошлого, 2017 года. Утром двадцать шестого июня прошлого года я отправил почтой три дюжины пакетов с копиями моих мемуаров в крупнейшие англоязычные издательства мира. В некрупные издательства тоже отправил свой труд, но по электронной почте, внук подсказал, как это сделать.

Поверите ли вы мне, но я не получил ни одного ответа от издательств! Даже ни одного фактинг отказа, хотя все отправления дошли до адресатов. Я не могу считать это недоразумением. Я это объясняю негласным запретом со стороны какого-то одного или вообще всех моих прошлых работодателей.

Сегодня - день рождения Джонатана Свифта, первым описавшего невероятную жизнь в Других мирах, и я оглядываюсь вокруг и кажется мне, что я в новелле Свифта, но такого, совсем-совсем Свифта, окончательно потерявшегося.

Что-то невозможное происходит. Я не узнаю Америку, дорогая редакция! Я не узнаю англо-саксонский мир! Что эти ублюдки сделали со свободой слова?! И кто они -- эти ублюдки? Где уважение к своим героям, в данном случае ко мне?!

Как историческая личность, как уважаемый ветеран Холодной войны, как главный менеджер Сделки, как агент, лично завербовавший не только советского президента Андропова, но и самого Ивана Лисицына, как мастер тридцать третьей степени масонской ложи "Великий Вудсток Запада" я был вынужден предпринять последнюю попытку принести истину американцам. Я сделал пару звонков старым друзьям и мне устроили встречу с главным редактором издательства "Нью Ёрк Таймс".

Ну как, с главным. Сначала с заместителями.

Все эти встречи, как вы понимаете, ничем хорошим не закончились, иначе стал бы я вам писать.

Редактором отдела нон-фикшн оказался чувак лет тридцати пяти с татуированным лицом и обдолбанный какой-то современной химией. Он называл меня дедушкой, хвастался вшитыми в предплечья чипами и время от времени куда-то выпадал из собственного монолога.

-- Слушай, дедуля, а для чего ты вообще сюда пришёл, шёл? Ты не адекватный, да? Не, я прочитал твою рукопись, но я не понял, понял -- зачем, зачем? Вот зачем ты написал всё это? Хочешь спасти Америку, что ли? А кто это дерьмо читать будет? Такие же старички, как ты? Так у них денег нет, чтоб книжку купить, слышал, пенсионные фонды банкротятся? Может быть, молодым интересна история? Неа. Мне так нет. И ей нет, и ему, и йоу. Какой такой Лисицын фон Браун? Какой Андропов, какой Никсон, что за факинг Луна, дед? Илон Маск на Марсе, Трамп в тюрьме и искусственный интеллект в смартфоне -- вот тренды, ды, ды... Видал, что у меня? Там восьмиядерный процессор, питается от тепла тела и связывается с Сетью через вай-фай. Круто, да?! Это тебе не Зона Пятьдесят Один в Голливуде, ты меня понимаешь. Ладно, дед, дам тебе совет. Больше секса! Что там астронавты в тесной капсуле делали по пути к Луне? Что Никсон с Джонсоном и в каких позах, что ты с Андроповым? И тогда мы тебя точно опубликуем. Удачи тебе, дедуля! А

в левой руке, смотри, зашит другой чип, он через сотовые сети с девять один один свяжется, если сердце вдруг, вдруг.

Редактором исторического отдела был совсем молодой чёрный парень, похоже, с трудной судьбой, очень злой парень, сразу принялся на меня орать.

-- Что, старикан, славы писательской захотелось? Белый республиканец рвется в знаменитости?! Я прочитал твой мусор объемом в пятьсот страниц. Несколько раз блевал в процессе чтения. Ты, значит, оправдываешь себя, Джонсона, фон Брауна, Никсона и всяких других Пейнов-Армстронгов, так?! Типа, вы должны были обмануть американцев и весь мир с полётами на Луну, чтобы уничтожить Советы? Я всё правильно понял, вы не виновны? Ты, грязный старый ублюдок, ещё и киваешь?! Что?! Да какая разница, что о другом речь! Белый гетеросексуальный старпёр оправдывает белых гетерошовинистических расистов и хочет, чтобы мы его полный ненависти манифест, где нет ни слова раскаяния, опубликовали! Да ты конченный! Тебе в Гуантанамо место, в камере по соседству с Трампом! Пошёл вон отсюда!

Отделом политики заведовала молодая девчонка сорока лет, демократка, феминистка и так далее. С ней разговора вообще не получилось. Она сказала, что таким, как я место на обратной стороне Луны или вообще в России, чтобы нас никто не видел, не слышал и не подозревал о нашем существовании. И что беседовать ей со мной просто противно, а если я хочу подробнее узнать, что она думает о старых, белых, республиканских членоносцах, я должен найти ее твитор и ознакомиться.

Милая моя! Мне семьдесят девять лет, я уже всё давно нашёл!

Нет! Вы поймите меня правильно, дорогая редакция! Я, конечно, человек прежней закваски, виски старого урожая, но ничего не имею против этих самоотверженных активистов, борцов, страдальцев за. Я с уважением отношусь к ЛГБТ движению, к этим современным пассионариям -- лесбиянкам, геям, бисексуалам и трансгуманистам. Я слова против них не сказал, но сразу же становлюсь виноват, как только

они замечают меня краем глаза. Меня! Патриота и героя Америки!
Почему так?

А раньше мы все были патриотами! В шестидесятых, во времена моей молодости легко было найти тридцать офицеров ВВС и уговорить их отдать свою честь Родине навсегда. А сейчас? Неужели я -- последний патриот?

Что будет с нашей страной?!

На встречу с главным редактором издательства "Нью Ёрк Таймс" я шёл уже ни на что не надеясь.

Как вы назвали наше издательство, мистер генерал в отставке, спросил меня главный редактор, рыжий англичанин неопределённого возраста и пола. Мы больше не вот это всё, вам привычное, мы теперь издательство "Гендер Таймс", понял, генерал в отставке? Как, как, переспросил я? Простите, сэр, не расслышал, у меня во Вьетнаме контузия была на оба уха, после нападения русской авиации, в июле шестьдесят седьмого. Ты мне не сэркай, генерал в отставке, сказал главный редактор, я не дочитал твою писанину, и так всё ясно. Меня просили оказать внимание тебе, генерал в отставке, но то были люди из такой же древней забытой задницы, как и ты. Оказал я тебе внимание? Претензии? Подождите, сэр, попросил я, один момент, я наушники вставлю от слухового аппарата. Не наушники, а наушницы, крикнул редактор. "Sheadphones, you, parent-one-or-two-fucker", заорал он на своём английском английском и швырнул в меня моей рукописью.

Короче, отказал в публикации.

Дорогая редакция!

Внук посоветовал написать вам, всемирно известным хакерам, и прислать пару глав из моих мемуаров, чтобы вы опубликовали их на своих ресурсах, пока без оплаты. Ещё, сказал внук, дай им каких-нибудь свежих сенсаций, чтобы заметили и заинтересовались. А промоушеном твоих мемуаров, дед, я сам займусь, всего за тридцать пять -- сорок процентов от гонорара. Он очень добрый и заботливый юноша, внук

мой.

Сенсации, значит.

А вы знали, что Брексит планировался под победу Клинтонши? Хотя, да, это вам известно.

Тогда другая сенсация. Знаете ли вы, что после победы Клинтон, в Белом Доме планировалась символическая операция с трансляцией в интернете и по ТиВи. На очищенный от бумаг и телефонов президентский стол в Овальном месте положили бы голого Билла Клинтонна под наркозом, а Хиллари в прямом эфире отрезала бы ему ножницами член. Ассистентом планировался Элтон Джон, а Монику заставили бы смотреть и плакать.

#меняТоже #иМеняТрахнули #аМеняНет #козлы

Эти хэштеги внук поставил.

А вы знаете, что моё бывшее начальство продавило-таки Голливуд, и теперь в каждом потенциально кассовом фильме главным героем будет девочка, девушка, взрослая, уверенная в себе тётка, вампирша, инопланетянка, дьяволица. И это студии ещё отбились от более весёлых вариантов.

#ДжейнБонд #ЧувихаПаук #БелоснежкаИСемьГномих

А эти хэштеги я сам поставил.

Фак! Всё очень, очень, очень плохо!

И противно! Я сейчас сам сблюю, как тот ниггер.

Пора заканчивать моё письмо, дорогая редакция.

Самый последний узелок, на котором держится Америка, а, значит, и весь Запад, это Сделка. Та самая Сделка, о которой большая часть моих мемуаров. И если ничего не предпринять, узелок этот последний развяжется, чары развеются и Запад падёт. А мы все, соответственно, отправимся в Ад. Это будет не справедливо, не правильно, не заслуженно. Но будет, не в этом году, так в следующем или в

двадцатом. Мы, американцы, шедевр Творца, самая уникальная и исключительная нация за всю историю этой планеты, не должны отправляться в Ад!

Как же нам попасть обратно к Создателю, когда придёт срок? Мне семьдесят девять, напоминаю, и это основной предмет моих мыслей в последние годы.

А никак! Ха-ха-ха!

Так я думал долгое время. Но недавно один враг Америки, сам того не подозревая, подсказал выход!

#райНаш

В Рай же не берут не покаявшихся. А нам, Америке, каяться не в чем и не перед кем. Мы достойны Рая, как никто другой. И чтобы оказаться в подобающем нам месте, мы должны быть не справедливо, не правильно и не заслуженно убиты. Мы должны стать мучениками. А как?

Просто.

Русские! Убейте нас. Пожалуйста.

#третьяМировая

КОНЕЦ

P.S. С подробными комментариями к историческим событиям, упомянутым в романе, вы можете ознакомиться на сайте <http://сделка.su/>

P.P.S. Если Вам понравился роман -- поддержите автора рублём или двумя.

Карта Сбербанка: 4276 5500 8939 9219

ЯндексКошелек: 410017331725538

СДЕЛКА. Исторический роман в рассекреченных документах.

Все права на это произведение принадлежат автору.

© Copyright Богдан Евгеньевич Черненко, СПб, 2018